

Александр Костюнин

СКИТ ПОЭЗЫ

ББК 84(2=411.2)бя44
УДК 821.161.1
К 72

Костюнин, Александр Викторович (1964).

К 72

Скист поэзы: [сборник] / Александр Костюнин. –
Петрозаводск : Verso, 2018. – 296 с.

ББК 84(2=411.2)бя44
УДК 821.161.1

ISBN 978-5-91997-277-8

© Костюнин А.В., 2018.

«Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; / и незнатное мира и уничиженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее».

Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла 1: 27-28

Содержание

Часть I

К читателю

Песни

01. Державные:

1. Родительский дом
2. Карелия
3. День весны

02. Народное гуляние:

1. Радуга-дуга
2. Одуванчики
3. Новый год
4. Песня под баян
5. Онежская кадрили
6. Брейк-данс

03. Мы и наши скрепы:

1. Дачка
2. Маня
3. Банька
4. Первый аккорд
5. В защиту «Ё»
6. Хочу назад в СССР
7. Авось
8. Плацкарт
9. Братцы
10. Кухонька
11. Деревенька
12. Королевская рать
13. Непрямоходящие
14. Вражий язык
15. Шахматы
16. Морской бой
17. Небесные птицы
18. Советская заздравная
19. Молоток
20. Россия

04. Русская любовная лирика:

1. Млечными туманами
2. Рябина
3. Март
4. Совпадение
5. Осенняя элегия
6. Молчание
7. Пирожные
8. Ириска
9. Ресторан «Максим»
10. Кручина
11. Настоящая
12. Такая любовь
13. Бумажный кораблик
14. Метель-метёлочка
15. Одуванчик Лера
16. Восьмое марта
17. Огниво
18. Ночь-бикини
19. Бегство из рая
20. Шампанское Брют (танго)
21. Орлица
22. Земляника

05. Дорога жизни:

1. Предожидание
2. Альма-матер
3. Вальс надежды
4. Рок скорости
5. За горизонт себя
6. Лабиринты судьбы
7. Сестра милосердия
8. Дикий конь
9. Грань одиночества
10. Колесница века
11. Крест
12. Катакомбы души
13. Комариная пора
14. Кошка
15. Чётки
16. Иноходь

06. Переходный возраст:

1. Птицы райские

2. Маугли
3. Часы без кукушки
4. Песня Герды
5. Дождинка
6. Школьная любовь
7. Говорю с тобой
8. Алые паруса

07. Поморский цикл:

1. Вальс Белого моря
2. Проверка морем
3. Старый карбас
4. Беломорский погост
5. Избы поморов

08. Полста:

1. Полста
2. Звание «Дед» (русская колыбельная)
3. Мама
4. Сыну
5. Весна
6. Желание

09. Иное измерение:

1. Молитва
2. Реанимация
3. Солнышко
4. Третий день (причеть)
5. Корни
6. Скука
7. Дятел
8. Лошадь ломовая
9. Домино
10. Щёлк-щёлк!
11. Солнечные города
12. Мыльные пузырьки
13. Знамя с ликом Его
14. Ремейк
15. В храме лесном
16. Точка души
17. Ожидание

10. Страна «Детство»:

1. Про маму и... немного про папу
2. Бабушка

11. Скит поэзы:

1. Сигары Коиба
2. Пегас
3. Вулкан Поэзии
4. Поэт-акустик

Остров откровения (дневник писателя):

- Пёрышки
- Вешки
- Взлёт

*

Часть II

К читателю
Песок фантазии

Часть I

Елизавете Евгеньевне Тимоевой

«Дорожите временем
ибо дни лукавы»

К Ефесеям, 5:16

К читателю

*Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку.*

А. С. Пушкин

Думаю, каждый со мной согласится: писать стихи трудно. А когда нет поэтического дара – невозможно! Посему стихов не пишу. Однако в потоке сознания нет-нет, да и проскакивают вольные ритмические строки. Точно знаю – не проза. Что тогда?! Боялся себе признаться... Несколько ободрил мудрый поэт Юрий Левитанский:

О свободном стихе

– Что? – говорят. – Свободный стих?
Да он традиции не верен!
Свободный стих неправомерен!
Свободный стих – негодный стих!
Его, по сути говоря,
эстеты выдумали, снобы,
лишив метрической основы,
о рифме уж не говоря!..
Но право же, не в этом суть,
и спорить о свободе метра –
как спорить о свободе ветра,
решая, как он должен дуть.
Всё это праздные слова.
Вам их диктует самомнение.
Как можно ставить под сомнение
его исконные права!
Нет, ветер, дождь или трава
свободны по своей природе –
а стих,
он тоже в этом роде,
его природа такова.

И как ни требовал бы стих
к себе вниманья и заботы –
всё дело в степени свободы,
которой в нём поэт достиг.

Мои первые шаги в поэзии... спорные.

Это не величавые, грациозные движения от бедра...
Вовсе нет! Ноги заплетаются. Атактическую, церебральную
походку трудно назвать грациозной, но она Моя! И горечь, и
желания, и слёзы, и смех — тоже мои. Мои! — не почившего
классика. И вдохновляет знаете что?.. Слова из клятвы
паралимпийцев: «Разрешите нам сделать это. Если у нас не
получится, мы всё равно будем вам благодарны за то, что нам
разрешили сделать это». А любимый поэт-романтик Сергей
Есенин выразился ещё резче:

Соловей поёт — ему не больно,
У него одна и та же песня.
Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягушка.

«Петь по-свойски» — вот что важно! А мастерство, Бог
даст, придёт. И поэт Новелла Матвеева уверена:

Поэзия есть область боли
Не за богатых и здоровых,
А за беднейших, за больных.
А там – едино: голубой ли
Рыжий; вольный иль в оковах;
Классический иль новый стих.

А вот артиллерия тяжёлая:

Зачем крутится ветер в овраге,
 Подъемлет лист и пыль несет,
 Когда корабль в недвижной влаге
 Его дыханья жадно ждет?
 Зачем от гор и мимо башен
 Летит орел, тяжел и страшен,
 На черный пень? Спроси его.
 Зачем арапа своего
 Младая любит Дездемона,
 Как месяц любит ночи мглу?
 Затем, что ветру и орлу
 И сердцу девы нет закона.
 Гордись: таков и ты, поэт,
 И для тебя условий нет.

А.С. Пушкин, незавершенная поэма «Езерский»

Поэзия свободна и вольна, как свободны орёл, ветер и сердце юной девы. Не ведают они рамок!.. А предполагаемым критикам Поэт заочно бросает:

Исполнен мыслями златыми,
 Непонимаемый никем,
 Перед распутиями земными
 Проходишь ты, уныл и нем.
 С толпой не делишь ты ни гнева,
 Ни нужд, ни хохота, ни рева,
 Ни удивленья, ни труда.
 Глупец кричит: куда? куда?
 Дорога здесь. Но ты не слышишь,
 Идешь, куда тебя влекут
 Мечтанья тайные; твой труд
 Тебе награда; им ты дышишь,
 А плод его бросаешь ты
 Толпе, рабыне суеты.

Игорь Гарин в книге «Мудрость веков. Поэзия. Афористическая мудрость» бросил мне ещё один спасительный круг: «Уже в XVII веке Хуан де ла Куэва и Ожье восстали против аристотелевской поэтики и «правил поэзии». Ибо стихосложение не терпит канонов. Время, место, личность творят свои формы, поэзия в принципе не может быть формализована, она по природе своей неопределима».

Мой любимый поэт Варлам Шолохов в письме к Борису Пастернаку признаётся: «Бесполезность эпитимьи, запрета, зарока – в отношении стихов – была понята мной очень быстро, и я перестал бороться сам с собой. Ожидал только часа, когда написанное будет нужно кому-нибудь, кроме самого меня, – и будет новостью, открытием, чудом. ... Как бы ни была грандиозна сила другого поэта – она не заставит меня замолчать. Пусть в тысячу раз слабее выражено виденное мной – я счастлив оттого, что я понимаю, ощущаю»...

К тому же, подмечено: «сочинение “плохих” стихов делает человека намного счастливее!» Вдумайтесь, даже ПЛОХИХ. Вот она – долгожданная индульгенция графоману!

И ещё диво!..

Абсолютно не имея представления о законах версификации, поговаривают, что я использовал-таки элементы стихосложения, применяемые гениями-пиитами. Отпираться не стану... Кто его знает, может, нечаянно, НЕЗЛОНАМЕРЕННО! какую строку и ямбнул:

«На третьем ходу выяснилось, что гротмейстер играет восемнадцать испанских партий. В остальных двенадцати чёрные применили хотя и устаревшую, но довольно верную защиту Филидора. Если б Остап узнал, что он играет такие мудрёные партии и сталкивается с такой испытанной защитой, он крайне бы удивился. Дело в том, что великий комбинатор играл в шахматы второй раз в жизни».

Дальше – хуже...

В довесок к прежним порокам, которые уютно свили гнездо в моей душе, я стал писать авангардные стихи для песен. Что они собой представляют? Это – вся моя непутёвая жизнь, спрессованная в 1 ГБ, переведённая в форматы Word, MP3 и JPEG. Это тексты для тех, кто думать умеет и любит. Это аритмия жизни и сердца – в аритмии строк. Никогда не думал, что участвовать в сотворении настоящей песни столь увлекательно. Когда не получается быть при сём – страшно переживаю. Не нахожу себе места – сучу ногами! Как манит в момент творчества находиться рядом с композитором!.. (Мужикам – каприз такой!.. – хочется лично участвовать в зачатии собственного ребёнка).

На какие-то стихи уже написано несколько мелодий, другие своей оправы ждут. Соседка из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», обезумев от внезапно нахлынувшего счастья, обоих мужиков признала своими. И мне бесконечно дороги разные варианты мелодии. Как можно выбирать между солнцем и воздухом? Что лучше: сладкое или пушистое?

Пока... не все мои слова положены на музыку.

Поэтому, ежели у кого-то из читателей-почитателей есть дар музыкального сочинительства, давайте сотворчествовать! Тексты из сборника «Скит поэзы» ждут вас!

В эссе «Остров откровения» (дневник писателя) честно изложено как я докатился до рифмы и ритма – так врачи, разрабатывая вакцину, испытывая действие её на себе, скрупулёзно описывают ход болезни... вплоть до смерти. Издатели «Леф» – журнала левого фронта искусства – призывали: «Каждая блоха = рифма должна стать на учёт». По скудости урожая я тоже собираю-сберегаю всё до буковки, пополняю сборник. Зачастую у меня с внутренним голосом взгляды по одному и тому же вопросу диаметрально противоположны. Я категорически! не разделяю его

нонконформизм, однако возможность высказаться, по-
семейному, так сказать, даю. У каждого из нас своя правда.

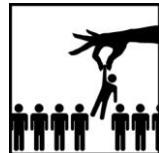
Моё внутреннее самоощущение – «толстый лирик»...

Предъявленные миру строки – «писательская кухня»,
заготовки будущих «эпохальных» произведений! Реплики
негодяев и годяев, героев отрицательных и положительных.
Мои вирши – не Кодекс морали, не псалмы, не дидактический
свод нравоучений, и уж разумеется, не авторская точка зрения.
Это скорее некий отголосок души, покинувшей мир прозы и
уединившейся в экспериментальную лабораторию русского
языка, в схимонашеский скит поэзы.

Ну, а теперь...

Силь ву пле, пристегните привязные ремни и вперед!
С Богом!

Ваш Александр Костюнин

Песни

«...Ты для них – как забавный певец с приятным голосом и хорошо играющий; они слушают слова твои, но не исполняют их.

Но когда сбудется, – вот, уже и сбывается, – тогда узнают, что среди них был пророк».

Книга пророка Иезекииля 33:32,33

Державные

«Подвизайся за истину до смерти, и
Господь Бог поборет за тебя».

Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова. 4:32

Родительский дом

Родительский дом ждёт нас всегда!

Прямая ссылка на видео смотреть (формат mp4) режиссёр Александр Костюнин:
<https://youtu.be/11dnKTmJ0aQ>; (Победитель в номинации «Лучший социальный ролик»
Международного кинофестиваля «ЗИЛАНТ – 2022»); Победитель в номинации «Родные
лица» конкурса-марафона «Уголок России», Москва 2023).

Тесто радостно выдохнуло «пых»...
Самовар весь в медалях золотых.
В печке жаркий уголёк догорал –
Дом родительский детей поджидал.

В печке жаркий уголёчек догорал –
Дом родительский детей поджидал.

...

Наприедем с дальних-близких краёв –
Сыновей, невесток, дочек, зятьёв!..
Мал-мала бежим-стучим по мосткам –
В окнах свет укажет путь к старикам.

Мал-мала бежим-стучим по мосткам –
В окнах свет укажет путь к старикам.

Дом родительский собрал всех, как в старь...
Пусть вовеки не пустеет тот ларь!
Мать нам вкусных напечёт куличей.
Всех – по имени. Не спросит «ты чей?»

Мать нам вкусных напечёт куличей.
Всех – по имени. Не спросит «ты чей?»

Магарыч нам принесёт с холодка.
Дед, осанясь, лишь пригубит слегка.
В печке жаркий уголёк догорал –
Дом родительский детей принимал.

В печке жаркий уголёчек догорал –
Дом родительский детей принимал.

*

Карелия

Александр Николаевич Трофимов

Видео (режиссёр Александр Костюнин) прямая ссылка на видео смотреть (формат mp4):
<https://youtu.be/UC3eZ2D12M4>;

Песни о Карелии... Тема болезненная.

Я всегда переживал, как личное оскорбление, что есть лишь одна достойная песня о Карелии: «Долго будет Карелия сниться». Написана она в далёком 1973 году – полвека назад! А ведь если в сводную колонну выстроить нас всех – штатных деятелей культуры республики и таких, как я – любителей: поэтов, писателей, выпускников музыкальных школ за эти годы (в каждом районе есть школа своя), да ещё встанут плечом к плечу выпускники музыкального училища, консерватории... ВКонтакте зарегистрировано более трёх тысяч! (3000) выпускников и педагогов ПГК им. Глазунова. Силища!!! Хвост колонны, походу, будет в Карелии, голова – в Москве.

А песня одна...

Автор – Колкер, карел. Другой карел, Игорь Губерман (для меня каждый гениальный поэт – земляк!) натолкнул на разгадку этой страшной тайны – почему нет песен своих:

Если надо – язык суахили,
сложный звуком и словом обильный,
чисто выучат внуки Рахили
и фольклор сочинят суахильный.

После знакомства с этими строками я ходил, как в воду опущенный... Нет. Просто опущенный. Оказывается, только «внуки Рахили» способны сочинить достойную песню... Чувство стыда за

свою беспомощность переполняло. Чувство неисполненного долга перед малой родиной, перед дедами и прадедами жгло, поднимало на творческий бой и взятие неприступной высоты под названием «Песнь о Карелии».

В итоге мы написали свою песню – сделали, что могли – и стало легче. Есть разные варианты мелодии – антология одного текста, разные исполнители... Истинную песню, извините за выпренность, выберет народ.

Итак, встречайте! Наша песня «Карелия»:

Дымка над озером и церквями
Зыбким туманом стелется.
Сердце просится ввысь голубями!
Явь, а мне всё не верится.

Белые ночи, ноченьки-ночи...
Мы не сомкнули оченьки-очи.
Чистыми акварелями
Светится ночь Карелии...

Чистыми акварелями
Светится ночь Карелии...

...

Солнца луч коснулся соломинкой
Сосен верхушек и елей.
Месяц нежной маленькой родинкой,
На небосводе белеет.

Белые ночи, ноченьки-ночи...
Мы не сомкнули оченьки-очи.
Чистыми акварелями
Светится ночь Карелии...

Чистыми акварелями
Светится ночь Карелии...

...

Солнышка луч целовал нам лица,
На опоздавших досадуя.
Пел в обнимку с первыми птицами,
Всех смущая и радуя.

Белые ночи, ноченьки-ночи...
Мы не сомкнули оченьки-очи.
Чистыми акварелями
Светится ночь Карелии...

Чистыми акварелями
Приворожила Карелия...

*

День весны

Посвящается Великой Победе!

«Россия будет бороться с попытками фальсифицировать историю Второй мировой войны». Президент РФ В.В.Путин; «Те, кто врёт о войне прошлой, приближают войну будущую». Виктор Астафьев, писатель, фронтовик;

Видео (режиссёр Александр Костюнин) прямая ссылка на видео смотреть (формат MP4):
<https://youtu.be/hxGVBLQjfXg>; (Победитель в номинации «Лучший социальный ролик»
Международного кинофестиваля «ЗИЛАНТ – 2022»)

С дедом нас разлучило не время,
А Великая та война!
Не сидел у него на коленях.
Безотцовщина – вся страна...

Девятое мая – праздник весны!
Снятся пусть детям мирные сны.
Радости праздник и светлой тризны...
Весны! – не зимы! – Отчизны.

...

Вы на порог не пустили беды,

И не дрогнув, пали в бою.
Замостили собой путь Победы...
Не допев колыбельную.

Девятое мая – праздник весны!
Снятся пусть детям мирные сны.
Радости праздник и светлой тризны...
Весны! – не зимы! – Отчизны.
...

Уходил он, не зная про сына...
На фронт мужу нежной строкой
Отписать не успела Арина:
«Любим! Ждём с победой домой!»

Девятое мая – праздник весны!
Снятся пусть детям мирные сны.
Радости праздник и светлой тризны...
Весны! – не зимы! – Отчизны.

Девятое мая – праздник весны!
Снятся пусть детям мирные сны.
Радости праздник и светлой тризны...
Весны! – не зимы! – Отчизны.

День весны! – не зимы! – Отчизны.

*

Народное гуляние

Радуга-дуга

Владимиру Георгиевичу Бояринову

Север красками играет,
Ночка писаной красы.
Искры снежные летают,
Свет от девичьей косы.

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

...

На губах снежинки тают,
Своим жаром их гблбю.
Я в глазах его читаю
Долгожданное «люблю».

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

...

А девчата все подряд
Красою очарованы,

Щёки красные горят
Морозом зацелованы.

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

...

Светит иней на ресницах,
Варежки опять в снегу,
Может, это только снится,
Угадать я не могу.

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

Радуга дуга-дуга –
Народное гуляние!
Золото и жемчуга –
Зимнее сияние!

*

Одуванчики

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Ленин В.И. «Задачи союзов молодёжи»

Хороводят хоровод
Одуванчики.
Предложение твоё
Мне заманчиво...

В роще иволга поёт
Все заслушались.
Кавалера себе ждёт
Непослушного...

В роще иволга поёт
Все заслушались.
Кавалера себе ждёт
Непослушного...

...

Лето красное встречать
Полагается.
Одиноким, хмурым – штраф
Налагается.

Целоваться станем всласть
До заутрени.
У весны большая власть –
Знаю внутренне.

Целоваться станем всласть
До заутрени.
У весны большая власть –
Знаю внутренне.

...

Хороводят хоровод
Одуванчики
В золотисто-расписных
Сарафанчиках.

Лето красное бежит,
Улыбается.
Предложение твоё...

Принимается.

Лето красное поёт,
Улыбается.
Предложение твоё...
Принимается.

*

НОВЫЙ ГОД

Светит ярко ёлка на дворе
День последний в этом декабре.
Сказку каждый хочет в Новый год, в Новый год.
Сказка в полночь и к тебе придёт...

Сказку каждый хочет в Новый год, в Новый год.
Сказка в полночь и к тебе придёт...

Ты собратся вместе попроси, попроси
Огоньки зелёные такси.
Всех друзей на праздник пригласи, пригласи –
Эту весть скорее донеси!

Новый год, Новый год!
К нам под вечер придёт.
Новый год, Новый год!
Сказку всем принесёт...

...

Огоньки, мерцающий салют,
Конфеты и рюмка «Абсолют»
Увлекают в общий хоровод, хоровод
Чтобы дружно встретить Новый год.

Увлекают в общий хоровод, хоровод
Чтобы дружно встретить Новый год.

Ты собраться вместе попроси, попроси
Огоньки зелёные такси.
Всех друзей на праздник пригласи, пригласи –
Эту весть скорее донеси!

Новый год, Новый год!
К нам под вечер придёт.
Новый год, Новый год!
Сказку всем принесёт...

*

Песня под баян

Отцу – Виктору Алексеевичу Костюнину

Баян – распахнётся душа...
Баян, выдай, как встарь!
Нахлынет, сердца тормоша,
И развеется хмарь.

Нахлынет, сердца тормоша,
И развеется хмарь.

Веселится иль плачет баян –
Сладен звук миража.
Переливами музыки пьян,
Гармоники куража...

Баян – распахнётся душа...
Баян, выдай, как встарь!
Застонет баян, ворожа,
И развеется хмарь.

...

О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
О-ой дари-дари-дариде...

Лодки радостно кивают нам –
Нас согласные везти вдаль.
Вдаль по всем далёким сторонам –
Травы стелятся: легли вдоль.

Мы к воде, к воде да между скал,
Взявшись за руки, бежим прочь.
Ветер все сомненья заглушал –
От отчаянья, бежим в ночь.

...

О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
О-ой дари-дари-дариде...

Волны катятся и ка-тят-ся,
Пена рюшами шуршит в такт:
«Ой, прости отец и ма-ти-ца!..
Знать, нельзя нам по-другому никак».

О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
О-ой дари-дари-дариде...

Волны парами ведут кад-риль,
Камни каблучками: топ-топ.
Вечер нас любовью о-кро-пил –
Камыши в ладоши: хлоп-хлоп.

Я судьбу свою здесь за-кад-рил –
Камыши в ладоши: хлоп-хлоп.

О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,
О-ой дари-дари-дари-дари-дариде,

О-ой дари-дари-дари-дари-дари-дариде,
О-ой дари-дари-дариде...

*

Брейк-данс

Резко встал.
Оп-ппа!..
Пове-еело... Повело сразу душу на данс.
На данс, на данс.
Оп-ппа!..
Пьяный зал, сквозь дымину за мной наблюдал,
Блюдал, блюдал.

Оп-ппа!..
Пове-еело... Повело сразу душу на данс.
На данс, на данс.
Оп-ппа!..
Пьяный зал, сквозь дымину за мной наблюдал,
Блюдал, блюдал.

Э-хе... Браво! Ещё бы, ещё..
Шаг ногою шагнуть не могу..
Лишь рукой.
Но это орут все: «Не в счёт! Не в счёт!»

Можно, вас!.. Да, вас.
Вот сюда и сюда целовать.
Нет не так, мы ж собьёмся с ритма, а... А жаль.
А жаль, жаль... А жаль, как жаль... как жаль!

Оп-ппа!..
Пове-еело... Повело сразу душу на данс.
На данс, на данс.
Оп-ппа!..
Пьяный зал, сквозь дымину за мной наблюдал,

Блюдал, блюдал.

Оп-ппа!..

Пове-еело... Повело сразу душу на данс.

На данс, на данс.

Оп-ппа!..

Пьяный зал, сквозь дымину за мной наблюдал,

Блюдал, блюдал.

Хип-хоп! Хип-хоп!

Гарцевал, говорят, словно зверь, битый час

Не жалея ни пол, ни себя... А! А...

Все орал мне «классный брейк-данс у тебя!!!»

А я... А я... А я... А я... А я... А я...

Просто к выходу шёл.

Все колени и локти отбил.

Отбил, отби-ил...

Оп-ппа!..

Пове-еело... Повело сразу душу на данс.

На данс, на данс.

Оп-ппа!..

Пьяный зал, сквозь дымину за мной наблюдал,

Блюдал, блюдал.

Оп-ппа!..

Пове-еело... Повело сразу душу на данс.

На данс, на данс.

Оп-ппа!..

Пьяный зал, сквозь дымину за мной наблюдал,

Блюдал, блюдал.

.....

Да пошли вы...

Я просто к выход шёл...

Так, а где Серёга?

Серё-ooo-га!!!

*

Мы и наши скрепы

...И дружно ему закричали друзья:
– Нам всем непонятна манера твоя!
И так как они не признали его,
Решил написать он
Себя самого.
И вышла картина на свет изо тьмы...
И все закричали ему:
– Это мы!

Леонид Мартынов

Дачка

Эх, кабы землицы нам поболе... Тогда и на Русь заглянуло б Счастье!

Домик Тыквы: сидя ешь и спишь.
Отвечай, чего же ты молчишь?
Нет прислуги? Ну ты, блин, даёшь...
Зато рукою до калитки достаёшь.

Эх ты, дача-даченька-дачушка –
Козырёк над шаткой раскладушкой.
Может, тесноватая в плечах,
А зато тепло, как при свечах.
...

Здесь не смей чихнуть или похуже –
Зыбкая конструкция не сдюжит.
Жалко, без движения опухнешь.
Плюс другой – зато всегда на кухне.

Эх ты, дача-даченька-дачушка –
Козырёк над шаткой раскладушкой.
Может, тесноватая в плечах,
А зато тепло, как при свечах.
...

На одной ноге стою и счастлив.
Никаких желаний нет – угасли.
И, хоть зад на улице, – не комик.
Ты не смой струёй уютный домик!

Эх ты, дача-даченька-дачушка –
Козырёк над шаткой раскладушкой.
Может, тесноватая в плечах,
А зато тепло, как при свечах.
...

Эх ты, дача-даченька-дачушка –

Козырёк над шаткой раскладушкой.
Может, тесноватая в плечах,
А зато тепло, как при свечах.

*

Маня

Математика утверждает, что невозможно разделить 500 мл жидкости на три равные порции. А у нас на это способен любой. Бе-е!.. Вариации на тему Николая Алексеевича Некрасова: «Есть женщины в русских селеньях».

Маня – наша творческая личность.
Маня – наше «Оторви и брось!»
Ей не скрыть свою акадЭмичность
И мосол, ну, белую ту кость.

Другие – ни напиток, ничегошеньки.
А наша Маня – глаз не отвести...
С утра эх! распьяным-пьяна-пьянёшенька.
Бывает, блин! так людям повезти.

...

Плюсы Мани – ни сочтёшь, ни сбросишь,
Пальцы зря свои не загибай!
У любого на деревне спросишь...
Ты не стой, ты, главное, наливай!

Другие – ни напиток, ничегошеньки.
А наша Маня – глаз не отвести...
С утра эх! распьяным-пьяна-пьянёшенька.
Бывает, блин! так людям повезти.

...

Так бухать – с рождения задатки!
Мало спать со школьным букварём.
В курице – любого на лопатки!..

У неё талантище во всём.

Другие – ни напиться, ничегошеньки.
А наша Маня – глаз не отвести...
С утра эх! распьяным-пьяна-пьянёшенька.
Бывает, блин! так людям повезти.
...

На буквах трёх, как на струне басовой,
Так молвит слово, что гасите свет!
Поэзия вам – не попса дешёвая:
«Вот полночь близится, а водки уже нет».

Другие – ни напиться, ничегошеньки.
А наша Маня – глаз не отвести...
С утра эх! распьяным-пьяна-пьянёшенька.
Бывает, блин! так людям повезти.
...

Другие – ни напиться, ничегошеньки.
А наша Маня – глаз не отвести...
С утра эх! распьяным-пьяна-пьянёшенька.
Бывает, блин! так людям повезти.

*

Банька

Банька с веничком – наша душа!
Генерал или рядовой –
Всем уравнительно-хороша.
Парку я подкину – не вой!

Банька жаркая душу шаркает...
Хлад и полымя молодят меня!
...

Веник берёзовый и родной,
Пляшет, листом гудя,
Ходит по спинам, как заводной,
Инстинкты шальные будя.

Банька жаркая душу шаркает...
Хлад и полымя молодят меня!

...

С мороза лютого – в самый жар!
Полымя хотя, но не гарь.
В турецкой – разве там пар?!
Вымя, гляди, не ошпарь.

Банька жаркая душу шаркает...
Хлад и полымя молодят меня!

Банька жаркая душу шаркает...
Хлад и полымя молодят меня!

*

Первый аккорд

Нас, самодетельных музыкантов, в силах не понять каждый.
С тем, чтобы ободрить себя и братьев своих, написана эта песня.

А эм... Хоп!..

Я научился играть на гитаре...
Я научился играть на гитаре –
Пока...
Пока только в карты.
Уж я не так бы по струнам мог вдарить...
Уж я не так бы по струнам мог вдарить!..
Но нет...
Но нет в жизни фарта.

E-eee! E-eee! E-eee!

Эх, взять бы первый аккордище,
А дальше пойдёт само!
Пойдёт, коль соседи не тормознут
И не применят сумо...
Не применят сумо!..

Для меня овладеть аккордом «А эм»...
Для меня овладеть аккордом «А эм» –
Это – шаг!
Шаг на пути в оркестр.
Там сбациаю быстро на зависть я всем...
Там сбациаю чётко на зависть я всем!
И – вперёд!
В мировой реестр.

Ну, а «грифом» зачем вы назвали верх?
Гриф – птица не наша.
Назвать деталюгу советую «стерх».
Тогда!..
Тогда – воля ваша...

Ваша! Ваша! Ваша!..

Эх! взять бы первый аккордище,
А дальше пойдёт само!
Пойдёт, коль соседи не тормознут
И не применят сумо...

Эх, взять бы нам первую высоту –
Дальше пойдёт само!
Пойдёт, коль соседи не тормознут
И не применят...
Не применят сумо...
Не применят сумо.

*

В защиту «Ё»

Когда опутан тоскою,
И накрывает злой рок,
Как валидол за щекою
Русский держу матерок.

Чужим отрава зловредная –
Твоё «ё» и «ё-моё».
Своим – ворожба целебная.
Ни шагу без буквы «ё»!

...

Скрепки не принесут вреда –
Губит нас вкусовщина –
Дистиллированная вода
Всей своей мертвечиной.

Чужим отрава зловредная –
Твоё «ё» и «ё-моё».
Своим – ворожба целебная.
Ни шагу без буквы «ё»!

...

Нерусские слова – сорняк!
Не грязно я матерюсь...
Они всё «сорИ» да «сорИ» –
Я за чистую речь бьюсь!

Чужим отрава зловредная –
Твоё «ё» и «ё-моё».
Своим – ворожба целебная.
Ни шагу без буквы «ё»!

...

Русь седая – сакральный край,
Где вплетается мат в молитву.
«Ё» – на заклятие не давай...

«Ё» – защитим, брат ситный!

Чужим отрава зловредная –
Твоё «ё» и «ё-моё».
Своим – ворожба целебная.
Ни шагу без буквы «ё»!

Молитва душеполезная...
Все – на защиту «ё»!

*

Хочу назад в СССР

Вперёд! В заде мы были.

– Ну что, готовы?
– Всегда готовы!

Хочу назад в эСэ-Сэ-СэР!
Назад, в советскую общину,
Где метроном – блюстител мер –
Задаст по жизни ритм единый.
...

Где двор, мои друзья, подружки
И пиво в оградённой кружке.
Военная игра «Зарница» –
Лишь бы опять не за границей...

В советское упрямо веря,
Верните ГТО, а лагеря
Не надо все – один «Артек»,
Чтобы не стать клиентом ВТЭК...

Талоны, очередь на всё
Нам не нужны, признаться, вовсе,

А вот Наташка – образ неземной –
Украдкой пусть целуется со мной...

...

Хочу назад в эСэ-Сэ-СэР!
Назад, в советскую общину,
Где метроном, не ставя в хер,
Задаст по жизни ритм единый.

Сигнал пропикает Москва,
Объявят курс по «Маяку».
Узнав почём нам «дважды два»,
Мы разгонять пойдём тоску.

Узнав почём нам «дважды два»,
Мы разгонять пойдём тоску.

*

АВОСЬ

У нас если нельзя, но хочется...
Твори всё с верой в «авось»!
Не гляди, что вокруг хохочутся...
Не дрейфь ты так сильно, брось!

Дела в мире идут вкривь-кось.
Завидуют нам, небось!
Всем русское наше «авось» –
В горле застрявшая кость.

Ещё прагматизм всем предъявит счёт –
Икнётся им бизнес-план.
Когда-нибудь да подведёт расчёт...
Спасёт всех Авось-Иван.

Дела в мире идут вкривь-кось.
Завидуют нам, небось!

Всем русское наше «авось» –
В горле застрявшая кость.

Все считают, что мы с голым задом –
Свою, мол, ничё нету.
То – давно технологии нано...
Почитайте газету!

Дела в мире идут вкривь-кось.
Завидуют нам, небось!
Всем русское наше «авось» –
В горле застрявшая кость.

Мир, на нас задираться-то брось!
Погнём щас глобуса ось.
Небо нас «крышует», небось!
Секрет?.. Выкуси, накость!

Дела в мире идут вкривь-кось.
Завидуют нам, небось!
Всем русское наше «авось» –
В горле застрявшая кость.

Дела в мире идут вкривь-кось.
Завидуют нам, небось!
Всем русское наше «авось» –
В горле застрявшая кость.

*

Плацкарт

Ты-дын – ты-дын! Ты-дын – ты-дын!..
Ты-дын – ты-дын! Ты-дын!..

Вся наша жизнь – плацкартный вагон!
Полустанками меряем век.

С углем дурное летит в огонь –
Здесь себя узнаёт человек.

Россия – страна общинная.
Плацкарт – наш ковчег нетленный,
Судьбинушка, ой! былинная,
Где каждый второй – блаженный.

Ты-дын – ты-дын! Ты-дын – ты-дын!..
Ты-дын – ты-дын! Ты-дын – ты-дын!..

Лбом прилипнув к стеклу, всё глядим
На жизнь, что проносится мимо.
Постыдно звание «нелюдим»!
Прослыть тогда лучше уж мимом.

Россия – страна общинная.
Плацкарт – наш ковчег нетленный,
Судьбинушка, ой! былинная,
Где каждый второй – блаженный.

Ты-дын – ты-дын! Ты-дын – ты-дын!..
Ты-дын – ты-дын! Ты-дын – ты-дын!..
Отбивают колёса свой степ,
Проводница воркует нежно..
А кто хвалит купейный, тот – слеп!
Не понять ему нас, ночлежных.

Россия – страна общинная.
Плацкарт – наш ковчег нетленный;
Судьбинушка, ой! былинная,
Где каждый второй – блаженный.

Ты-дын – ты-дын! Ты-дын – ты-дын!..
Ты-дын – ты-дын! Ты-дын!..

Ты-дын – ты-дын! Ты-дын – ты-дын!..
Ты-дын – ты-дын! Ты-дын!..

*

Братцы

Человек нуждается в моральной поддержке и неприкрытой лести, а уж если в собеседнике, то – непременно уступчивом, остроумном, терпеливом, душевном. И, главное, за ним ходить далеко не нужно... Это – единокровный брат, наш внутренний голос! Нельзя ругаться со вторым «Я»! Иначе можно остаться совсем одному...

Голос внутренний дан
для баланса. Ну и зачем
всюду лезть? Ты мира ищи,
а не ди-ссо-нан-са.

Неугомонный мой глас,
разлюбезный... Ох, дать бы под глаз!..
Но терплю, братишка тебя,
потому, как трезвый!

Но, со вторым «Я» надо ладить,
против шерсти не погладить.
А раз так – решили братцы
основательно надраться.

Со вторым «Я» надо ладить,
против шерсти не погладить.
И решили дружно братцы
основательно надраться.

Ты кончай возникать!
не по делу речи толкать!!!
В прошлый раз зачем разбудил
во мне А-за-зе-ллу!

Ты – советник дурной!
ну зачем подбиваешь на бой?
Я что, ниндзя? Как же всё мне
это на-до-е-ло!

Но, со вторым «Я» надо ладить,
против шерсти не погладить.
И решили дружно братцы
основательно надраться.

Со вторым «Я» надо ладить,
против шерсти не погладить.
И решили дружно братцы
основательно надраться.

Со вторым «Я» надо ладить,
против шерсти не погладить.
И решили дружно братцы
основательно надраться.

Со вторым «Я» надо ладить,
против шерсти не погладить.
От того решили братцы
основательно надраться.

*

Кухонька

Ллай-лай – ла-лайла – лалалл-ла!
Лалалл-лай – ла-лалайлла.

Кухонька наша – советский Афон,
Душевная исповедаляня.
Функциональней, чем ихний айфон –
Столовая здесь и читальня.

Ой, на кухне что только ни делали...

И любили,
Гарнитур сотрясая Светкин,
И дурили,

Обращаясь великосветски,
И гуляли –
Ждёт пол-литра давно на столе,
И рыдали:
«Наша Африка-то... – на ноле!»

Звезда в красном углу – не иконка –
Под ней о полётах мечтали.
До утра пели хором мы звонко,
Не ведая бед и печали.

Ой, на кухне что только ни делали...

И любили,
Гарнитур сотрясая Светкин,
И дурили,
Обращаясь великосветски,
И гуляли –
Ждёт пол-литра давно на столе,
И рыдали:
«Наша Африка-то... – на ноле!»

Кухня ты наша, кухонька, –
Звезда в углу – не иконка...

Кухня ты наша, кухонька, –
Звезда в углу – не иконка...

*

Деревенька

Где деревенька та прежняя,
Сказочная и нежная?
Как подзаборный сорняк-репей,
Ненужною стала теперь.

А раньше, бывало, затынем песню...
Вспоминать о деревне тяжко,
В сказочном сне, уповаю, воскресни!
Душа домой рвётся, бродяжка.
Не химия в плёнке – в масле олашки,
Родникова водица – в кадке.
Не секс в телефоне – ласки Малашки.
Деревенька – ягодка сладка.

Воздух глотнёшь и... – не можешь напиться.
Сенокос – до упаду, банька!
Мы все за деревню станем молиться...
За здоровье ей поднимай-ка!

Где деревенька та прежняя,
Сказочная и нежная?
Как подзаборный сорняк-репей,
Ненужною стала теперь.

Как подзаборный сорняк-репей,
Ненужною стала теперь.

*

Королевская рать

Посвящается Роману Мадянову, единственному артисту, который публично извинился
за роль палача в сериале «Штрафбат».

Коль в паутине запутался –
Сразу гремят оковы:
«В жалость не пробуй укутаться!
Песенка та – не нова...»

«В жалость не пробуй укутаться!
Песенка та – не нова...».

Конвоиры вели черепа, скелеты,
Цепкую свив паутину.

Уводили под дулом в безвестность, в Лету,
Надеясь – всё скроет тина.

– Мы послушно чужой исполняли приказ:
«Списать всех в расход – расстрелять!»
Есть немало людей, что сидят выше нас...
Мы – лишь королевская рать.

Мы – лишь королевская рать.

Но однажды проснёмся: самих пауков –
Пучком посадили в банку.
Их никто не избавит тогда от оков –
Хватит им жить наизнанку!..

– Мы послушно чужой исполняли приказ:
«Списать всех в расход – расстрелять!»
Есть немало людей, что сидят выше нас...
Мы – лишь королевская рать.
Мы – лишь королевская рать.

*

Непрямоходящие

«Мы – непрямоходящие», считает Александр Збруев.

Мы – «непрямоходящие»...

Библейский факт эволюции –
Найден декрет с резолюцией:
«Людам за грехопадение
Отказать в прямохождении».
Брюнеты, рыжие и плешивые,
Певчие и молчаливые.
Мы при этом все живородящие,
Хотя непрямоходящие.

Мало кто ходит с достоинством.
Взять рыб и рептилий воинство... –
Не одиноки мы вовсе на свете –
И у змей ползущие дети.

Брат мой, бесхребетный и вездесущий,
Давай, не на кровососуших!.. –
На гордых пингвинов будем равняться!
С колен нам бы только подняться...

Библейский факт эволюции –
Найден декрет с резолюцией:
«Людам за грехопадение
Отказать в прямохождении».

Библейский факт эволюции –
Найден декрет с резолюцией:
«Людам за грехопадение
Отказать в прямохождении».

*

Вражий язык

В Советском Союзе частное владение иностранным языком... не приветствовалось. Английский язык сначала запрещали, ибо, как писал в 1950 году журнал «Огонек», «засорять свою речь чуждыми словами – значит засорять свою голову чуждыми идеями...» Была даже развернута кампания переименований: так, баскетбол превратился в «корзиномяч», а футбол — в «ногомяч». В случае контакта с любым чужеземцем (читай «шпионом») сов. гражданин обязан был изъясняться через переводчика (читай «сотрудника Органов»).

«Тише вы, балаболы!.. –
Твёрдо помню со школы. –
Вражий зачем вам язык?
Вы что, совсем что ли бзык!»

Свой лучше изучим, давай-ка!

«Кирза», «фуфайка» и «майка»...
Словес избегайте заморских –
Меньше фраз бутафорских.

«Пенсил и девушка-чувиха» –
Сам я выучил лихо –
По-немецки «шпрехаю» с детства.
Ежели без кокетства...

«Хенде хох», значит «гитлер капут!»
Любой у нас шалапут,
Ты хоть тормози его ночью,
Во сне повторит точно.

«Тише вы, балаболы!..
«Тише вы, балаболы!..
«Ну, тише вы, балаболы!..

Твёрдо... помню... со школы.

*

Шахматы

Владимиру Борисовичу Розенфельду

Шах! Мат!.. Шах! Мат!..

У «головастиков» дурь на уме,
Как далеки от народа...
Мы по-простому – росли на «Му-ме».
И с шахами – в контрах! – сроду.

Шахматы, шахматы, шахматы...
Знайте: там – мат на мате!
Шахматы, шахматы, шахматы –
Кони и те поддаты.

Шах! Мат!.. Шах! Мат!..

Всё причуды очкастых лентяев...
Глянь, конь сиганул через строй!
Играть лучше будем «в Чапаева» –
Нам люб пролетарский покррой.

Шахматы, шахматы, шахматы...
Знайте: там – мат на мате!
Шахматы, шахматы, шахматы –
Кони и те поддаты.

Шах! Мат!.. Шах! Мат!..

Интеллигентов мало били.
Склонен народец наш к бою...
Я им дам – «короли»! Рабочих забыли!
Перехожу к мордобою...

Шахматы, шахматы, шахматы...
Знайте: там – мат на мате!
Шахматы, шахматы, шахматы –
Кони и те поддаты.

Шахматы, шахматы, шахматы...
Знайте: там – мат на мате!
Шахматы, шахматы, шахматы –
Кони и те поддаты.

Шах! Мат!.. Шах! Мат!..
Шах! Мат!.. Шах! Мат!..

*

Морской бой

Бой морской на тетрадке:
Два трёхклеточных – в ряд...
Мой кораблик в порядке!
Вражьи шляпки горят...

Бац! «А-два» – мимо тоже...
«Пли!» – мы дали отпор.
Их линкор сник, похоже...
Наш ответ врагам скор!

Мой противник «учебный» –
С ним за партой сидим,
Но рожочек победный
Вновь трубит не над ним.

Петька сделался строже...
С ним у нас без обид,
Но ему не поможе-еет...
Вдруг, корабль мой подбит.

Лавры жилить не буду:
Я – за честный подход!
Есть «коронное блюдо» –
Палец суну в компот!..

Моё «коронное блюдо» –
Палец... макну... в компот!

*

Небесные птицы

– Живите, как небесные птицы!..
Как птицы небесные, как птицы небесные...
Живите, как небесные птицы!..
Как птицы небесные, как птицы небесные...
Живите, как небесные птицы!..

Как птицы небесные, как птицы небесные...
Живите, как небесные птицы!..
Как птицы небесные...

Не сеют, не пашут птицы
Однако живут сытно.
На небе – ярче денницы! –
И с ветром почти слитны.

Не склонны к пустым эффектам.
Бомжей у них в стае нет.
Не падкие на прожекты:
Пилить и пилить бюджет.

Не клонут соперника в глаз –
Житейская этика!
Спешат на встревоженный глас –
Такая генетика.

По жизни птицы с собою
Своё всё носят всегда.
За родину к смертному бою,
Готовы, как никогда.
– Живите небесными птицами
И станет в мире светлей.
Все кинулись с ясными лицами...
Гадить с крыш на людей!

Живите, как небесные птицы!..
Как птицы небесные, как птицы небесные...
Живите, как небесные птицы!..
Как птицы небесные, как птицы небесные...
Живите, как небесные птицы!..
Как птицы небесные, как птицы небесные...
Живите, как небесные птицы!..
Как птицы небесные...

*

Советская заздравная

Сперва капиталистов-буржуев, «белых» и «кулаков» (так им, мироедам, и надо!). Затем своих противников, попутчиков, соратников и первые волны палачей. В девяносто шестую очередь крестьян, священников, командиров плюс – гуртом! – десять народов. Потом генетиков, потом кибернетиков, потом с правым уклоном, потом, заодно, с левым. Потом врачей, потом... А список «врагов народа» всё пополнялся и разбухал. Похоже, если б Великая Отечественная война не отвлекла от дел праведных, неутомный Тараканище постепенно уничтожил бы нас всех. Всех, до одного.

Спасибо за всё!

Спасибо, что жили и верили,
И судьбу пятилетками мерили!
За ударный труд, разбатраченный,
Иллюзии порастраченные.

За дом, где не попили, не жили.
Страну, где не только нас не жили...
Энтузиазм и отвергнутый крест –
Сострадания не сыщешь окрест.
За войнолюбивых воителей,
За детишек, предавших родителей,
За могилы поруганных предков.
Вспоминанья глазонькам едки...

Спасибо, что жили и верили,
И судьбу пятилетками мерили!

Спасибо, что жили и верили,
И судьбу пятилетками мерили!

Спасибо за всё!

*

Молоток

Сл. Лев и Александр Костюнины

олег сказал оксане гордо / теперь кладёт он #уй на всех / а та с рулеткой объясняла / на
всех не хватит твоего (пирожки)

Ночь. Маршрутка. И светит фонарь.
На душе беспросветная хмарь...
Я с работы уволен. И пусть!..
Я не дам одолеть себя, Грусть.

Окружают враги! Ну и пусть!
Для начала, пожалуй, напьюсь...

Взгляд скользнул по стеклу – оба-на!
Там подсказка висит у окна:
«Не тушуйся! – мне знак подают, –
Защити свой душевный уют.

«Не тушуйся! – мне знак подают, –
Защити свой душевный уют.

Молоток! находится у водителя!!!»

Козырь есть у меня неплохой!
На душе сразу – радость-покой.
Натерпелся я в жизни... Хана!
От начальника-брюхана.

Ой, натерпелся я в жизни... Хана!
От начальника-брюхана.

Если что, молоток у водителя...

Не с пустыми руками теперь.
Ты, любимая, лучше поверь!
Пилишь-пилишь, что бездарь и мот
Потому и не варишь компот.

Пилишь-пилишь, что бездарь и мот
Потому и не варишь компот.

Все соседи твердят, что я лох.
Их прижму крепко ногтем, как блох...
Им – ни «здрасьте» теперь, ни «налей».
Я устрою им жизнь веселей!..

Хватит, натерпелись... Молоток у водителя!..

Козырь есть у меня неплохой!
На душе сразу радость-покой.
Молоток... молоток, молоток.
Ты захлопни скорее роток.

Молоток... молоток, молоток.
Ты захлопни скорее роток.

Молоток, молоток, молоток...
Молоток, молоток, молоток.

*

Россия

Борису Александровичу Подопригора

Дай сказать, не спеши... подожди!
А что для меня «Россия»?
Одуванчики, солнце, дожди –
Конечно, всё это и я.

Россия! – не «Русь», не «Раша».
Мы плоть, как дым от огня.
Любима, поскольку наша
И колыбель, и броня.

...

Россия – себя открытие.
Способствует жёсткость сама...
Россия – с Небом соитие!
Россия – отец и мама.

Россия! – не «Русь», не «Раша».
Мы плоть, как дым от огня.
Любима, поскольку наша
И колыбель, и броня.
...

Россия – страна, где нескучно.
Россия – кругом лебеда.
Не всё, может, благополучно...
Но любит её Победа!

Россия! – не «Русь», не «Раша».
Мы плоть, как дым от огня.
Любима, поскольку наша
И колыбель, и броня.
...

Россия! – не «Русь», не «Раша».
Мы плоть, как дым от огня.
Любима, поскольку наша
И колыбель, и броня.

*

Русская любовная лирика

Млечными туманами

Млечными туманами, берегом реки,
Грешными дурманами, взорам вопреки
Мы идём, идём, идём – головы склонённые,
Потихонечку вдвоём, счастьем опалённые.

Мы идём, идём, идём – головы склонённые,
Потихонечку вдвоём, счастьем опалённые.

Берега дивились: руслу вопреки,
Два притока слились у одной реки.
Мы идём, идём, идём – души истомлённые,
Потихонечку поём, счастьем окрылённые.

Мы идём, идём, идём – души истомлённые,
Потихонечку поём, счастьем окрылённые.

Ночка черноокая – час для ворожбы!
Слились два истока в линию судьбы.
Мы идём, идём, идём – головы склонённые,
Потихонечку вдвоём, счастьем упоённые.

Мы идём, идём, идём – головы склонённые,
Потихонечку вдвоём, счастьем упоённые.

*

Рябина

Первый на лужицах тонкий ледок
И заливные листья.
Робкий несмелый зимы холодок,
Рябин терпкие кисти.
Робкий несмелый зимы холодок,
Рябин терпкие кисти.

Солнце лучится – греть лишь не греет.
Рябина всё слаще горчит.
Таит любовь свою, багровея
На белом снегу и молчит.

Таит любовь свою, багровея
На белом снегу и молчит.

А тот, кому свой жар берегла
Прижался к другой ветвями.
Если бы... если бы только могла,
Огонь залила б дождями.

Если бы... если бы только могла,
Огонь залила б дождями.

Солнце лучится – греть лишь не греет.
Рябина всё слаще горчит.
Таит любовь свою, багровея
На белом снегу и молчит.

Таит любовь свою, багровея
На белом снегу и молчит.

Первый на лужицах тонкий ледок
И заливные листья.
Робкий несмелый зимы холодок,
Рябин алые кисти.

Робкий несмелый зимы холодок,
Рябин алые кисти...

*

Март

Март. И морозы закончились.

Запахи пряные.
Зима сосулькой с балкончика
Слёзы льёт пьяные.

Ветер всё распяляется,
Раму трясёт, греша.
Выстрадав, истомляется
Отвергнутая душа.

Ветер всё распяляется,
Раму трясёт, греша.
Выстрадав, истомляется
Отвергнутая душа.

Ветер всё распяляется,
Переходит с мольбы на ор.
В липу тополь влюбляется
Треплет себе вихор.

Ветер хмельной и южный
Ломится в двери, в ночь.
Он, как и я, ненужный,
Чем мне ему помочь?..

Ветер хмельной и южный
Ломится в двери, в ночь.
Он, как и я, ненужный,
Чем же... нам всем помочь?

*

Совпадение

Совпадают в жизни дороги,
Приводя к одному порогу.
Совпали луна и полночь –
Не примерно, а точь-в-точь.

Совпадает огонь и лучина –
Не найдётся на то причина
Тепло их вновь разделить,
Одиночества холод испить.

Совпадают и мысли грешные –
Ничего в этом нет потешного.
Совпадает в любви дыхание,
Двух теней на стене колыхание.

Совпадают стрелки часов,
В песне душевной – хор голосов.
Совпала с музыкою строка –
Лишь по-прежнему ты строга.

...

Сердца бешеный стук – с немотой.
Даже свет – с беспросветной тьмой.
Стрелок бег и часов бой –
Не совпали лишь мы с тобой...

Сердца бешеный стук – с немотой,
Даже свет – с беспросветной тьмой.
Стрелок бег и часов бой –
Не совпали лишь мы с тобой...

Стрелок бег и часов бой –
Не совпали лишь мы с тобой.

Не совпали лишь мы с тобой...

*

Осенняя элегия

Он говорит со мной, как с нелюбимой,
В щёчку целует слегка на прощанье.

Он смотрит, кажется, сквозь – будто мимо.
Не сыплет сладкими обещаньями...

И я о нём не думаю вовсе,
Не нужны мне его взгляды.
Обычный мужик, как все, в общем,
А все мужики... – гады.
...

Кажутся лишними его ласки –
Вроде люди совсем мы разные.
Я читала подобные сказки...
Жаль, любовь незаразная.

Не замечает! Не замечает...
Зачем же так сердце стонет?
Выпить, может? Только не чаю...
Я как шлюпка, что в бурю тонет.

А, может, нужно стать понежнее?..
Кому нужна моя жёсткость?!
И побежать навстречу быстрее,
Не заметив по телефону колкость...

Я б побежала ему навстречу –
Ведь по сердцу соглашаться.
А он: «Домой пора, уже вечер».
Ну почему так тянет ругаться!..

Ах, как я бы летела навстречу,
Вовсю распахнув объятия,
Но боюсь сердцу увечий,
Он скажет ведь: «Мы – не братья».

Если б ни горечь слёз, то даже мило...
Да, я не плачу. Нет – всё очень мило!
Мне, представьте себе, вся любовь его...
Не дороже верёвки и мыла...

*

Молчание

Наталье Хиля

Кромка света и тьмы – беззвучие.
Утра грань и ночи – покой.
Захлебнулись дрязги трескучие...
Тишина, нас собою укрой.

Человеческое молчание –
Не всегда от отчаянья.
Не трепетных чувств угасание –
Душ родимых касание.
...

В любви слова лишни,
Звуки будут мешать...
Хорошо на закате жизни,
Когда есть с кем помолчать.

Человеческое молчание –
Не всегда от отчаянья.
Не трепетных чувств угасание –
Душ родимых... срастание.

*

Пирожные

Для тебя всё ишу я пирожных
И брожу по кафе придорожным.
Сладко-горькая встреча-разлука
Обернулась израненной мукой.

Сладко-горькая встреча-разлука

Обернулась израненной мукой.

...

Тенью – дворник, бесцветный носильщик...

Люди-призраки, ворон-могильщик.

Гулко-ёмкое эхо вокзала...

– Будем просто друзьями, – сказала.

Гулко-ёмкое эхо вокзала...

– Будем просто друзьями, – сказала.

...

– Бесконечно тебя уважаю, –

В путь последний любовь провожая.

Ткнулась носом едва на прощанье,

Улыбнулась, в знак завещания.

Ткнулась носом едва на прощанье,

Улыбнулась, в знак завещания.

...

Вкус утраты острее и острее...

Я прошу тебя, время, бы-стре-е!

Дни и ночи, ну будьте короче...

В моей жизни

поставили

прочерк.

Дни и ночи, ну будьте короче...

В моей жизни

поставили

прочерк.

...

Для тебя всё ищу я пирожных

И брожу по кафе придорожным...

*

Ириска

Любят не те, о ком мы не спим.
Не те-ее...
Рвётся на вдохе ломаный слог
В Нете.

Любят не те, о ком мы не спим.
Не те-ее...
Рвётся на вдохе ломаный слог
В Нете.

...

Как ириска, что тянет пломбы –
Влипла душенька.
Быть бы живу – не до апломба,
Не до кушаньки...

Что всех ждёт: черед разменов,
Клубище фальши?
Друг-приятель – советчик хренов,
Молчит, что дальше.

Пыль осядет и хмель отпустит –
На утро тяжко...
Налегаю на лист капустный –
Во рту всё вяжет.

Поугихнут, оставят боли.
Зима настала.
«Ну, а жить-то мне так доколе?»
Тут сердце встало...

...

Любят не те, о ком мы не спим.
Не те-ее...
Рвётся на вдохе ломаный слог
В Нете.

Любят не те, о ком мы не спим.
Не те-е-е...
Рвётся на вдохе ломаный слог
В Нете.

Рвётся на вдохе ломаный слог...
В Нете.

*

Ресторан «Максим»

Балладу слагали не дабы воспеть общепит. Это – «медляк». Медленный танец, как средство душевного исцеления от хандры.

На душе пустота и хлад.
Мысли с сердцем давно вразлад.
Дни и месяцы, как затон,
Вместо песни – сдавленный стон...

Огонёк свободный такси,
Отвези в ресторан «Максим» –
Дорогая, прошу прости
Этот шаг безутешности.

...

Может, в свете мерцанья люстр,
Растворяясь, танцуя блюз,
В тайном смехе встреченных глаз,
Я найду любви перифраз.

Огонёк свободный такси,
Отвези в ресторан «Максим» –
Дорогая, прошу прости
Этот шаг безутешности.

...

Жизнь – одна! Замены ей нет...
Ты не пугай с ночью рассвет.
Блик тревожный с нежным лучом,
Запечатав жизнь сургучом.

Огонёк свободный такси,
Отвези в ресторан «Максим» –
Дорогая, прошу прости
Этот шаг безутешности.

Огонёк свободный такси,
Отвези в ресторан «Максим» –
Дорогая, прошу прости
Этот шаг безутешности.

*

Кручина

По сердцу нашла я кручину –
Всех он любит, да лишь не меня.
Горечь радости, страсть не по чину –
Оставляю, его не виня...

Горечь радости, страсть не по чину –
Оставляю, его не виня...

Я стою, ясным солнцем согрета...
И река до чего ж хороша!
Неужель моя песенка спета?
Вспомню жизнь, уходя, вороша...

Неужель моя песенка спета?
Вспомню жизнь, уходя, вороша...

Запахнуса закатом багряным,
На груди – крест на крест – два крыла,

Одурманюсь тем запахом пряным,
Раз любовь не сыскала угла.

Одурманюсь тем запахом пряным,
Раз любовь не сыскала угла.

По сердцу нашла я кручину –
Всех он любит, да лишь не меня.
Горечь радости, страсть не по чину –
Оставляю, его не вина...
Оставляю, его...

*

Настоящая

Я стою на ветру, мне – не холодно.
Есть давно позабыл, а не голодно.
Говорят, что виденья навязчивы.
Вот и встретил... Её – настоящую!

Говорят, что виденья навязчивы.
Вот и встретил... Её – настоящую!

Силикон, накладные ногти –
Приманка для членистоногих.
Вырастают дивные когти,
Не успел если «сделать ноги».

Вырастают дивные когти,
Не успел если «сделать ноги».

Насколько же нужно стать пьяным,
До чего же надо быть глупым,
Чтоб лизать белила-румяна,
В двух ногах запутаться тупо?..

Чтоб лизать белила-румяна,
В двух ногах запутаться тупо?..

Сердце истоиво застучало,
Встретив взгляд в суете кипящей.
«Чувства, локоны... – не мочало.
Смотри, она – настояща-аяя!»

«Чувства, локоны... – не мочало.
Смотри, она – настояща-аяя!»

Я стою на ветру, мне – не холодно.
Есть давно позабыл, а не голодно.
Говорят, что виденья навязчивы.
Вот и встретил... Её – настоящую!

Говорят, что виденья навязчивы.
Вот и встретил... Её – настоящую!
Настоящую...

*

Такая любовь

Наши сложные отношения:
Угара смрад, радиация,
Не разрыв и не-совпадение...
Передаю SOS по рации!

Не разрыв и не-совпадение...
Передаю SOS по рации!

Жизнь какая-то... непрямая.
Может, любовь такая?..
Жизнь какая-то... непрямая.
Может, любовь такая?..

Скандалы, а между – всё райское.
Бой тарелок, рюмок – на счастье!
Прощенье последнекитайское –
А впереди – снова ненастье.

Прощенье последнекитайское –
А впереди – снова ненастье.

Жизнь какая-то... непрямая.
Может, любовь такая?..
Жизнь какая-то... непрямая.
Может, любовь такая?..

Наши сложные отношения:
Угара смрад, радиация,
Не разрыв и не-совпадение...
Приди на выручку, «рацио»!

Не разрыв и не-совпадение...
Приди на выручку, «рацио»!

Жизнь какая-то... непрямая.
Может, любовь такая?..
Жизнь какая-то непрямая.
Видно, любовь такая...

*

Бумажный кораблик

Души тянутся к друг дружке.
Я шепчу тебе на ушко.
Дождик грустный за окошком –
Звёзды спрятались в лукошко.

Взявшись за руки мы кружим –
Огорчаться нам не нужно –

Уплываем вдаль обнявшись,
Жаром внутренним сравнившись.

...

Тусклый свет из дальних окон.
Обжигает нежный локон –
Сон чудесный, длись подольше,
Солнце, не включайся больше!

Но кораблик из бумаги,
Из себя пример отваги –
На волнах не нас качает...
Врозь с тобой рассвет встречаем.

...

Но кораблик из бумаги,
На волнах не нас качает...

*

Метель-метёлочка

Вере Антоновне и Петру Степановичу Лукиным

На дворе метель-метёлочка метёт,
А меня никто сегодня не ждёт...
Вдруг в стекло снежок желанный прилетел –
Жар медовый до ресниц завладел.

Тропкой снежной в сельский клуб далеко.
Как же с хутора дойти нелегко...
Провожатый нужен ой! боевой!
Не добраться ни за что мне одной!
Кавалер мой и не весел, не рад,
Объясняется подчас невпопад:
Говорит, а сам волнуется весь.
Тут моя куда-то делася спесь...

И подруженьки не ждут у ворот,
Им сегодня от ворот – поворот.
С пониманием подходят они,
Знают крепко: это нашеньки дни.

На дворе метель-метёлочка метёт,
Меня с милым на гулянье зовёт.
Запорошит снежный пух запахнёт,
Начиная сладкой жизни отсчёт.

На дворе метель-метёлочка метёт,
Меня с милым на гулянье зовёт.
Запорошит снежный пух запахнёт,
И, похоже, под венец приведёт.

На дворе метель-метёлочка метёт!..

*

Одуванчик Лера

Радость моя, одуванчик Лера,
Счастье шисяд восьмого размера.
Радость моя, одуванчик Лера,
Обворожительного размера!..

Радость моя, одуванчик Лера,
Обворожительного размера!..

На блёклом лугу – фиалка
Солнышко ты ночное.
Сдобная пышечка, жалко
Много нельзя мучного.

На руках бы тебя носить... –

Не поднять, я пробовал.
Так хочется в жизни вкусить
Чего-то особого.

Приплюсованный каждый грамм –
В дом – добро, дивиденды.
Никому тебя не отдам!..
Если только в аренду.

Радость моя, одуванчик Лера,
Сладкая сладость, слаще эклера!
Плюс ко всему – роскошное тело
И романтичных фантазий сфера...

Радость моя, одуванчик Лера,
Обворожительного размера!..

Радость моя, одуванчик Лера,
Когда-то шисяд восьмого размера...

*

Восьмое марта

Два ноля соприкасаясь,
Превратились в цифру восемь.
Расцветает чувства завязь.
На душе – весна! – не осень.

На душе – весна и песня
О чудесном из открытий:
Мы друг другу интересны,
Аж до серости событий!
Восьмое марта! Восьмое марта!
Звучит признание на струнах барда.
Восьмое марта! Восьмое марта!
Все окна – настезь! Душе азартно...

Восьмое марта! Восьмое марта!
Душе азартно...

Мы нечаянно влюбились,
Растревя свои привычки...
А соседи, как не бились, –
Упорхнули обе птички.

Нарушая все законы,
Напоследок спугав краски,
Бликом солнышка оконным –
Без следа и без огласки.

Восьмое марта! Восьмое марта!
Звучит признание на струнах барда.
Восьмое марта! Восьмое марта!
Все окна – настезь! Душе азартно...

Восьмое марта! Восьмое марта!
Душе азартно...

*

ОГНИВО

Мне жаль человека, кто не читал сказку... А ещё больше, того, кто ЛИЧНО не испытал сказочного чувства.

Я хочу, как в сказке, – огниво!
И принцессу увидеть спящей...
Любоваться на это диво,
На раскованность губ манящих.
Любоваться, забыв о мире.
Любоваться, не строя планов...
Слышать сердца стук под мундиром,
Как в сражении самом главном.

Поле битвы – в душе и в мыслях.
Потерпел я крах поражения...
Ранен в сердце, «без вести» числюсь.
Рад безумно! Не сожалею.

Волшебства другого не нужно...
Потерял я навеки покой.
Я теперь – солдат безоружный,
Поступайте хоть как со мной.

Я ищу, как в сказке, огниво...

*

Ночь-бикини

Тихо мерцают угли:
Ярко-алым и синим.
Юный май ночке смуглой
Примеряет бикини.

Покрова нет – имитация...
Стали симпатии явными.
Активный поиск, локация
Пути нам укажут главные.

Где тихо мерцают угли:
Алым-алым и синим.
Юный май ночке смуглой
Примеряет бикини.

Оттаяли чувства вечные...
Любовь, сметая запруды,
Кружась потоками встречными,
Нахлынула отовсюду...

Зима позади – за плечами!
В одеянии я томлюсь.
Солнце согреет лучами.
А мы с тобою станцуем блюз...

Тихо мерцают угли:
Ярко-алым и синим.
Юный май ночке смуглой
Примеряет бикини.

Юный май ночке смуглой...

*

Бегство из рая

«Не жалеете, что испытали любовь и были высланы из рая?» – этот вопрос вызывает лишь жалость к собеседнику и снисходительную улыбку: «Маленький ещё!..»

Серебрится в лучах заката
Тёмной реченьки синь-синева.
Твои губы, цвета агата,
Целовал бы всю ночь, но сперва...

Дай вздох на тебя наглядеться,
Рассмотреть чудные веснушки,
На девичьей груди разговеться,
Глядя локоны-завитушки.

Мы стоим на пороге из рая,
Опуская глаза свои ниц.
Утаить правду нужно, я знаю –
По штрих-коду читая с ресниц.
Закричаться от счастья охота!
Ты приложишь пальчик: «Не нужно».
Повезло: отпустили босоту...
Добром Змея помянем дружно!

Серебрится в лучах заката
Тёмной реченьки синь-синева.
Твои губы, цвета агата,
Целовал бы всю ночь...

*

Шампанское брют (танго)

Брызги морские, сказочный бриз,
Образ туманный – мыслей каприз.
Образ желанный, таинство грёз
В свете нечаянно вспыхнувших звёзд.

Волны пенятся шампанским брют,
Исполняя танго, к звёздам зовут.
Волны пенятся шампанским брют
И, танцуя танго, ритм задают.

Локон воздушный, недоулыбка...
Что, если это – просто ошибка?
Голову чуть вскружило шампанским,
Пляскою той разудало-цыганской.

Волны пенятся шампанским брют
Исполняя танго, к звёздам зовут.
Волны пенятся шампанским брют
И, танцуя танго, ритм задают.

...

Волны пенятся шампанским брют
Исполняя танго, к звёздам зовут.
Волны пенятся шампанским брют
И, танцуя танго, ритм задают.

Ноги набрали адрес твой личный.

Может, пора нам убрать кавычки?..
И, уплывая в глаза друг другу,
Знать, что не можем ходить по кругу...

Волны пенятся шампанским бряют
Исполняя танго, к звёздам зовут.
Волны пенятся шампанским бряют
И, танцуя танго, ритм задают.

Волны пенятся шампанским бряют
И, танцуя танго, ритм задают.

*

Орлица

Тамаре Суламбековне Бесаевой

Словно цепью скована орлица,
Ты тоскуешь на земле давно.
Ты не беса – Богова крупица
И взлетать нам вместе суждено.

В даль ту бесконечно-потаённую..
В даль, куда и птицам путь закрыт.
В даль, от суеты освобождённую,
Где душа с душою говорит.

Для тебя мерцает гранью слово
Блеском ненавязчиво-бездонным,
Рифма, вдруг пришедшая без зова –
Птицей быть уставшая бездомной.

И строка, как воздух невесомая,
Как молитва, что не высказана вслух,
Близкая и вроде незнакомая –
Как томимый упоением дух.

...

Словно цепью скована орлица,
Ты тоскуешь на земле давно.
Ты не беса – Богова крупица
И взлетать нам вместе суждено.

В даль ту бесконечно-потаённую...
В даль, куда и птицам путь закрыт.
В даль, от суеты освобождённую,
Где душа с душою говорит.

В даль, от суеты освобождённую,
Где душа с душою...

*

Земляника

Внучке Вике. На вырост...

Июльский день. Лето в разгаре.
Как дню я тому благодарен!..
Ты с губ моих ягоды ела –
Вовсю земляника
Вовсю земляника
Вовсю земляника
...созрела.

Ароматная та земляника!
Сладкая, нежная ликом.
Земляника моя, земляника моя,
Земляника моя, земляника...
Залив тонул в солнца шёлковых бликах
С плеча соскользнула туника,
Вода твои гладит колени... и выше...
Целует грудь, родинку ищет.

Ах, волшебная та земляника!
Сладкая, нежная ликом.
Земляника моя, земляника моя,
Говорю я, а слышится – «Вика».
...

Ах, волшебная та земляника!
Сладкая, нежная ликом.
Земляника моя, земляника моя,
Говорю я, а слышится – «Вика».

Земляника моя, земляника моя...
Владычица сердца, Вика!

Июльский день. Лето в разгаре.
Как дню я тому благодарен!..

*

Дорога жизни

Предожидание

Ирине Владимировне Дергачёвой

Поезд в час ночи
Тьму разорвёт,
Гул,
Стук колёс,
Отчаянье!
Вагоны, вагоны...
Землю з-знобит
Н-нервной дрожью
Нечаянной.

Гулкое эхо
Скрипуче фонит:
«Нумерация с головы...»
Тоска.
Посадку объявят,
И трескоток
Слух царапнёт
У виска.
Безлюдный перрон
Равнодушен,
Тих.
И я, предъявив билет,
Помедлив,
Навстречу судьбе своей,
Шагну
Через сонм
«нет».
Гулкое эхо
Скрипуче фонит:
«Нумерация с головы...»
Тоска.
Посадку объявят,
И трескоток
Слух царапнёт

У виска.
Слух царапнёт
У виска.
Слух царапнёт
У виска...

Поезд в час ночи
Тьму разорвёт,
Гул,
Стук колёс,
Отчаянье!
Вагоны, вагоны...
Землю з-нобит
Н-нервной дрожью
Нечаянной.

*

Альма-матер

Ни копейки в кармане – чисто! –
Не графья Монте-кристо...
Учёба, общага и танцы –
До утра обниманцы...

Учёба, общага и танцы –
До утра обниманцы...
Ах, молодость, молодость, ты всевольна:
Руки сплелись в объятия.
Вождений-страстей захлестнёт волна:
Станем ближе, чем братья!

Случалось, вода и хлеба краюха...
А мы, всё одно, – рады.
Голод терпели и даже Андрюха
Кашливал серенады.

Голод терпели и даже Андрюха
Кашливал серенады.

Ах, молодость, молодость, ты всевольна:
Руки сплелись в объятья.
Вожделений-страстей захлестнёт волна:
Станем ближе, чем братья!

Альма-матер не помнит отвергнутый
А мы от тоски воем.
Как пятно на асфальте от вермута –
Годы его не смоют.

Как пятно на асфальте от вермута –
Годы его не смоют.

Ах, молодость, молодость, ты всевольна:
Руки сплелись в объятья.
Вожделений-страстей захлестнёт волна:
Станем ближе, чем братья!

Ах, молодость, молодость, ты всевольна:
Руки сплелись в объятья.
Вожделений-страстей захлестнёт волна:
Стали ближе, чем братья!

*

Вальс надежды

Муха жужжит на стекле.
Быва-ает...
Чайкой на камне сижу,
Зеваю.

Жизнь пролетает мимо.
Да, знаю...

Смысл вымывая сильно
Из рая.

Стреляться может пора?
Не вольте!
А знаешь, что впереди?!
Поз-вооль-те...

Ты остаёшься один!
Как прежде.
Нет ни друзей, ни денег!..
Надежда...

Ты остаёшься один,
Как прежде:
Нет ни друзей, ни денег...
Надежда!

Надежда?
На-деж-даа!..

*

Рок скорости

Во сне бывает: бежишь-бежишь,
А сам... всё стоишь на месте.
В ступе водицу толчешь-сучишь –
Вчерашнее месишь тесто.

Рёвом Харлея разорвана ночь...
Вскорости! Вскорости!
Вежа за вехой уносятся прочь...
Скорости! Скорости!

Символы, знаки, видения –
Цветные порой бывают.

Громче всё сердца биение –
Мысль резко обжигает!..

Рёвом Харлея разорвана ночь...
Вскорости! Вскорости!
Вежа за вехой уносятся прочь...
Скорости! Скорости!

Звёзды мерцают над головой.
У всех на руках – шанс один:
В подлунном мире ты – рядовой
Иль сказочный Аладдин.

Рёвом Харлея разорвана ночь...
Вскорости! Вскорости!
Вежа за вехой уносятся прочь...
Скорости! Скорости!

*

За горизонт себя

Я посвятил эту песню Гандарову Асланбеку Хасановичу – майору полиции Ингушетии, который ЛИЧНО! обезвредил трёх подрывников-смертников. Очерк о нём в трилогии «Кавказ». Лишь встретив такого человека, понимаешь насколько ты сам «ноль» и трус...

Хлеба укрой, крупная соль,
Воды студеной глоток –
Познать чтоб земную юдоль,
Открыть свой земной исток.

За шагом – шаг, за верстою – верста,
Где земли непочатая суть,
Исполняя указанье перста,
За горизонт себя заглянуть.

Достичь свой предел вновь и вновь.

Пускай вяжет спазм во рту,
Пусть ноги сбиваются в кровь...
Нам крутизна – по нутру.

За шагом – шаг, за верстою – верста,
Где земли непочатая суть.
Исполняя указанье перста –
За горизонт себя заглянуть.

За шагом – шаг, за верстою – верста,
Все сомнения, страхи губя,
Идти, терпя нелюбовь,
Штурмуя вершину –
Себя!

За шагом – шаг, за верстою – верста,
Все сомнения, страхи губя,
Идти, терпя, нелюбовь,
Штурмуя вершину –
Себя!

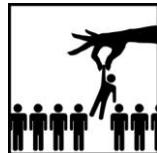
*

Лабиринты судьбы

Кто знает как поступить
И что ответить?
На чей порог не ступить –
Кого приветить?

Лабиринты судьбы
И кульбиты надежд...
Недоверье мольбы –
И зашоренность вежд...

Верный как найти выход?
Везде тупики...

Снова верх берёт лихо,
Чужие лики...

Лабиринты судьбы
И кульбиты надежд...
Недоверье мольбы –
И зашоренность вежд...
...

Где ты, спасительный луч?
Тьмы, где ты, конец?..
Не ждёт меня среди туч
Мой ангел-гонец...

Лабиринты судьбы,
И кульбиты надежд...

*

Сестра милосердия

Когда нестерпимо больно
И стало бессильным усердие
Я прошепчу невольно:
– Позовите сестру милосердия...
...

Медсестра, а проще сестричка –
На плече пригrelась косичка
Колокольчиком солнечный смех.
Её сердца хватало на всех.

Помню край бытия в больнице –
Бездна та ночами мне снится.
В одиночку со смертью страшно.
Веет холодом...

Веет холодом день вчерашний...

Когда нестерпимо больно
И стало бессильным усердие,
Я прошепчу невольно:
– Позовите сестру милосердия!..

В час ночной укрывая заботой
И души живительной нотой
Тихий ангел в халате белом
В бой со смертью...

В бой со смертью вступала смело.

...

И сегодня во сне невольно
Я зову сестру милосердия...

*

ДИКИЙ КОНЬ

«...Без палача и плахи / Поэту на земле не быть. / Нам покаянные рубахи, / Нам со свечой
идти и выть». Анна Ахматова

Видео (режиссёр Александр Костюнин): прямая ссылка на видео смотреть (формат mp4):
<https://youtu.be/nHqbiuUV1Lc>;

Как огонь
По сухой прошлогодней траве
Дикий конь
По истоптанной трижды судьбе

Проскакал,
Исчезая в далёкую даль.
И всё ржал,
Не желая развеять печаль.

Дикий конь,
Вороной масти или гнедой
От погонь
Я устал и стремлюсь на покой.

На покой...
Мне не нужно теперь ничего
Нам с тобой
Не делить уж пути одного...

Как огонь
По сухой прошлогодней траве
Дикий конь
По истоптанной трижды судьбе
Проскакал...

*

Грань одиночества

Геннадию Натальчуку

Балансирую жизнь на кромке,
Балансирую острой гранью:
Тишины деликатной томной
И клубка суматошной брани.

Всё вальсирую вокруг да около
Одиночества.
Окольцованным гордым соколом –
Тень пророчества.

И не скрипнут ступени радостно:
Приходи, в гости!
И не звякнут бокалы сладостно –
Родились тосты!

Нет нужды жить, особо скрываясь –
Получилось так...
Балансирую жизнь, не срываясь
Но, может, стоит сорваться?..
...

Балансирую жизнь на кромке,
Балансирую острой гранью.
Тишины деликатной томной
И неистовой... площадной... брани.

*

Колесница века

Антону Сергеевичу Лёгкому

Колесница века вдаль мчится –
Искры из-под колёс...
Едким облаком пыль клубится,
Ветер – в лицо, до слёз.

Скорость волнует и радует –
Только бы не покой!..
Сладу с собой никакого нет –
Весь извёлся тоской.

Ветер рвёт паруса... Я знаю
Гавань – не для меня.
Все мечты у причала тают.
Ждёт железо огня.

Ждёт железо в сталь превратиться –
Воронь синечерна.
Отчий дом – не булат – мне снится,
Снится мне Истина.

...

Колесница века вдаль мчится –
Искры из-под колёс...
Едким облаком пыль клубится,
Ветер – в лицо, до слёз.

Колесница века вдаль мчится.
Искры из-под копыт
Дом родной мне всё чаще снится –
Путь в небеса манит.

Дом родной мне всё чаще снится –
Путь в небеса манит.

*

Крест

Мы о Боге не слышали раньше
Не имели доступа к чуду.
Постоянно с державой на марше
И равнение – на Иуду.

Целовали не край хоругви,
Всё крестились на гипс облезлый.
Свято веруя красной букве,
Танцевали у края бездны.

Мы играли в футбол и прятки,
Собирали металл, бумажки...
Всё считали: с нас взятки – гладки!
Мы ведь маленькие букашки...

Упиваясь парадов смрадом,
Салютуя мумиям страстно,
Маршируя под текст неправды,

Ожидали любви напрасно.

...

Пусть счастливым больше не стану –
Поразвеею время дымку...
С четверенек, если я встану,
Пойду дальше... с крестом... в обнимку.

Мы о Боге не слышали раньше...

*

Катакомбы души

«...Нет власти не от Бога». (Послание к Римлянам святого апостола Павла: 13.1)

Молчаливый ответ – на острый вопрос.
Улыбка – на сумрачный взгляд.

Ка-та-ком-бы! – голос свой придуши.
Эхо вязнет в тиши...

«Невосторженный образ мыслей. Позор!
Пожётче быть нужно с таким...»

Ка-та-ком-бы! – голос свой придуши.
Эхо вязнет в тиши...

Не стремись «народы пасти», без тебя
Всем тошно на этой земле.

Ка-та-ком-бы! – голос свой придуши.
Эхо вязнет в тиши...

Без тебя наградит и накажет Бог.
Он с каждого спросит Сам.
И не даст никому подменить мочи...
А ты уж лучше молчи.

Ка-та-ком-бы! – голос свой придуши.
Эхо вязнет в тиши...

Ка-та-ком-бы! – голос свой придуши.
Эхо вязнет в тиши...

Ка-та-ком-бы! – голос свой придуши.
Эхо вязнет в тиши...

Ка-та-ком-бы! – голос свой придуши.
Эхо вязнет в тиши...

*

Комариная пора

О любви наших братьев меньших.

В тайге комариная пора:
Слепни, гнус, мошкара!
Покинь городской уют,
Тебя с нетерпением ждут.

Мозоли, пот, едкий дым –
За сутки стал друг седым.
Спеши, дурака не валяй!
Себя ждать не заставляй.

Ванну и душ забудь,
Болотом прокладывай путь!
Последний сухарь на всех.
Уже разбирает смех...
Меньшие братья твои –
На иголках хвои,
Гудят, песни поют,
На посошок пьют.

Ты для них – «Солнцедар»,
Цивилизаций нектар.
Другого такого нет –
Давай, не срывай банкет!
...

В тайге комариная пора:
Слепни, гнус, мошкара!
А дома такой уют!..
Только уже не ждут.

А дома такой уют.
Только уже... не ждут.

*

Кошка

Костюниной Александре Сергеевне

Кошка идёт по крыше
Грации нет краше...
Идёт по самому краю.
И никогда не лает.

Ловит мышей ночами,
Зорко сверкнув очами.
Ластится, чтоб погладил,
Если с детства повадил.

Му-уурлыкает славно-славно,
Только бы гладил плавно.
Нежно мурчит на ухо...
Нежно и томно-глухо.

Нет у неё изъянов.

Нет недостатков явных.
Но с кошкой видимся редко –
Я... собаку... беру... в разведку.
...

Кошка идёт по крыше
Грации нет краше...

*

Чётки

Чётки пе-ре-би-рая прожитых дней,
За узелком – узелок...

За узелком – узелок...

...

День за днём честно жизнь вспоминая,
Нерв оголил.
Память, врачуя, не лёт елей...
Хватит ли сил?

Вновь и вновь бередить забытую боль –
В раны, как соль!
Горь утрат ворошить и осколки грёз –
Тяжкая доля.

Чётки пе-ре-би-рая прожитых дней,
За узелком – узелок...

Чётки пе-ре-би-рая прожитых дней,
За узелком – узелок...

За узелком – узелок...

Ищет, куда увильнуть, сознание,
Рыщет душа.
Трудно склонить главу в покаянии,
Мрак вороша...

В зеркале вижу: стою на дуэли –
Жду приговор.
Вдруг кто-то зажёт свет в конце туннеля,
Как светофор...

*

ИНОХОДЬ

Сыну Леониду

Слева – обрыв, справа – обрыв!
Тропа, над бездной, вела,
Где облака, вершины укрыв,
Таят гнездовье орла.

Мало туда кто решится, пойдёт,
Порвав с привычным житьём.
И голос вкрадчивый песнь поёт,
Назвавшийся Разумом:

– Поверь, не стоит дальше идти,
Зачем быть выше болот?
Нормальным людям это претит,

А ты тянешь пустой лот.

Он веские доводы приводил,
Просил: «Не смейся хоть!..»
Всю душу тревогами избередил,
Треножа мою иноходь.

Против сладких речей восстань
И, рванув, одолей боль.
Человеком достойным стань –
Расти над отметкой «ноль»!

...

Но против сладких речей восстань
И, рванув, одолей боль.
Человеком достойным стань –
Расти над отметкой «ноль»!

*

Переходный возраст

Птицы райские

Повсюду ни мир – грызня,
Не святая любовь – возня.
Вместо полёта – темницы,
Вместо дружбы – границы.
Вместо хлеба – полынь,
А крест, говорят, кинь!

Птицы чёрные, птицы белые
Ничего дурного не сделали.
Птицы белые, птицы чёрные,
Может, даже слишком покорные.

Воронья вертеп клубится,
Лебедь белая мне снится.
Колокольный звон, образа –
С верой в небо прикрой глаза.
Мы на вас, вожди, не злимся...
Не пристало райским птицам!

Птицы чёрные, птицы белые
Ничего дурного не сделали.
Птицы белые, птицы чёрные,
Может, даже слишком покорные.

Птицы чёрные, птицы белые
Ничего дурного не сделали.
Птицы белые, птицы чёрные,
Может, даже слишком покорные.

*

Маугли

Жить в ином измерении –

Не повидло с вареньем...
Ноги – вверх, а вниз – голову,
Как железом – по олову.

Держась за сигаретки,
Спешат малолетки.
Спешат навстречу
Неравной сечи.

Мечты – волнорезом,
Как «тату с ирокезом»!
Чуть что – «протокол»
И светлячка – на болт.

Держась за сигаретки,
Спешат малолетки.
Спешат навстречу
Неравной сечи.

Кругом одни волки.
Кислотою – наколки.
Душу – на угли!
Трудно быть Маугли...

Душу – на угли!
Трудно быть Маугли...

Держась за сигаретки,
Спешат малолетки.
Спешат навстречу
Неравной сечи.

*

Часы без кукушки

Солнце светит скользящим взглядом,

Год от года лето в миноре.
Друзья не в обнимку рядом –
Контактами в мониторе.

Искусственно всё, невселенно...
Веры поиски – внутривенно.

Часы теперь стали другие –
Сердца неживые, не бьются.
Цифры публично-нагие:
Гримасничают и смеются.

Искусственно всё, невселенно...
Счастья тень – внутривенно.

В часах нет приюта кукушке –
Гнездо родовое разрушено.
Как на запойной пирушке
Яблоко кем-то надкушено.

Искусственно всё, невселенно...
Рая призраки – внутривенно.

Искусственно всё, невселенно...
Рая призраки – внутривенно.

*

Песня Герды

Розы: белая, красная –
На краю у земли.
Солнцу радуясь ясному,
Обнимались-цвели.

Расцветали, не ведая
Холодов или вьюг.

Не знакомые с бедами –
На сердце всегда юг.

Жизни все испытания
Выдержим мы вдвоём –
Сбудутся пожелания,
Своё счастье найдём.

А владычицу снежную,
Сколь она ни сильна,
Пусть любовью и нежностью,
Одолеет весна.

Ласковая и нежная,
Царствует пусть весна.

Розы: белая, красная –
На краю у земли.
Солнцу радуясь ясному,
Обнимались-цвели.

*

Дождинка

Я, похоже, влюбился в девчонку.
Я, похоже, влюбился сильно...
Паутинкой незримой тонкою
Нас связала весна взаимно.

Я, похоже, влюбился в девчонку...

Разделилась жизнь «до» и «после»...
Отрешённый хожу по дому.
Представляю ярко: с ней возле.
И на мир гляжу по-иному.
Расстояние – не помеха.

Испытание, может, только.
На пути – дорожная вежа.
Мы не будем считать их сколько...

Я таким, как прежде не буду
Отыскал свою половинку
Я искал её всюду-всюду!
Иссохшим губам – дождинку...

Я, похоже, влюбился в девчонку.
Я, похоже, влюбился сильно...
Паутинкой незримой тонкою
Нас связала весна взаимно.

Я, похоже, влюбился в девчонку.
Я, похоже, влюбился сильно...
Паутинкой незримой тонкою
Нас связала весна взаимно.

Я, похоже, влюбился в девчонку...

*

Школьная любовь

Произнесите мысленно «школьная любовь» – и по душе заструится пощипывающим током... сладкое тепло. Вот и сейчас...

Мелок школьный тихо крошится.
Строчка – первым чувством ложится.
В ожидании класс и теперь,
Но... за нами закрылась та дверь.

Я понимаю: весна на пороге!
Я понимаю – распутны дороги.
Я понимаю, что мы – на краю...
Я понимаю и снова пою.

Платье – строгое, фартук – белый,
Кончик пальца запачкан мелом.
Ты подходишь в раздумье к крыльцу –
Тебе школьная форма к лицу.

Я понимаю: весна на пороге!
Я понимаю – распутны дороги.
Я понимаю, что мы – на краю...
Я понимаю и снова пою.

В расписании стоит «классный час».
Кто-то с майским жуком пришёл в класс.
Зайчик солнечный: с карты – на дверь.
Я тебя не забуду, поверь!

Мелок школьный тихо крошится.
Строчка – первым чувством ложится.
В ожидании класс и теперь,
Но... за нами закрылась та дверь.

Я понимаю: весна на пороге!
Я понимаю – распутны дороги.
Я понимаю, что мы – на краю...
Я понимаю и снова пою.

Я понимаю: весна на пороге!
Я понимаю – распутны дороги.
Я понимаю, что мы – на краю...
Я понимаю и от счастья пою.

*

Говорю с тобой

Заглянул себе в самое сердце –
Ты мне нравишься очень-очень.
Может, к счастью открылась дверца?..

Говорю с тобой днём и ночью.

Говорю с тобой днём и ночью...

Говорю с тобой – жду ответа.
Говорю о самом-о самом!..
Натыкаюсь на боль без света,
Всё созвучья ищю – не гама.

Всё созвучья ищю – не гама...

Размечтался о солнце близком –
Пусть согреет лучами жарко.
О полётах, чтоб ввысь и низко,
Чтоб огонь сердец – без огарка.

Заглянул я в самое сердце –
Ты мне нравишься очень-очень.
Может, к счастью открылась дверца?..
Говорю с тобой днём и ночью.

Говорю с тобой – нет от-ве-та...

*

Алые паруса

На листьях жасмина блестела роса,
Тянул с моря свежий бриз.
И вдруг, наяву, как заря, паруса! –
Мечтаний яркий каприз...

Алые паруса, алые паруса –
Солнцем звенят голоса.
Алые паруса, алые паруса –
Добрых сердец чудеса.

На мачтах – пылает до неба пожар...
Наверх команду свистать!
И чайки лишь парами в небе кружат
Давайте об этом мечтать...

Алые паруса, алые паруса –
Солнцем звенят голоса.
Алые паруса, алые паруса –
Добрых сердец чудеса.

Корабль белоснежный, разрезав волну,
Взял курс на страну любви.
Ассоль с Грэм судьбы сплетали в одну...
Влюблённых благослови.

Алые паруса, алые паруса –
Солнцем звенят голоса.
Алые паруса, алые паруса –
Изу-у-умлённые не-бе-са...

*

Поморский цикл

Вальс Белого моря

Мы сидели вдвоём на крылечке,
Вспоминали минувшие дни.
Похмельные, в седом колечке,
Чуть оторванные... от земли.

Бело морюшко разомлело,
Нежно ластится просинь в глаза!
Только осень жизни узрела
Раем писаные образа.

Бело морюшко разомлело,
Ах, как ластится просинь в глаза!
Только осень жизни узрела
Раем писаные образа.

Волны сладко о чём-то шепчут,
Бирюзовую даль золотя.
И, волнуясь, бегут навстречу,
В час разлуки невольно грустя.

Бело морюшко разомлело,
Нежно ластится просинь в глаза!
Только осень жизни узрела
Раем писаные образа.

Бело морюшко разомлело,
Ах, как ластится просинь в глаза!
Только осень жизни узрела
Раем писаные образа.

*

Проверка морем

Тут ничего в полсилы
На Белом студёном море.
Кому свой уют милый,
Тому – не радость, а горе.

Ветер крепчает и стонет морянка,
В раме стекло дребезжит.
Волны лютуют – воля-гулянка...
Пена за камнем дрожит.

Море всех «на разрыв» проверяет,
Как парус и такелаж.
И штурвал лишь тому доверяет
Кто входит от моря в раж!

А дома, где лишь его не хватает,
Здесь, на родном берегу...
Творя молитву, любимая знает:
«Милый, тебя сберегу!»

Тут ничего в полсилы
На Белом студёном море.
Кому свой уют милый,
Тому – не радость, а горе.

Тут ничего в полсилы
На Белом студёном море.
Кому свой уют милый,
Тому – не радость, а горе.

Кому свой уют милый,
Тому – не радость, а горе.

*

Старый карбас

Сергею Степановичу Лёгкому

Старый карбас осиной пророс –
 Всему приходит конец.
 В небе, прощаясь, парит альбатрос –
 Морских просторов венец.

Не для меня теперь фарт и соль
 На гребне волны седой.
 В команде достойно сыграна роль,
 Пришла пора на покой.

В смолёные карбасы рыбаки,
 Свежий ветер браня,
 Грузят на пирсе мерёжи, бачки –
 Жизнь идёт без меня.

На берегу, заглушая прибой,
 Смакуя фраз шелуху,
 Земные люди их ждут толпой –
 Путина лишь на слуху.

А им по нраву баллы штормов,
 По сердцу – девятый вал.
 Гордо несут они чин Адамов –
 Первенца Бог так назвал.

Старый карбас осиной пророс,
 Началом станет конец.
 Пусть также в небе парит альбатрос –
 Морских просторов венец.

Старый карбас осиной пророс,
 Началом станет конец.
 Пусть также в небе парит альбатрос –
 Морских просторов венец.

Пусть также в небе парит альбатрос –
 Морских просторов венец.

*

Беломорский погост

На погосте заросшем
У часовни забытой,
Маску сбросив, молю:
Во имя Отца и Сына
И Святаго Духа...
Воистину – Север и Юг,
И Запад с Востоком.
Крест православный,
Стань мне оком!
Крест православный,
Стань мне оком!

Прилив морской отхлынет,
Корёжа глыбы,
Но, поразмыслив,
Прильнёт обратно,

Забыв о распре.

Деревни остов брошен
На камни века.
Склонив главу, вернём
Жизнь этим храмам!

Да будет... поздно.

К часовне забытой
Притулившись спиною,
Маску сбросив, молю:
Во имя Отца и Сына
И Святаго Духа...
Воистину Север и Юг,
И Запад с Востоком.
Крест православный,
Стань мне оком!

Крест православный,
Стань мне оком!

Крест православный,
Стань мне оком!

Аминь!

*

Избы поморов

Избы поморов, избы поморов –
Братья православных соборов.
Сколь вами сложено песен у моря,
Сколько видели радости-горя...

Стылая печь, закопчённые двери,
Чёрные стены, в углу образок.
Стали моим вы приютом веры
В этом бушующем мире несказок.

Стали моим вы приютом веры
В этом бушующем мире несказок.

Белого моря старцы седые –
Око апостолов и вещей снов.
Как избежать беды научили.
Избы поморов, вы – духа кров.

В сердце своём принёс уголёк вам...
Гулом радостным ободрите.
Печь затоплю – ответьте напевом,
Лишь, родные мои, не молчите!..

Печь затоплю – ответьте напевом,
Лишь, родные мои, не молчите!..

Избы поморов, избы поморов –
Братья православных соборов.
Сколь вами сложено песен у моря,
Сколько видели радости-горя...

Избы поморов, избы поморов –
Братья православных соборов.
Сколь вами сложено песен у моря,
Сколько видели радости-горя...
Приняли боли.

*

Полста

Полста

Полста –
Это наши родители:
Неотложка, грелка, лекарства.
Долг.

Полста –
Это детство, летящее в детство:
Войнушка, машинки, женская грудь.
Фантазии.

Полста –
Умеренность в пище, выпивке
И любых изменениях.
Консерватизм.

Полста –
Это внуки, не дай Бог – в дедушку!
Надеюсь, будут умней!
Вера.

Полста –
Это почти автономность
Вкусов, мыслей и дел.
Одиночество.

Полста –
Это женщины! Их согласие
пугает больше отказа.
Монашество.

Полста –
Уже виден конец пути.

Полста –
Это путь долгожданный
Домой...

Полста.

*

Звание «Дед»

Русская колыбельная

Ай-дари-дари – дари-дари-дари...
Ай-дари-дари – дари-дари-дари-да...
Дари-дари-да!..

Деда Саша –
Горелая каша.
Внуки с дедом –
Прощайся с обедом!..

Ой!..

Дед за «компом» –
Не видать компот.
Он с машилой...
Хотим к маме милой!..

Ой!..

Дед – на час,
В год один раз!
Такой у нас дед –
Полста уж ему в обед...

Ой!..

Деда Саша –
Одна другой краше
Все его сказки.
Засыпают глазки...

Ой!..

Ай-дари-дари – дари-дари-дари...
Ай-дари-дари – дари-дари-дари-да...
Дари-дари-да!..

Дед хороший иль плохой –
Судить не спеши, постой!
Каким надо деду быть –
Успели все... позабыть.

Дед хороший иль плохой –
Судить не спеши, постой!
Прежде дедов не знали –
Раньше их... убивали.

Ай-дари-дари – дари-дари-дари...
Ай-дари-дари – дари-дари-дари-да...

Ай-дари-дари – дари-дари-дари...
Ай-дари-дари – дари-дари-дари-да...
Дари-дари-да!..

Дари-дари-да!..
Дари-дари-да!..

*

Мама

Маме – Костюниной Ольге Андреевне

Не всё рассказал, что хотел тебе, мама.
Жалко...
Ты ночами мне снишься, а вечером есть
«Алко».

«Распрошу, не беда...» – всё думал, успею
Завтра.
Но теперь и всегда не ты мне готовишь
Завтрак.

Лишь знаю одно: бывает и двигатель
Вечным!
Ни за что мы с тобой не двинемся курсом
Встречным.

Ярко лгут-привирают вещатели все,
Сочно.
Вопрошаю тебя – совет получаю
Точный.

Жаль, прилягу когда, никто не укроет
Пледом.
Утешает одно, что я за тобою –
Следом.

Утешает одно, что я за тобою –
Следом...

*

Сыну

«Строки писателя – единственная возможность сыну узнать о любви отца к себе».
Александр Костюнин

Слова: Александр Костюнин и Кирилл Гуреев

Трудно к сыну таить любовь,
Чувств скрывая безбрежность.
Трудно сдерживать вновь и вновь
Позднюю папину нежность.
Трудно не подставить плечо

Преодолимой преграде,
С ходу не подхватить, смычком
Звонкую песню-отраду.

Знаешь, сын, ты – надежда моя!
Сын – продолжение рода.
Сын – ёлочная хвоя,
В день мой последний ухода.

Хмурый демонстрировать нрав –
Мне предписали законы.
Да я, порой, бывал и неправ...
Но стихли шальные волны!..

В этой жизни ты теперь – капитан.
Дай же мне руку у трапа!
И нет для меня важнее наград,
Чтоб ты называл меня «папа»...

Знаешь, сын, ты – надежда моя!
Сын – продолжение рода.
Сын – ёлочная хвоя,
В день мой последний ухода...

Знаешь, сын, ты – надежда моя!
Сын – продолжение рода.
Сын – ёлочная хвоя,
В день мой последний...

*

Весна

Капли капают с крыш.
Что ты не спишь, малыш?
Спутала день и ночь
Повзрослевшая дочь.

В саду снеговик грустит,
Наст под ногой хрустит,
Скоро взорвутся ручьи.
Письма читаешь... чьи?

Верба волнует кровь...
Говорят, нельзя про «любовь».
Ночка прошла без сна –
Это пришла весна.

Словно в сказке про фей,
Снег последний с ветвей
Слетел пыльцой золотой –
Невесте ажурной фатой.

Словно в сказке про фей,
Снег последний с ветвей
Слетел пыльцой золотой –
Невесте ажурной фатой.

Но капли капают с крыш.
Что ты не спишь, малыш?
Спутала день и ночь
Моя повзрослевшая дочь.

*

Желание

Хорошо, когда есть желание,
Пусть совсем неисполнимое.
Та весточка – Богу послание:
Завязь жизни, завязь жизни, завязь жизни...

Хорошо, когда есть желание,
Пусть совсем неисполнимое.
Та весточка – Богу послание:

Завязь жизни, завязь жизни... Ранимая.

Возжелать важней, чем дыхание.
Время найдётся и силы.
Мечта факела – полыхание!
Огню порыв воздуха мил.

Желание – сила великая!
Страсть тянет вверх... или вниз.
Человецы суть многолика:
За душу твою любой исполнят каприз.

Камелька души затухание –
Больше не надо маяться...
Когда умирает желание,
Жизнь тогда и кончается.

Хо-ро-шо, когда есть желание...
Та весточка – Богу послание:
Завязь жизни, завязь жизни...
Хо-ро-шо, что у нас есть желание,
Пусть совсем неисполнимое.
Та весточка – Богу послание:
Завязь жизни, завязь жизни, завязь жизни,
Завязь жизни, завязь жизни, завязь жизни,

*

Иное измерение

МОЛИТВА

Надежде Николаевне Санаковой

Занозила душу тоска,
Растерял себя, расплескал.
Сколько мог, оболочку таскал
И проповедью полоскал.

Люди – сила, но пробил час:
Только сам себе можешь помочь.
Есть Он – нет больше «нас».
Пуповину сгрызи прочь!

В тиши, где скит-голодай,
Где сойдёт мишуры линь,
Смиренной молитвой взывай
Богоносных небес синь.

И веруя: нет одиночества!
Ужавшись до слова, до мысли,
Несмотря на неверья-пророчества,
Перейти за границу смысла.

За черту повседневных суждений
И ширму знаний объятных,
Где живут не фантомы видений...
И всех ушедших – в объятья!

Люди – сила, но пробил час:
Только сам себе можешь помочь.
Есть Он – и нет больше «нас».
Пуповину сгрызи прочь!

*

Реанимация

Послесмертье – час расплаты!
Длинный список дел-делишек,
И на всё есть свой свидетель,
Их порою даже с лишком...

Реанимация, реанимация –
Рая-ада 3D-презентация:
Тоннель с яркой вспышкой – избранным,
Ужас липкий, бескрайний – бранным...

Ужас липкий, бескрайний – бранным...

Вердикт, последнее слово,
Не дано нам узнать заранее.
Лучше б в рай, а ну как снова...
На Землю – в ад! в наказание...

Реанимация, реанимация –
Рая-ада 3D-презентация:
Тоннель с яркой вспышкой – избранным,
Ужас липкий, бескрайний – бранным...

Ужас липкий, бескрайний – бранным...

Покров полусмерти гнетёт...
Задыхаюсь уже без света!!!
Подглядеть, списать не дают –
В задачнике нет ответа.

Реанимация, реанимация –
Рая-ада 3D-презентация:
Тоннель с яркой вспышкой – избранным,
Ужас липкий, бескрайний – бранным...

Реанимация, реанимация –
Рая-ада 3D-презентация:

Тоннель с яркой вспышкой – избранным,
Ужас липкий, бескрайний – бранным...

*

СОЛНЫШКО

Владимиру Васильевичу Попову

Давным-давно, говорят,
Солнышко было белое.
Одни – белой косточки,
Другие – чуть угорелые.

Полубуйтесь, солнышко – красное!..
Вот оно счастье-то!
Жизнь вроде бы, классная,
Но Свобода в лагере где-то...

А вот солнце – коричневое!
Если б не кожа на сумочках –
Даже анекдотичнее!..
Надзирает некто в очочках.

Полубуйтесь, солнце – зелёное!
Пусть малыши подышат...
Друг на дружке внедрённые,
Чтоб легче давить «мышат».

Солнце у них – голубое!
Стекаясь к единой точке,
Вряд ли нам обойтись без боя.
Хорошо, подросла дочка...

Полубуйтесь, а солнце-то... – чёрное...
Солнце-то – чёрное.

Давным-давно, говорят,
Солнышко было белое.
Одни – белой косточки,
Другие – чуть угорелые.

Давным-давно, говорят,
Солнышко было белое.
Одни – белой косточки,
Другие – чуть угорелые.

Давным-давно, говорят...

*

Третий день

Причеть

Вчера схоронили тестя. В тесном деревенском доме полно народу, ночевали кто где. На кровать усопшего лёг старший сын. Утром, растерянный, он сбивчиво пересказывал кошмарный сон. И теперь уж никто не соглашался коротать ночь на смертном одре. Вызвался я... (С батей, так его величал, жили душа в душу.) К тому же я заметил: в поисках творчества важно идти туда, где нет очередей. Где другим «негламурно» либо страшно... Это знак: все – оттуда, мне – туда. Нужно быть открытым к таинству... А ночью явились строки. Много позже узнал, что это «запlachка» и «обидные стихи» – части похоронных причитаний – особого поэтического жанра народного творчества, веками именуемого на Руси «причеть». «Причеты» и «плачи» начинались и когда готовили девушку к замужеству. Приглашали для этого профессиональных плакальщиц, которые знали слова, мотивы, ритуал. Плакальщица, плакуха, плачея, вопленица, вытьянка, вытьница, волковая – как бы волком воет. Но зачем же плакать перед свадьбой? Это связано с сильной верой в действенность слова. Магические слова не просто проговаривались, в них были и слёзы, и горестные причитания, они сопровождались особыми движениями. Люди верили, что правильным голошением можно отвести беду. Оплакивали невесту, выпевая её горе перед свадьбой на девичнике, иначе счастья не видать. «Не повоешь за столом, навоеешься за столбом»: «за столом», значит у себя дома; в новой семье она не хозяйка, кто ей позволит выть при людях – только убежав с глаз, за ворота, за столбом можно отвести душу. Приглашали плакальщиц поголосить и на солдатские проводы, и на похороны. Итак, причеть «Третий день».

Ой, горюшко-горе, горе горькое.
Ой, горюшко-горе, горе горькое...

За гармошкой
Не послал мя тесть –
Ведь не пахану
Полю как зацвесть.

Поле тучное
Не ухожено,
На потерянных
Детей брошено.

Лампочка висит
Чуть горит огнём.
Всё бы хорошо –
Да нет хозяина.

Помер тесть родной
Пётр Степанович.
Водку пьёт родня,
Пригубляю я.

Но не заглушить
Вопы горькостью,
Не замельтешить
Другоновостью.

Сорняки – под плуг!..
Нескоромная
Пусть родит земля,
Аль бездомная?

Лампочка висит,
Тускло свет горит.
Всё бы хорошо –
Да нет хозяина.

Помер тесть родной
Пётр Степанович.

Водку пьёт родня,
Пригубляю я.

Ой, горюшко-горе, горе горькое.
Ой, горюшко-горе, горе горькое...

Все мы одна
Дети замети.
Ветки хвойные –
Меткой памяти.

Рады, ежли горь
У ворот чужих,
Да вот только соль
На висках своих.

И покуда весть
К нам летит стрелой,
Божий теплит день
Свечкой неземной.

Кабы только мог,
Не дал бы свою
Белую снежинку
Обернуть в хвою.

Ой, горюшко-горе, горе горькое.
Ой, горюшко-горе, горе горькое...

Сей гам – судный день
Кошкою котит.
Чёрной кошкою
Неживых котят...

Сны стоят кугой –
Бабой крупною,
Бабою страшною,
Непускаемой.

Глаз боюсь отвести,

Слушно вверх веду...
Ничегошеньки
Не говорят мне.

Ты, отец родной,
Дай хоть знак земной:
Как тебе без нас,
Чем вспомочь сей час?

Немота – в ответ,
Всё тихохонько.
Гостью лишь сова
Глазам хлопает.

Серой пеленой
Солнца день застил,
И слеза кипит
Горьким варевом.

Ой, горюшко-горе, горе горькое.
Ой, горюшко-горе, горе горькое...

Ой, горюшко-горе, горе горькое.
Помер тесть родной,
Пётр Степанович.

*

Корни

Душенька – гостья у чрева,
Мало ей зрелищ и хлеба –
Словно корнями вверх древо,
Живёт, лишь вращая в небо...

«С каждым шагом всё дальше от Бога!» –
Знамённо в юности я мечтал,

Уходя от родного порога,
Верстовые столбы не считал.

Горько бывало. Бывало больно.
Советы все помня папины –
Мне в трудностях становилось вольно.
Я шёл и шёл – ни царапины!

Может, не прав! Наверно, от лени...
Шёл я, решив не сворачивать.
Вдруг уткнулся к Нему в колени...
«Дома...» – изрёк озадачено.

Душенька – гостья у чрева.
Мало ей зрелищ и хлеба –
Словно корнями вверх древо,
Живёт лишь вращая в небо...

Душенька – гостья у чрева.
Мало ей зрелищ и хлеба –
Словно корнями вверх древо,
Живёт, лишь вращая в небо...

*

Скука

Боль к эйфории летит через скуку,
И маятником – назад.
Без передышки не выдержать муку –
Счастья-беды перепад.

Скука – начало пути и ноль.
Скука – космоса карамболь...
Скука – это неподнятый парус
Скука – жди своего шара...

Скука – горячки, сует забвение.
Скука – зреет решение...
Скука – сигналы прими, пойми:
Скука – роздых перед «гони!»

Скука – отнюдь не по-рангу чЕрни.
Скука – её не черни!
Скука – сомненья, строгая схи́ма.
Скука – неоценима-аа.

Боль к эйфории летит через скуку,
И маятником – назад.
Без передышки не выдержать муку –
Счастья-беды перепад.

Без передышки не выдержать муку –
Счастья-беды перепад.

*

Дятел

Слышен монотонный стук дятла...

– Поменьше сомнений дурацких!
Дятлу мозги ни к чему...
Когда клюв почти что дамасский,
Тогда хоть бы хны ему.

Коли родился долбить.
Долби себе и долби.
Не думай, просто долби,
Долби себе и долби...

Старательно будешь трудиться –
Вдоволь – горой! – червячки.
Птенцы тобой станут гордиться...
В награду дадут очки!

Коли родился долбить.
Долби себе и долби.
Не думай, просто долби,
Долби себе и долби...

Существует один лишь запрет:
На небо... нельзя глядеть.
Тесная рамка, строгий багет –
Ждёт нарушителей еть.

Коли родился долбить.
Долби себе и долби.
Не думай, просто долби,
Долби себе и долби...

Не сомневайся!.. – долби,
Не отвлекайся!.. – долби...

Долби себе и долби...
Долби себе и долби...
Долби себе и долби...

*

Лошадь ломовая

Без строгой узды и хомута
Не может.
Жизнь – в вечных заботах и груз
Возложен.

Без строгой узды и хомута
Не может.
Жизнь – в вечных заботах и груз
Возложен.

Лошадь без хомута – Пегас

Слов-чивый.
На пашне покорность важна,
Смолчивость.
Плуг сменит окучник – не ной
Оченно...
Борозда – почти в жизнь длиной –
Кончена.
Повезёт, коль рухнешь в конце –
Корчиться...
«Спасибо» не жди, не проси.
А... хочется.

Без строгой узды и хомута
Не может.
Жизнь – в вечных заботах и груз
Возложен.

Без строгой узды и хомута
Не может.
Жизнь – в вечных заботах и груз
Возложен.

*

ДОМИНО

Марахтанову Алексею Георгиевичу

Всё хрупко в мире земном.
Непрочно.
Шаг ступишь – хлад и темно.
Бессрочно.

Живём лишь миг не земле –
Не вечно.
Рулетку крутим свою
Беспечно...

Рулетку крутим свою...
Беспечно.

Стоят доминушки в ряд
Смирно,
Пока течёт наша жизнь
Мирно.

А лишь задень – полетят
Ключья!
И песнь тогда запоём
Волчью.

Про то, как нам хорошо
Было.
О том, что всё навсегда
Сплыло.

Живём лишь миг не земле –
Не вечно.
Рулетку крутим свою
Беспечно...

Всё хрупко в мире земном.
Непрочно.
Шаг ступишь – хлад и темно.
Бессрочно.

Всё хрупко в мире земном.
Непрочно.
Шаг ступишь – хлад и темно.
Бессрочно.

Всё хрупко в мире земном.
Всё хрупко в мире земном.
Всё хрупко в мире земном.

*

Щёлк-щёлк!

Щёлк-щёлк!

Ворчат костяшки на старых счётах:

Щёлк-щёлк!

Падений кредит и дебет взлётов:

Щёлк-щёлк!

У ревизора – пенсне-стекляшки...

Щёлк-щёлк!

Интересуют его бумажки.

Щёлк-щёлк!

Щёлк-щёлк!

Щёлк-щёлк!

Щёлк-щёлк!

Седой инспектор – старик-придира

Всё подмечает.

Что не понятно, в строке пунктиром

Он отмечает.

Добра-злодейства растрату-прибыль –

Не скроют мифы!

И правду ту, что боится небыль –

Откроют цифры.

Щёлк-щёлк!

Щёлк-щёлк!

Сухие факты и быль-реальность

Идут в активы.

И как ни странно, почти банальность, –

Мои мотивы.

Мои – не чьи-то! Артели сводки

В зачёт не примут.

Не откупиться деньгами, водкой –
Всё мимо, мимо...

Щёлк-щёлк!
Щёлк-щёлк!
Щёлк-щёлк!

Ворчат костяшки на старых счётах:
«Щёлк-щёлк!»
Падений кредит и дебет взлётов:
«Щёлк-щёлк!»

У ревизора – пенсне-стекляшки...
Щёлк-щёлк!
Найдёт приписки – не жди поблажки!
Щёлк-щёлк!

Найдёт приписки – не жди поблажки!
Щёлк-щёлк!

Щёлк-щёлк!
Щёлк-щёлк!

*

Солнечные города

композитору Кириллу Гурееву

Жизнь течёт хлебосольно –
Радостных дней череда.
Здесь расцветают вольно
Сол-неч-ные го-ро-да.

Подлости вы не ждёте,
Злу «быковать» не дано.
Всюду добро в почёте –

Со звёз-да-ми за-од-но.

Здесь так легко – не душно! –
Нету запрета дышать.
И никогда заушно
Не бу-дут вас сво-рой рвать.

Здесь всё вокруг славное –
Заново стал молодым!
Жизнь бьёт ключом и главное!..
Не гаеч-ным раз-вод-ным.

Дружба царит вечная –
Не с кем сражаться мечом!
– Выходим! конечная... –
Кто-то тря-сёт за пле-чо.
...

В миры, где не так больно,
Уйти хочу навсегда.
Где расцветают вольно
Счастливые города.

Как я хочу туда!..
Как я хочу туда!..
Как хочу я туда...

*

Мыльные пузырьки

Фиолетово-радостные
Пузырьки мыльные.
Все уверены: сладостные
И такие умильные.

Фиолетово-радостные

Пузырьки мыльные.
Все уверены: сладостные
И такие умильные.

Ниоткуда приходят, чтоб уйти в никуда,
Никогда не мрачнеют, хоть повсюду беда,
Красотули воздушные.
Пузырёчки бездушные...

Вы похожи на нас скоротечностью жизни...
Полубуйтесь в итоге: бесследные брызги!
Пустоты изумлённой всплеск.
Утомил неоновый блеск.

Фиолетово-радостные
Пузырьки мыльные.
Все уверены: сладостные
И такие умильные.

Фиолетово-радостные
Пузырьки мыльные.
Все уверены: сладостные
И такие умильные.

*

Знамя с ликом Его

Ты до конца слагай свои руны.
Музыка греет, нежно дыша...
Пальцы черствеют, ложась на струны,
Но ранимой должна быть душа.

И продолжая игру до конца,
Как ни в чём ни бывало – пой!
Чтоб загорелся светляк в оконце
И ёкнуло сердце – «свой».

Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём.
Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.

Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём.
Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.

Пусть будут тебя хулить и терзать,
А всё ж подпевай скворцу.
И сам продолжай молитвой взывать...
Взывай!.. Всё взывай к Творцу!

Пусть с небес – железо и пламя...
Стой за истину в тебе
И подними с Его ликом знамя –
Собой подбодри небо.

Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём.
Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.

Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём.
Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.

*

Ремейк

Видео (режиссёр Александр Костюнин): «Ремейк» Пластилиновая притча
<https://youtu.be/RayBxwP2RdA;>

Я –
 Мира
 Гражданин!

О малой родине,
 увы,
 Теперь немодно вспоминать
 И за-являть
 причастность к ней
 пуб-ли-чно...
 А уж тем паче
 не-э-тич-но
 Свою в ней кровность
 Под-ме-чать.

Пря-му-ю кровность
 Подмечать.

Да видно, по всему, идёт народ
 Земли
 Из го-да в год
 Идёт к чему-то сред-не-му:
 Безликому послед-не-му...
 В смятенье хочется сказать, что не «идёт»,
 А... «и-ди-от!»

Куд-куда-куда-го...

Не сладок, кажется,
 Тот даже не коктейль,
 А взвесь
 Не-сов-мес-тим-ых прежде
 Гре-диентов.
 Однако кушать – просят всех!
 И то –
 не наш каприз!

Совсем не наш каприз...

Гля-ди-те за морем,

Где правил Ку-клукс-клан,
 Пов-тор-но вы-зы-ва-ется – на бис! –
 И вер-хо-во-дит
 всеми «загорелый».
 Границы неизбывные сти-ра-ют
 Пов-сю-ду-всю-ду
 дружно на земле,
 Во всех, во всех, во всех её
 Преде-лах.
 Так скоро я по цвету отличусь
 На родине своей.
 Едва ли
 дело...

Похоже, языки,
 окрас
 и вера,
 Свалились со стремян-ки
 Ва-вилонской,
 Стираясь в пыль в дни оны до поры -
 Срастают вновь!
 В один скипают сплав,
 Собой, помимо воли,
 образуя
 Не столп – клубок!
 Клубок Богославленья...

И крутит Режиссёр кино назад
 Себе в потеху,
 Нам – на изумленья.

*

В храме лесном

Белая ночь, мир отдалив,
 Тайну незримую сердцу откроет.

Мысли и сны поровну поделив,
Душу томимую светом омоет.

В храме лесном царит полумрак,
Лишь кадит головня да чернеет овраг.
Тенью по небу скользила сова
Облекая мистически в знаки-слова
Волю Вселенной, силу небесную...
Всё принимая – я не бесную.
Сердцем читая судьбы откровение,
Крестным себя осеняя знамением,
Я причастился малиною благостно.
Стихонезнаючто обняло радостно...
Ель, окропив водой пресвятою,
Благословила вестью златою.

Белая ночь, мир отдалив,
Тайну незримую сердцу откроет.
Мысли и сны поровну поделив,
Душу томимую светом омоет.

*

Точка души

Потерять равновесие жизни вновь –
Накладка.
На грани нежности-ненависти любовь –
Загадка.

Предвосхищает сияние утра
Точка росы.
Горе и радость срастутся с тобой
Точкой слезы.
Станет молитвой слов мишура
В точке души.

Струна – не струна, коль не готова рваться –
Проволока.
Жизнь ценишь, когда с ней торопят расстаться
С облака...

Предвосхищает сияние утра
Точка росы.
Горе и радость срастутся с тобой
Точкой слезы.
Станет молитвой слов мишура
В точке души.

Предвосхищает сияние утра
Точка росы.
Горе и радость срастутся с тобой
Точкой слезы.
Станет молитвой слов мишура
В точке души.

Станет молитвой слов мишура
В точке души.

*

Ожидание

Тыр-тыр-тыр – строчит машинка –
Шью я доче распашонки.
Тук-тук-тук – идёт разминка! –
Во мне топают ножонки...

Тук-тук-тук – идёт разминка –
Во мне топают ножонки...

Жду тебя на свет давно я жду и жадно.
Ты явись-явись сюда, цветочек алый.
Зацелую я тебя, дочуля, ладно?

Проблеск ты надежды, счастья... проблеск малый.

Поведу тебя в наш сад, где пахнет вишней,
В самый дальний уголок густого сада.
Мы с тобою песню сложим, доча, слышишь?
Ты одна для мамы счастье и отрада.

Тыр-тыр-тыр – строчит машинка...
Тыр-тыр-тыр – строчит машинка...

И не будет на двоих у нас секретов,
Ты подружкой станешь мне, не знаю ближе.
Мы пургу любую выдержим под ветром,
Мы, как бусинки, все радости нанижем.

Без тебя мне светит солнце... Что в нём проку?
Без тебя мне дни – не в радость... Нет, не в
радость.
Жду тебя и ставлю свечки. Жду ко сроку.
Жду тебя, скорее жду... нет сил дожидаться.

Тыр-тыр-тыр – строчит машинка –
Шью я доче распашонки.
Тук-тук-тук – идёт разминка –
Во мне топают ножонки...

Тук-тук-тук – идёт разминка –
Во мне топают ножонки...

*

Страна «Детство»

Про маму и... немного про папу

Колыбельная

Котёнок мяучит жалобно «мяу!»,
А мы зовём на выручку маму.

Мама для каждого – Бог на Земле!
Мама – маяк путеводный во мгле.
Мамуля – наш кров в ненастье.
Мамочка – детское счастье...
Мама с плюшками чаем напоит.
Мама выслушает, успокоит,
Мама достанет конфетки
И обижать не даст Светке.
Мамочка – душенька, лапа...
Если, конечно, есть папа.

Котёнок мяучит жалобно «мяу!»,
А мы зовём на выручку маму.

Котёнок мяучит жалобно «мяу!»,
А мы тихо шепчем «мама».

*

Бабушка

Бабе Шуре

С бабушками мне в детстве повезло – у меня был полный комплект: две бабули. Я вырос, согреваемый их теплом и любовью. Любовью, до самоотречения!

Спицы мелькают остро,
Кошка мурлычет сочно.

Внученьке свитер пёстрый
Бабушка вяжет ночью.
Внученьке свитер пёстрый
Бабушка вяжет ночью.

Гляди на меня, бабуля,
Гляди, как прыгаю ловко!
Я у тебя – не грязнуля,
Я – не такая, как Вовка!

Бабушка спинку погладит –
Ни капельки спать не хочет!
Гладит до самой услады –
Утром на кухне хлопочет.

Исчезли радуги краски –
На небо я долго дулась...
До слёз захотелось ласки –
Я ей в передник уткнулась...

Дети – родителям бремя!..
Всех одолела рутина.
Для нас у бабули есть время
Без всякого карантина.

С нами она – заедино!
Без всякого карантина.

Спицы мелькают остро,
Кошка мурлычет сочно.
Внученьке свитер пёстрый
Бабушка вяжет ночью.

Внученьке свитер пёстрый
Бабушка вяжет ночью.

*

СКИТ ПОЭЗЫ

Сигары Коиба

Людмиле Владимировне Тимоевой

Сигары Коиба
Под виски шотландский,
Мягко, богато, изыскано
Паля в эмпиреях...

Сигары Коиба...

Иль в трубку, смакуя, набивать
Щепотками Данхилл.
Приятно жмурясь от дыма,
Неспешно раскуривать...

Табак марки Данхилл.

А можно изящно
Вскрывать блок за блоком
Блестящие Кэмэл и Винстон,
Пепел роняя небрежно.

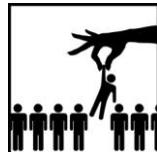
Кэмэл и Винстон...

А я на ладони катаю
Самосада крупинки рыжие
Вперемешку с хлебными крошками,
Из рая глядя на землю.

Самосада крупинки рыжие...

Так строфы в виденьях и звуках –
Кириллицы рай и ад Данте,
Рождённые в сладких муках,
Дороже мне всех фолиантов.

Так строфы в виденьях и звуках –

Кириллицы рай и ад Данте,
Рождѣнные в сладких муках,
Дороже мне всех фолиантов.

Всех фолиантов...

*

Пегас

В Абхазии полусонной
Объезжал приморский пейзаж –
Всѣ далеко не «лимонно»...
Я б лучше послушал джаз.

Ничего особо приметного...
Вдруг по тор-мо-зам – бом!..
Как в твердь знака запретного –
Чуть не в стекло – лбом!

Мустанг гнедой полудикий
Храпит, раздувая ноздри –
Застыл на шоссе безликом,
Нам предъявив козыри.

Натянутой стоял струной,
Сей гордый народ знаменя,
Вестником яркой фортуны,
Как жизнь, свободу ценя.

Сам я давно приручѣнный,
Объезженный – некуда дальше! –
Смотрел на него восхищѣнно
И в этом ни грамма фальши.

Не своенравный Пегас –
Угодительства кляча –

В холостую давлю я на газ,
Рифму бесстыдно клянча.

В Абхазии полусонной
Объезжал приморский пейзаж –
Всё далеко не «лимонно»...
Я б лучше послушал джаз.

*

Вулкан Поэзии

Взломавший глубину пластов вулкан,
Из недр Земли,
Из сердца исстрадавшейся планеты,
Навзрыд израненной и гибельно-предсмертной
Горящей лавой бурно затопляет
Холмы, долины, сёла, города,
Сжигая скот, людей и скарб.
Потом неделю – чёрный дым и смрад!..
И копоть, пепел с неба...
Оседают...

Пройдут года,
И шелковой травой, васильками.
Прикроются бока застывшего вулкана.
Взрастёт на нём лопух развесистый, заметный.
Ужель всё для того,
Чтоб каждый шелудивый пёс,
Свой вензель оставлял
Для сведенья всех кобелей и сучек,
Свою задрав натужно
Задню лапу?..
Ужель всё для того?!
Ужель... всё... для того?..

*

Поэт-акустик

Поэт – он тот же акустик,
Слух режет: мина – по борту...
У него, коль слово упустит –
Кровь закипает в аорте.

Стихами поэтов мерьте:
Старость им – не подруга.
Торопит посланник смерти
Лучших выйти из круга.

...

– А нужна их правда кому?
– Нет.
– Человечество впало в кому?
– Да.
– Мы хотим узнать, что ждёт всех?
– Нет.
– Даже если всех ждёт беда?..
– Да.
– Кто примчится с вестью дурной?
– Смерд.
– Ждёт тех, кто откроет покров?..
– Смерть!!!
– А вы, молодой человек, куда?
– Мне нужна Правда!
– Да-ааа?..
– Да.

...

Поэт – он тот же акустик,
Слух режет: мина – по борту...
У него, коль слово упустит –
Кровь закипает в аорте.

Стихами Поэтов мерьте:
Старость им – не подруга.
Торопит посланник смерти
Лучших выйти из круга.

Поэт – он тот же акустик...

Поэт – он тот же акустик.

*

Остров откровения

Дневник писателя

Пёрышки

- А зачем вы впутались в эту историю, писатель? Зачем вам Зона?
 – Вдохновение, профессор, вдохновение. Иду выпрашивать.
 – Так вы что, исписались?
 – В каком-то смысле.

«Сталкер»

– Я, дурак, жалею, не взял тогда журнала. Возможность была...

Это случилось в районе Диксона, на небольшом скалистом утёсе в северо-восточной части Карского моря, при выходе Енисейской губы в Северный Ледовитый океан. Мы остановились там с экспедицией на одну ночёвку. На острове всех строений – домик метеорологов. Лишь в одном месте можно посадить вертолёт, да и то нужно быть малой авиации великим гуру: мешали установленные на метеоплощадке два флюгера и антенна. Из вертолёта захватили спальники и малую толику продовольствия, с расчётом на вечер. Заходим в дом... Чувствовалось, давным-давно здесь никто не бывал – затхлый запах сырости встретил, едва переступили порог. С полу я поднял влажную книгу в коричневом переплёте: «Наставление гидрометеорологическим станциям и постам» – Утверждено Главным Управлением гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР, 1967 год. Полистал, отложил в сторону, огляделся. Всё хранило на себе явные признаки запустения: дверцы настенных шкафчиков распахнуты, на пыльной полке в гордом одиночестве томилась надорванная пачка с остатками грязно-серой соли, на столе банка из-под рыбных консервов с закамевшими окурками. Там же, на столе, и лежал этот журнал: обложка в бурых витиеватых разводах, листы разграфлёны вручную особым образом. С виду обычная домовая книга, обшарпанная, но целая. На титульном листе заголовок: «Книжка КМ-1 для записи метеорологических наблюдений». Учёт вели два дежурных, строчки аккуратные, убористым почерком, выстроены в столбик:

Температура воды...

Направление ветра... метров в секунду;
 Температура воздуха... (сухой термометр, смоченный,
 минимальный (спирт, штифт);
 Облачность (высота нижней границы, форма облаков);
 Количество осадков... в миллиметрах.

И цифры, цифры, цифры...

Значение одних разгадал бы и несведущий, но большей частью какие-то коды, значки для посвящённых. Изредка в эти сухие сводки врывается эмоциональная, мирская запись:

«До вертолѐта 29 дней. Ура!!!!!!!!!!!!!»

Страницы сменяли одна другую. Таяла вожденная цифра, отделявшая затворников от возвращения на большую землю. Осталось «20 дней», потом «17», «10», «9»... Упоминание о вертолѐте стало более частым, нетерпимым... Понятно, люди небалованные, привыкшие к испытаниям, но, как ни крути, на большой земле их ждут блага цивилизации: тут тебе и бесперебойный электрический свет, и паровое отопление, и тёплый санузел с треном, блистающим белизной... Вечером – любимый фильм с пивком в уютном кресле или новости с чашкой ароматного сладкого чая. Да мало ли что ещё... Остаётся лишь определиться с выбором (одной рукой не ухватишь за грудь и за...) Да, самое главное, на далёкой большой земле – любимые жѐны, дети.

А к тому времени, судя по данным метеонаблюдений, раздухарилась, разбуянилась осень с резкими скачками атмосферного давления, хлѐсткими порывами шквалистого океанского ветра, первыми ночными заморозками и неистовыми штормами. Приближалась зима. И вдруг обратный отсѐт обрывается...

Спустя несколько страниц сдержанно-гневная надпись:

«3-й день нет вертолѐта»

Начиная с этого места, в чередѐ служебной информации – лаконичных, не допускающих суесловия сводках – обязательно следовала приписка. Почерк менялся через день: то он аккуратный, красивый, с одинаковым уклоном вправо, то дѐрганый, насили читаемый. Цифра неудержимо росла, не менялся лишь текст:

«5-й день нет вертолѐта», «6-й...», «7-й...»

Фразы становились драматичнее:

«Кончилось питание рации».

«Топливо – на нуле. Хоть разбирай домик и жги по доскам».

«Сегодня закончились последние продукты».

«Пятые сутки голодаем!»

Затем, скорее всего, в нарушение «Наставления», стали появляться литературные перлы. Точно алмазы в пустой породе. Цветы на асфальте!.. Язык из официального, сухого, становился богаче, образней, гуще...

«Суки! Забыли про нас».

«Гады, немцы!» [1]

«Вернусь, контору сожгу нах...й!!!»

А дальше – стихи... Яркие, душевные!.. Про Северный Ледовитый океан, про маленький островок, затерянный на бескрайных просторах, про тепло человеческих отношений и крепкую мужскую дружбу. Я жадно вчитывался в строки, пылающие огнём русского языка, представляя себе двух суровых бородатых мужчин, голодных, замёрзших... забытых. И, главное, внизу такая приписка:

«Сие – мои первые поэтические творения!»

С тихим восторгом перелистываю очередную страницу. Наотмашь бьёт крик:

«Ваня сука!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»

И ниже, как ни в чём не бывало, ровным каллиграфическим почерком:

Температура поверхности почвы... (срочная, минимальная, максимальная);

Влажность (гигрометр, точка росы)... в процентах;

Ветер (направление, скорость, максимальный порыв);

Давление (термометр при барометре, отсчёт)... в миллибарах.

И цифры, цифры, цифры с точностью до десятых...

Отлично помню, обращение «Ваня» не было огорожено запятыми, отсутствовало тире, как то предписывают консервативные правила грамматики, но, поразительно, фраза ничуть не проиграла от этого. Сколько экспрессии, чувств! Искренних чувств к ближнему.

Последние сводки, странное дело, писаны одним почерком – аккуратным, наклонным. Второй, дёрганный, трудночитаемый, исчез...

Ближайший поезд в Беломорск уходил в час ночи.

Я расположился в зале ожидания, в углу, подальше от входа, от любопытных глаз, расспросов. Достал из рюкзака сочную копчёную колбасу, свежий ржаной хлеб, помидор, огурец. С аппетитом перекусил. Сверху, на десерт, – шоколадный батончик. Запил из фляжки холодной колодезной водой. Уплетать эти яства было тем приятней, что впереди – строгий пост. Прекратить любимую трапезу прямо сейчас не смел. Рано... Может случиться, в последний, самый решающий момент не хватит духу, откажусь от задуманного, и затея сорвётся. Аргументы желудка перевесят, заглушат все остальные. Нетушки! Нужно продолжать тело холить, ублажать лакомствами, усыплять его бдительность и, лишь когда ничего изменить нельзя, предложить довольствоваться пищей духовной. Исключительно! Чтобы и результат на выходе был соответствующий (человек, по сути – мясорубка: что запихнёшь, то и выйдет.) Да, я наконец отважился высадиться на необитаемом острове, искусственно создать «пограничную» ситуацию, принудить (!) к творчеству обожаемое естество, коли не хочет поддаться... Срок заключения наметил пять суток. Пять дней и ночей. Вода на завтрак, обед, ужин... на полдник с ленчем. Собираюсь на время оградить себя от мира сего, отключить назойливый гам людской – «мите» нажать. Ввести строгий карантин для тела, разума и души. Хочу сосредоточиться на главном!

Расчистить путь духу!

Чтоб вокруг только я и Бог.

И тогда вымолить у Него новые строчки...

Все остальные методики перепробовал. Не помогло...

От традиционных: «Учиться! Учиться! И ещё раз учиться!» – до экстравагантных, новомодных... Знакомые тоже не остаются безучастными – советы раздают щедро (все мы родом из страны Советов!) Встречаются, правда, рецепты совсем неожиданные... Сосед, к примеру, настаивает сменить фамилию:

– С какого перепугу? – изумился я.

– Она у тебя безликая. Выбери что-нибудь респектабельнее, типа Ватман, Рейсфедер, Кульман... Штангенциркуль, в конце концов. Вон у Малевича – каляки-маляки, нецветной квадрат, зато прославился. А ты бы, в пику ему, чёрный треугольник изобразил! Краски уйдёт в два раза меньше.

– Я не рисую – пишу.

– Какая разница?..

Вышел на перрон.

Влажная морось фантастическим гало окружала фонари.

Репродуктор громко скартавил:

– Внимание! С юга по втор-ррому пути проследует маневр-рровый. Г-ррраждане пассажиры, будьте остор-ррожны, не приближайтесь к краю платформы! – через минуту вдалеке показались три ярких огня, нарастал ритмичный гул: «тудун-дудун...», «тудун-дудун...», «тудун-дудун!» И неожиданно... в моём взлохмаченном, настёганном сознании бегущей строкой мелькнула фраза:

Поезд в час ночи тьму разорвёт...

Я перестал дышать...

Товарный состав приближался. Ступни улавливали дробь земли... Бормотание, погрохатывание вагонов усилилось: «тудун-дудун...», «тудун-дудун...», «тудун-дудун!» Моё сердце стучало ещё громче: «Дук-дук-дук!» И оно, пульсируя, вытолкнуло на-гора, на свет Божий следующую строчку:

Гул, стук колёс.

Отчаянье!

И дальше безостановочно:

Вагоны, вагоны... Землю з-знобит
 н-нервной
 дрожью
 нечаянной.
 Гулкое эхо скрипуче фонит:
 «Нумерация с головы».
 Тоска...
 Посадку объявят и трескоток
 слух царапнёт
 у виска.
 Безлюдный перрон равнодушен, тих.
 И я, предъявив билет,
 помедлив, навстречу своей судьбе,
 шагну
 через сонм
 «нет».

Товарняк прошёл, утащив следом лязганье, грохот, суету, а я стоял с блокнотом, не веря до конца в то, что произошло. Всё бормотал, бубнил едва родившиеся строчки. Первые ритмические строки в моей жизни. Возможно, строй их не образует гармонии... Но лесенка-то кака красива?.. Без единого гвоздя, без топора. Я на верном пути! А ведь ещё вчера мог лишь срамную рифму вернуть на вопрос «где?»

Мне довелось однажды слышать, как маститые поэты, признанные мэтры стихоумножения, перекидывались профессиональными терминами, снисходительно поучая школяра-дециметра. Избранный пассаж я украдкой записал, неделю зубрил: «Русская просодия в её силлабо-тоническом классическом варианте требует строгого выполнения ряда фонетических, метроритмических, орфоэпических и стилистических ограничений в части стихотворного размера, ассонансно-аллитерационного звукоизвлечения, рифмы, цезурирования, спондеев и пиррихий, структурного членения строфы и прочих формальных версификационных правил». Правда, мило?

Да, увы, мои строки несовершенны. Ежели их на Парнасе объявить стихами, за родню не признают, объявят «гадкими» и в итоге заклюют. А затем спустят с этой ажурной стихотворной лесенки меня вместе с моими «смехотворениями». Уже давно прибыл поезд, я нашёл

указанный в билете вагон, место, уложил вещи, под стук колёс устроился на верхней полке, а сам всё представлял, как инквизиторы от литературы вгоняют колкие слова, будто иголки под ногти:

Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.

Я, понятно дело, не стою кулём: обзываюсь, горожу в ответ звукоряд гнусностей, пробую защитить своих крошек, но по существу предъявленных обвинений возразить не могу ни-че-го. Это – горькая правда.

Вагон на перегоне сильно трянуло... И...

Меня осенило: не нужно называть строки стихами!

Может, эт проза такая. Ну, да... Ритмическая проза. И вообще, проза с поэзией – родные сёстры. Чего ради их ссорить...

С этой сладкой, спасительной думкой безмятежно заснул.

Доставить меня на безлюдный остров взялся Семён Керчак – потомственный помор из местных. Кряжистый, угрюмый, шипастый. Раз в неделю он выходил в море на карбасе заготавливать водоросли. Туда – пустым, обратно – под завязку гружённый вяленым фукусом. На сегодня был запланирован очередной выход. В напарниках у него москвич с немусульманской фамилией:

– Салин, – представился щеголеватый мужчина, – почти «Сталин», только без «т». Андрей, по-англицки – анкл-Дрюня. [2]

– А по-карельски Оня!

Оня – школьный учитель биологии. Мужуку тридцать лет, а успел объездить в поисках романтики всю России. На Белом море этой дури оказалось с избытком, вот и проводит здесь третий отпуск подряд. Выходило, помором он стал не по происхождению – добровольно.

Затее моей не удивился ни тот, ни другой:

– ...На своей воли на одинки идёшь. Бездельё – тоже рукодельё! – философски заметил Керчак. – У каждого в голове свои тараканы, мои тараканы к тебе не перебегут. Увезу, какой разговор. Высажу на голыш.

Оня сориентировался по лоцманской карте, сделал пометку:

– Крестик мы тебе поставим здесь.

– Спасибо!..

Фантазия!

Страшная сказка... превращалась в быль.

20 августа

Снаряжение я подбирал обстоятельно и на берегу, перед тем как отчалить, ещё раз всё сверил по списку: компас, спички, фонарик, часы, фляжка, нож, фотоаппарат, три чистых блокнота, две ручки, карандаш, запасные носки, кусок полиэтилена, дождевик, пара нижнего белья, носовые платки, туалетная бумага, комаринка... Ничего лишнего.

Оня заглянул в мой «поминальник»:

– Мазь можешь не брать. Комары там не выживают... А вот спальник возьми, я дам. И чайник понадобится, и топор. Скала безлеса, но штормом нет-нет да и выбросит брёвнышко. Плиту растопишь, попьёшь кипяточку, полегче станет. Пресная вода – в расщелинах...

– Нет уж...

Я не хотел брать воды даже из деревенской речки, которая принимала стоки бесчисленных бань. Мечталось непременно ключевой. Ближний родник, по местному «талец», за семь километров от села. Пришлось ехать туда специально, но последнюю волю узника, ссылаемого на голодный остров, поморы исполнили...

Начинался прилив. В одиннадцать по полной воде отчалили.

Ветер выпал северный, резкий. Пока выходили из устья Колежмы, пока шли, прикрываясь островами, волны игриво ласкались, угодливо тёрлись о борта карбаса. Между тем ветер свежел на глазах, и стоило высунуться из-за Мягострова на простор, там уж поджидали бодливые барашки. Со всего бега они ударяли в носовину лодки, опять разбегались и опять били, окатывая нас холодной солёной водой.

– Не знаю, удастся ли подойти встреч волне, – Керчак всматривался в закипающее море с тревогой. – Можно тебя, конечно, ближе, на Борщовых ссадить, да там соблазнов много: избушка поживей, в лесу грибы-ягоды, ларь с припасами: крупа, соль, макароны. Этта будет спокойно... Хотя, на всякий случай, полки в курене [3] нать осмотреть...

– Для чистоты эксперимента?

– Для него.

Разговор шёл на повышенных тонах, иначе море, словно бесцеремонная реклама по телику, слова не даст вымолвить, переорёт.

Оня от мачты пересел на корму, вплотную ко мне:

– Вообще ты верно придумал. С голодухи один мужик пиитом сделался!.. – Я, дурак, не забрал тогда журнала.

И всю дорогу он рассказывал про метеоролога, который перешёл на рифму в силу необоримых обстоятельств, поневоле. Я слушал, а сам укреплялся в своей догадке всё больше и больше: «Значит, неспроста такая идея в голову пришла! Имеет она право на жизнь».

– Подходим! – гаркнул Керчак, перекрикивая гул двигателя и морской рёв.

Впереди по курсу, на расстоянии мили, возвышался каменистый тёмный хребет, будто подводная лодка, всплывшая на поверхность.

– Как он называется? – прокричал я в ответ.

– Некак! Безымянный. Длиной метров двести, в ширину меньше ста. Растительность – лишайники да несколько ягод. Матера [4] – в двадцати километрах по морю, связи нет. Со стороны горе, с другой – море, с третьей – болото да мох, а с четвертой – ох!

Оня задорно рассмеялся:

– Просил отвезти в самую задницу? Тебе повезло. Этот остров – центр её. Анус!

– Здорово! – с тихим восторгом вырвалось у меня. – А назад когда?

– Може, в субботу приду, ране некак.

– Прекрасно, раньше не нужно...

– А хоть бы и нать, у тебя линейка [5] така.

К острову подходили с востока, затем вдоль подветренного берега напрямком в загубину к избе. Подпустив карбас метров на двести, с каменного пологого мыса поднялась пара огромных размашистых птиц. Белохвостые орланы! Приметный белый хвост, крючковатый клюв, сильные когтистые лапы. Они кружили над нами, подавая друг другу знаки. Оня с птичьего перевёл так:

– Возрадовались морские коршуны! Давненько не пробовали... печени человечесьей.

– А вы, батенька, кровожадный.

– Человек – человеку друг, товарищ и волк!

Карбас, несмотря на внушительные размеры, подошёл к берегу почти вплотную. Мужики помогли отнести в избушку бачок с питьевой водой, скромные пожитки, устроили «формальный шмонец». Керчак по-хозяйски окинул взглядом обстановку, для верности пошарил рукой на верхней полке:

– Чисто! как и думал. Ни одной крохотки* – живи спокойно. Доспевай... [6] И пиши.

Они пожелали мне удачи и отчалили. Сперва отталкивались шестами, выводя карбас на глубину, затем подняли парус, ладья стала удаляться, удаляться, пока не превратилась в точку. А потом в морской дали растворилась и она.

Всё.

Сегодня, 20 августа 2012 года, я остался на необитаемом скалистом острове.

В Белом море...

Один.

Зашёл в избу. В сутолоке первых минут жильё рассмотреть не успел. Сейчас это делал не торопясь. Поморская изба просторная, светлая. Рубленая из вековых сосновых брёвен, с высоким потолком, она едва ли соответствовала скромному статусу лесной избушки и уж тем паче куреня (зря Керчак наговаривал). Вдоль стен широкие длинные нары, напротив входа вместительный обеденный стол, два окна, дровяная плита, плотная крепкая дверь. Что ещё нужно? Дух нежилой, не прибрано... Везде раскиданы стопки журналов, на полках пустые грязные склянки. Но это поправимо. Как учил мой любимый Экзюпери: «Встал поутру, умылся, привёл себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету». На верхней полке под руку попала пачка из-под печенья. В ней остаток кондитерской пыли – столовая ложка, не меньше. (Выбрасывать отчего-то не стал.) В коридоре запас чурок на топку. Мало. Эх! лучковку бы... На берегу заприметил сосновый топляк. Бревно, высушенное солнцем и ветром, аж серебрилось, но без пилы к нему не подступишься. Жалко. Август на Белом море уже не-лето [7]. Я собрал журналы: все, словно на подбор, «Мир книг». На обложках популярные темы: «консервируем без соли» и – смачная картинка с аппетитными овощами в банке... (Нет, в данный момент глядеть такое! противопоказано.) На другой – любовная сцена из женского романа: томная красавица целует джентльмена: «Джуд Деверд. Первые впечатления» (запоздали они с

рекламой первых впечатлений.) На третьей обложке обыкновенный чёрт: огненный глазище, хищный вид. Подпись: «Кристиан Мёрк. Дорогой Джим». Нет, чего-чего, а Холуинов [8] здесь не допущу. Это во власти моей. Я оторвал глянec, сунул в печь.

– Ну что, дружище Джимми, начнём?

Страничка, прославляющая чертовщину, загораться не хотела. С третьей спички...

Для пущей верности над окнами, дверью, в углах я изобразил карандашом маленькие крестики – защита от нечисти. В журнале нашёл раздел, где рекламировались православные книги: «Вам поможет пресвятая Богородица», «Жития святых», «Православный календарь 2009 года», «Святой великомученик Пантелеймон»... Это то, что нужно. Разворот согнул пополам – иконками к свету, обложкой внутрь – положил на подоконник. Пускай будут на глазах, вдохновляют, направляют. Как стрелка компаса в хаотичном поиске влево-право постепенно сокращает амплитуду колебаний и, окончательно определившись, указывает направление «на север», так душа человека устремляется к небу.

Душа зорче разума, она не заплутает, она выведет...

К сосне вековой
притулившись спиной,
маску сбросив, молю:
– Во имя Отца и Сына
и Святаго
Духа...
Воистину Север – Юг
и Запад
с Востоком.
Стрелка магнитная, будь мне
оком.
Аминь!

– !!!

Сжёт бесовский лик, а может, напрасно? Может, лишнего наговаривают на товарища Дьявола, и люди по недомыслию изображают его в роли отрицательного героя? Что если миссия его необходима?! Зам. по оперативной работе – неблагодарная, собачья должность.

Застелил стол куском полиэтилена – взял с собой от дождя, на случай непредвиденной ночёвки в лесу – достал фляжку с водой и... пообедал. Затем никакого заделья придумывать не стал, решил обследовать остров. Не для того, чтобы на манер Робинзона убедиться в его необитаемости, так, для порядку.

Рядом с избушкой – лесок. Телогрейкой накрыть! А между тем есть кустики черники, брусники. При желании соберу пясточку. Даже рябинка одна растёт, грозди оранжевые, незрелые – коли потянет на жор, кочевряжиться не будешь. Редкие кусты можжевельника плодоносили: рядом с зелёными бусинами зрелые – голубые. Попробовал на вкус – сладковатые опилки... Ещё в своих владениях обнаружил чёрные ягоды. Их называют кто шикшей, кто вороникой либо водяникой. И правда – на вкус водянистые, едва слащавые. Росли они на изумрудных колючках, ворсистым ковром устилающих вершину. А крупные, розовые с беловатым бочком, дегустировать не посмел. И правильно сделал. От старожилов узнал: не ест их ни человек, ни птица. Гаже ягода. Пальцами раздавил, внутри будто пенный крахмал. Не ошибся, прихватив запас пресной воды. Питьевой здесь нет. В ложбинах повыше вода хоть и пресная, но тухлая, для питья не годная. А та, что прозрачная, пониже к урезу, во время шторма смешивается с морской – солоноватая на вкус. Хотя, может, (мелькнула догадка!) солоноватая по иной причине... Птицы подмываются в этих природных ваннах, оставляя благодарные размашистые отзывы. Пока перепрыгивал с камня на камень, чуть не соскользнул по склону на мокром лишайнике – он съехал вместе со мной, словно доска для виндсёрфинга. (А ведь Керчак предупреждал!) Стал передвигаться осторожнее.

С вершины скалы открылась взору особая северная, неяркая красота.

И неукротимая мощь!

Колючая морянка, студёная, злобная гнала высокую волну – предвестницу зимы, окантованную белоснежным гребнем. Волны с грохотом разбивались о скалистый берег, разбрасывая густую тяжёлую пену. А с подветренной стороны благодать... Штиль, тишина да редкие клики парящих чаек. Два тюленя, завидев меня, скользнули в воду с плоского камня и принялись нырять, точно играя в прятки – мордочки гладкие, умильные, как у ластиющихся собачек.

Крики чаек... Ну-ка... ну-ка... Я машинально достал блокнот:

Вольные чайки Поморья –
 не чета
 сородичам
 помойным.
 Город с прогрессным благоустройством
 иное
 считает
 достойным...
 А тут не летают троллейбусы
 и без подогрева кровать.
 Зато в Беломорье каждый тебе
 при встрече
 желает
 здоровствовать.
 Край здесь суровый и правильный.
 На Севере просто не выжить хитря.
 Ловчить, запирается нет смысла...
 Таким...
 от медузы
 не будет
 житья!

Чувство эйфории распахнуло душу навстречу хмурому ветру...

Потоптался на месте, подошёл к краю обрыва. Поуспокоился. Опять переключился «на приём»: остров мой представлял вытянутую гранитную скалу, испещрённую глубокими расщелинами, трещинами; с мола в солёную пучину уходили четыре каменистых гряды – по местному «кюрги» – покрытых мхом и редким можжевельником. Будто в морщинистой ладони великана покоилась зелёная пушистая варежка...

Никогда раньше не отмечал по часам морские циклы, сейчас такая возможность представилась. По данным на 19-е августа выходило: в 11.00 – максимальный уровень, «полна вода», в 17.00 – минимальный. Вода пошла на убыль – куйпога – в мировой ванне открыли сливную пробку. На глинистом дне остались борозды: сказочный гигант волоком тащил упиравшееся море прочь от берега. Дно оголилось – кечкара. По обсохшему морю шанс добраться от острова к острову, до самого материка. Куйпога, кечкара... До сих пор путался бы в этих поморских терминах, кабы не тамошний фольклор: «Готовился к свиданке – полна вода, до дела дошло – куйпога!»

Непривычно идти по обнажённому морскому дну с редкими лужицами грязи, обходя огромные обсохшие валуны, охапки фукуса, ракушек, медуз, распластавшихся на песке фиолетовым заливным.

Северный ветер траву пригнул.
 Полна вода, куйпога.
 Рукой подать до материка,
 да шальна волна – не слуга!

А глянь, через шесть часов, чудеса:
 не нужно плыть за кормой.
 По морю ступай, аки посуху.
 Кечкара – путь домой!

Ну домой, положим, засобирался рановато... Пока ещё не одолел ни одной ночи. Впереди десять отливов, столько же приливов: в сутках две воды. Как выяснилось позднее, цикл этот с каждым днём сдвигается по часовой стрелке на тридцать минут.

Наступление воды во время прилива глазом приметить трудно. Не доходя одного шага до кромки, сделал сапогом отпечаток на липком глинистом дне – края ямки взбухли, образовав бортик. Засёк время. Десять минут ушло на то, чтобы рассол преодолел расстояние в полметра, ещё минут десять – и первая струйка перетекла через бортик, заполнила ямку-след. Но ведь морю нужно покрыть километры отмелей. Разве такое возможно? Да чего там!.. Эти несмелые разводы запросто собрать половой тряпкой. Словно сосед сверху забыл кран открытым, вот немного и просочилось... Казалось, вода никогда больше не вернётся, а та водная стихия, что недавно хозяйничала тут – сон, мираж. И никогда не ходить колежкомским поморам на карбасах. Между тем, пока я фантазировал, водица прибывала и прибывала. Она поднялась мне по щиколотку, ползла выше. До слуха доносилось перешёптывание воды с песком – так весной, в знойную апрельскую погоду слышно, как тает снег.

Вернулся на берег к избушке. Воткнул в дно тростинку с отметинами, стал ждать. Мой самодельный водомер показал: вода прибывает со скоростью сантиметр в две минуты. Прошло три часа, и так же, как испокон веков, море заполнило всю прибрежную часть, затопило дно, отвоевало у суши спорную территорию, соединив

Колежму с открытым морем. Камень у берега возвышался на метр – скрыло полностью. Прилив, как время, неумолим.

И вновь выпорхнули на волю строчки:

Белое море. Прилив – отлив.
Р-ррокочут морские часы.
Сколько они отмерят мне
дорог по жизни пройти?

Морские мили сухопутных длинней,
но они ведут строже счёт.
Море, качаясь вперёд-назад,
раскачки другим не даёт.

Вот тебе раз! Второй день, как покинул дом, и – пятое проза-творение.

А море действительно партнёр серьёзный. С ним шутки шутить не стоит. К морюшку надо с уважением, на Вы... Пытаться наказать, высечь – неблагоприятное дело [9]. (Хвалилась синица, что море зажжёт!) Не стоит на него и обижаться понапрасну, оговаривать. К примеру, морскую болезнь у меня вызывает вовсе не море – люди!

В темени вышел на берег.

Ветер стих, небо вызвездилось, заметно похолодало.

На чёрно-бархатном космическом полотнище проявились тонкие белёдые разводы. Вначале малозаметные, они делались ярче, расширялись. Вскоре по небу, из края в край, протянулся светящийся шлейф.словно золотисто-зеленоватый дымчатый шарф кокетки-ночи... Северное сияние – жди скорой зимы. В крепко срубленной избе обнаружили щели. Полуночный ветер заглядывал ко мне в гости, перелистывал страницы журнала на подоконнике, тихонько охал от удивления... Я с головой закутался в спальник, укрылся поверх курткой и покойно заснул. В эту тихую, не по-летнему студёную ночь – первую ночь на острове Творчества – мне чудно спалось.

21 августа

Под утро снилось солнышко, нежное, ласковое... снилась доча.

В полусне-полуяви начали всплывать слова, строчка за строчкой. Они послушно выстраивались, поправляя друг дружку, как малыши на утреннике в детсаду:

Дочушка Катюня –
 Стебелёк с особинкой.
 Величает муж тебя
 Ласково «микробинкой».

Добротой свою
 Зарази весь мир!
 Славный на планете
 Люд устроит пир.

Солнце загостилось
 В волосах твоих.
 Мне на радость снилось,
 Будто греюсь в них.

Долго лежал, не шевелясь, не желая выпускать тепло словушек.

Наконец вспомнил генералиссимуса Суворова, его спартанское самовоспитание. Себя тужился представить им. Но до зарядки, обливания студёной водой, скачек верхом дело так и не дошло. Вяло поднялся, брезгливо побрызгался. Вероятно, в процессе трансформации – не туда нажал, либо мало тужился.

Обошёл остров вторично, вдоль-поперёк, из края в край. Передвигаясь береговой кромкой, спугнул выводок чаек. Ещё не слётки, птенцы, пушистые, крупные, мышастого цвета. С гомоном шарахнулись от меня, поплюхались в воду и, рассекая морскую гладь, скрылись за гранитным уступом... На берегу остались нежные пёрышки, беспомощные, слабые, они не могут вознести птицу ввысь, не позволяют уверенно, свободно парить в небе, но постепенно, Бог даст, окрепнут. Поднял одно, разжал пальцы – ветер пёрышко подхватил и унёс. Поодаль нашёл большое гусиное перо. Вспомнились хищные коршуны, пророчества **О**ни... Немного же осталось от собрата-писателя. А тоже, небось, грезил о всемирной славе. Перо не

выбросил, взял с собой. В комплект к нему, подобрал дощечку, отшлифованную морской волной. Выдавил сучок, один край досочки приподнял, установил в избушке на рабочем столе, в отверстие вставил перо. Получился настоящий писательский набор, даже лучше: перо – вечное, чернильница – бездонная. Только строчи!

В полдень совместил завтрак, обед и ужин: набрал по ягодке целую пригоршню брусники с черникой, вдогон – десяток плодов можжевельника. Пора за работу! Пробовал найти «писательское кресло» на скалистых террасах. Ничего приличного подыскать не удалось: где подставка под ноги низковата, где сиденье узкое, где уклон спинки не тот. Одно место вроде выбрал, так ветер в лицо. (Ветер, кстати – очень к стати! – сменился с северного на западный: стало заметно теплее, словно дверь в холодный погреб прикрыли.) В общем, раза четыре присаживался, доставал блокнот, карандаш, делал архиумное лицо – так казалось... (жаль, некому было заценить!) Однако ни единой строчки не накопал.

В эфир неспрошено, с неуместным б-сарказмом, вторгся внутренний голос:

– «А вы, друзья, как ни садитесь...»...

– Э, нет!.. Так не пойдёт... Сделай одолжение, заткнись!

Сейчас нужна не самокритика, которая сеет неуверенность, слабит... Нужен нездоровый кураж, вера в свою гениальность. Вера слепая, беспочвенная, маниакальная... Не идёт проза? Запрягу в качестве пристяжной Пегаса.

– Ох, мы с тобой насочиняем, ох, и наворотим!..

– Опять?!

– Молчу.

– Вот и молчи.

Вода пошла в жар, подпирала.

Я вернулся в вечеряющую избушку, присел на нары. Чрез оконце на меня глядели бездонные серые глаза ведуны-ночи.

Белая ночь,
мир отдалив,
сердце томимое
небу откроет.
Мысли и сны
поровну поделив,
нет, не ответы... –

вопросов подбросит.

Одухотворённый, прилёг...

Хорошо!

В памяти всплывали родившиеся за эти дни ритмические строки...

Я вслух декламировал их, наткнулся на неудобочитаемость, логические нестыковки, слова-булыжники. Они вырастали снова и снова, точно камни из-под земли на карельском поле. При свете затухающего дня выкорчёвывал их, вносил бесчисленные правки, слововычитая. С тем и заснул...

22 августа

Утром солнышко совсем невесёлое, в белёсой дымке. Ветер позавчера северный, вчера западный, сегодня южный. Крутит, финтит... Бардак! Так и вспомнишь «Одиссею» Гомера [12]:

И плот его ветры по бурному морю гоняли.
То вдруг Борею бросал его Нот, чтобы гнал пред собою,
То его Евр отдавал преследовать дальше Зефиру.

Третий день в ссылке, в заточении. Утро между тем перетекло в полдень. Не писалось. В дневнике так честно и указал: «Не пишется ничего».

Помолился и... началось:

Занозила душу тоска...
Растерял себя, расплескал.
Заплутал среди мирских затей
и от проповедей устал.

Люди – сила, но пробил час:
только сам себе можешь помочь.
Отрекись

от соблазна
«слыть».
Пуповину
сгрызи
прочь!

Удались в одинокий скит,
где сойдёт
мишуры
линь.
И смиренной молитвой взывай
богоносных
небес
синь.

По всей душе елеем растворилась сладкая благодать...

Незаметно, в пустых заботах пролетел день.

Две ночи терпел без спасительного огня, горячего кипятка. Баста! Наколот дров, уложил в топку. Печная дверка висит боком на медных паутинках-проволочках, одна петля отломана. Толком не закрыть. Кое-как... В чайник налил ключевой воды, кинул кусок чаги. Уже будет не пустой кипятилок. За окном стало накрапывать. Верно подмечено: западный ветер плаксун [11] – плачет, дождь приносит. Сквозь прозрачную пелену всё вокруг сделалось одноцветным. Ну и пускай себе льёт... А в моей светёлке затеплилась печурка. Дверку открыл настежь, сижу, любуюсь алым пламенем. Постепенно изба наполнилась жилым духом, словно жизнь вдохнули. Нужно только не переборщить, иначе вслед за уютом могут просочиться и мысли благоустроенные, изнеженные. Загудел чайник, запыхтел, радостно забренчал крышкой. Спасибо тебе, хозяйюшка-изба!

Запросилась на бумагу строфа, ещё одна... Они появлялись сами по себе, я старался их ничем не спугнуть, чтоб случайно не загасить зыбкий огонёк.

Избы поморов, избы поморов.
Сколь вами сложено судеб и былей.
Сколько вы видели радости-горя...
приняли боли.

Стылая печь. Закопчённые стены.
 Чёрная дверь и в углу образок.
 В этом бушующем мире несказок
 стали моим вы приютом веры.

Белого моря старцы седые.
 К вам за советом, за светом иду.
 Вы утешаете, вы же и лечите.
 Избы поморов – кузница слов.

Я в своём сердце принёс уголёк вам...
 Печка затеплится – молодость вспомните.
 Радостным гулом тогда ободрите.
 Только, родные мои,
 не молчите!..

Навернулись слёзы.
 Вспомнил об ушедших родителях, будто к ним обращался...

Существует расхожее выражение: «сопутствовала удача, поскольку звёзды сошлись на небе». Не знаю... С моим творчеством наоборот. Должны все чёрные дыры слиться в одну большуханскую... Лишь тогда. Сто раз поминаю Сергея Довлатова: «от хорошей жизни писателем не станешь». Правильно говорил! Когда на кухонном столе идёт парок от горячих пирогов, жена – ласкова, дети – предупредительно-внимательны, страна – вся из себя заботлива, гости – долгожданны, ты здоров, безрассуден, слегка пьян, нужно быть полным идиотом, чтобы всё это отодвинуть и схватиться за перо. Или, тем паче, упереться сюда, за тридевять земель, на край земли... в одинокую избушку на Белое море, где насильничая себя, побуждать к словосложению. Когда безоблачно, лично мне не пишется. Организму для творчества требуются особые, «тепличные» условия. То есть перечисленные события должны зеркально поменяться: ты как стёклышко трезв, рассудителен, дети разнузданно-вызывающе дерзят, страна отбилась от рук, жена...

И вот всё сошлось: я в голоде-холоде, позабыт-позаброшен на необитаемом острове. Испытываю на себе лекарство от хандры – солёную воду: пот, слёзы и море.

23 августа

На острове четвёртый день. Ночь промучился, проворочался. То жарко, то жёстко, то беспричинно страшно. Утром солнце пыжилось, изо всех сил, подтягиваясь как «ботаник» на турнике к линии горизонта – да так и не появилось. Серая мгла затянула мир. Настроение столбиком барометра ползло вниз.

Послесмертьё. Час расплаты!
 Длинный список дел, делишек.
 И на все есть свой свидетель...
 Их порою даже с лишком.

А какой вердикт объявят,
 ты не можешь знать заране.
 Лучше б в рай, а вдруг как снова...
 В ад!
 На Землю!
 В наказанье,
 в назиданье...

Пожалуй, вечером больше топить не буду. Тепловой режим угадать сложно: ночью приходится делать много лишних движений, а силы, настроение уж не те. Общая подавленность, уныние. Не хочется ни пить, ни есть. Нужно приводить себя в порядок. Сейчас встану, умоюсь, оденусь, помолюсь и выйду на остров. Там видно будет. Сегодня на завтрак традиционно подавали бруснику, шикшу и ягоды можжевельника. Интересно бы знать: обладают они полезными свойствами или нет. Какими-нибудь наверняка... Может, хоть нейтрализуют вред друг от друга. После завтрака ходил по кечкаре. Думаю, по скалам лазить больше не стоит – кружится голова. Видел бакланов: родители с парочкой рослых птенцов. Чёрные, размашистые, крикливые. Долго кружили надо мной, затем опустились на дальнюю мысовину и сутуло сгрудились. Небось, проводят разбор полётов.

Сотый раз задаю себе один и тот же вопрос: какой смысл сидеть затворником, голодать?

Смысл весомый. Бесспорно!

С первого дня появления на свет я регулярно ем, пью – почти сорок восемь лет подряд. Послезавтра – день рождения, тогда будет

ровно сорок восемь. В прошлом веке родился!.. (Самому не верится.) Состояние сытости, пьяности знакомо не понаслышке. А вот жёсткие ощущения, подобные этим, переживать не приходилось. Очень интересно испытать себя, проверить в новом режиме. Обрести знания о скрытом потенциале, сильных-слабых сторонах, о своей сути – ну о-очень! полезно. И сверх того – высокая награда – литературные страницы в новом для себя жанре «прозатворение».

Слева – обрыв, справа – обрыв!
Тропа, над бездной, вела,
Где облака, вершины укрыв,
Таят гнездовые орла.

Мало туда кто решится, пойдёт,
Порвав с привычным житьём.
И голос вкрадчивый песнь поёт,
Назвавшийся Разумом:

– Поверь, не стоит дальше идти,
Зачем быть выше болот?
Нормальным людям это претит,
А ты тянешь пустой лот.

Он веские доводы приводил,
Просил: «Не смейся хоть!..»
Всю душу тревогами избередил,
Треножа твою иноходь.

Против сладких речей восстань
И, рванув, одолей боль.
Человеком достойным стань –
Расти над отметкой «ноль»!

Чудны дела твои, Господи! Я заклинал и мог рассчитывать на скромные прозаические наброски, а тут рифма...

– И всё?! А дальше? – встрепенулся вечно недовольный внутренний голос.

– Дальше?.. Судьбу не нужно торопить. Нужно идти ей навстречу.

И опять...

Хлеба укрой, крупная соль,
 Стылой воды глоток.
 Познать земную юдоль,
 Открыть свой земной исток.

За шагом – шаг, за верстою – верста,
 Где земли непочата суть.
 Следуя указанью перста,
 За горизонт себя заглянуть.

Идти, сбивши ноги в кровь,
 До спазмы сухой во рту.
 Где перевал рассечёт гору
 И крутизна – по нутру.

За шагом – шаг, за верстою – верста,
 Неверие, страхи губя,
 Идти, терпя нелюбовь,
 Штурмуя вершину –
 Себя!

Кажется, по духу, по боевому настрою получился второй текст энергетической песни.

Наверняка найдутся те, для кого сочинительство – никчемная блажь. А что, собственно, лучше?! Пополнить армию россиян, взявших потребительский кредит на покупку излишнего, и батрачить остаток жизни на банкиров? Нет уж, спасибо... Либо всю сознательную жизнь продавать сникерсы с мобильниками?.. В итоге (каким-то чудом!) заработать, открыть собственный ларёк и не знать, как его защитить от государства и населения?! Бр-ррр! Или самое-самое заманчивое – уехать на границу Швейцарии и Франции. Там, недалеко от Женевы, несколько тысяч человек в большом адронном коллайдере ловят даже не муху, не комара... Искомый гнус много меньше. Хорошо, если все они ушлые жулики из сказки Андерсена «Новое платье короля». А если нет? Если эти групповые артельные утехы – самое светлое пятно их жизни?

Какая яркая... незавидная доля.

В конце концов, другие поступай, как заблагорассудится. Главное, для меня пресвятая литература – самое дорогое, самое важное дело. Самое-самое!

Самодетельная словесность помогает понять себя... Создаёт и поддерживает иллюзию смысла жизни. Разве мало? А ещё моя литература – это подслушанные стоны и чаянья душ людских, кровь и слезинки радости.

Почти стемнело. Через оконце едва дотягивается, угасая, свет вечерней зари.

Грустно.

Прав был Аристотель: «Человек – существо общественное». Устроить организму встряску – полезно, даже забавно. Но жить добровольно одному... годами. К этому не готов. Впереди ещё две ночи. Целых две. Без еды. Без людей. Если, конечно, про меня не забыли, как про тех метеорологов...

Днём ещё сносно. Про еду удаётся не вспоминать. (Странно!) А вот засыпать на голодный желудок ой как несладко... Не пишется больше ничего. Завтра будет то же самое. Опять поднимает голову хандра, ей поддаваться нельзя никак. Лёг, поворочался с боку на бок и рассердился на себя всерьёз: «Соберись с духом, надо жить, надо писать, надо созидать...» Опять вернулся к черновикам-листочкам.

И... потихоньку, помаленьку пошло:

У самого Белого моря
в ветхой рыбацкой избе,
закутавшись в спальник, как куклолка,
я письма пишу тебе.

Любить не умею ярко.
Почти не дарю цветы...
И чаще других подарков
грусть получаешь ты.

Внутри всё клокочет, мается.
Виню себя и кляню.
Легко ли рождаться заново
вот так
одному
на юру?..

Но должен из кокона выйти
не тот же удав или больше...
Последней бабочкой лета
на грудь
опущусь
брошью.

24 августа

Проснулся в 7.29

Ночка кошмарная. Одно радует: она позади. Первым делом поставил в рукописном календаре жирный крест на дате «23.08». Впереди ещё одна ночь и – домой.

Сегодняшний день решил посвятить генеральной уборке. Забрался под нары, выгреб весь мусор, тряпки, доски, какие-то непарные сапоги, около избушки валялись ещё два. Обрезал голенища – получились галоши. И не беда, что все четыре на левую ногу (мне так кажется...) Топор, чайник, спальник положил на видное место, чтобы завтра, не дай Бог, не забыть в избушке. Вещи чужие, выручили меня. Нужно вернуть. Особенно топор! Керчак сказал, ежели топор не вернём, бабушка убьёт сначала его, потом меня. (А что из списка действительно не пригодилось, так это туалетная бумага.) Пол подмёл мокрым берёзовым веником, а затем окатил морской водой, как палубу корабля: вёдер двадцать. Вода смывала первородную пыль, стекла в щели. С любовью намыл избушку, ставшую родной. Словно престарелого отца в баню сводил...

Сорока прилетела к окну. Прострекотала последние новости. Жаль, информацию в этом формате распознавать не умею. Между тем дело – к обеду. Вышел за подножным кормом. Ба! На взморье, в полукилометре от берега – судёнышко. В нём человек... (Ай-да сорока!) Вот бы здорово прямо сегодня попасть на большую землю... Поорал, помахал шапкой. Мужик заметил меня, завёл мотор и... уехал.

Да-с, раньше сбежать не получится – «линейка така!»

И тут (ну всё не как у людей!) вместо того, чтобы в адрес поморов разверзнуться бранью, родились слова благодарного восхищения:

Колежма – Белого моря рай.
 Богатства – на каждом шагу.
 Не газ или там молибденовый концентрат...
 Важней! Поручиться могу.

Люди – вот что ценней всего!
 На слово щедры красное.
 К работе охочи, пожалуй, любой.
 Это ясней ясного.

Но пуще славится их поморство.
 Вот где «охи-то» с «ахами»!
 Сёмгу, камбалу, навагу с корюшкой
 Возами
 сдают
 маховыми.

Ладонь, как пятка, легла на канат:
 – А ну-ка, сходить, что ль в Баренцево?
 Им только б пресной воды запас...
 Карбас
 кивает
 радостно.

Есть не хочется совсем. Голову кружит, слабость, а сказать, что еда стоит перед глазами, – нельзя. Ягоды и те ем больше по расчёту. На скале, в западной части, нашёл современный петроглиф: инициалы «Г. П.» и год – 1972. Появилась идея оставить потомкам весточку о себе, строго высечь в граните: «Здесь в голоде, холоде творил Александр Костюнин». В крайнем случае надпись могла бы послужить эпитафией, а остров – скромным памятником.

Остановился. Совестно как-то... И зубило нигде не нашёл.

Стемнело. Лёг на нары... Встал. Опять прилёг. Не спится.

Маялся до трёх ночи, и тут, внезапно, вспомнил про «следы» от печеня. Пустую упаковку не выбросил в первый день, не стал выбрасывать почему-то и сегодня, когда прибирался. Фонариком посветил, отыскал на полке. Аккуратно, чтоб ни крошки не просыпать, согнул край желобком, высыпал в рот. Ой! Что это?.. Я не столько почувствовал – увидел: сладковатая пыль прошла гортань, пищевод, достигла желудка и мгновенно растворилась. Сразу по всему телу до

кончика гусиного пера растеклась такая благодать, такое умиление...
Боюсь, вам не понять.

Пока добирался в темноте до спальника, погрузился в сон.

25 августа

Сегодня мой день рождения.

Вспомнил отца, маму... Создателя (нельзя быть неблагодарным!) К слову сказать, то, что я произношу из раза в раз, – не совсем молитва... на всё про всё, текст один: «Слава тебе, Господи!» Богославие. Донимать Творца бесчисленными просьбами, канючить значило бы не верить в его Всемерность... Мои сокровенные желания Он и так знает. Я верю Ему. Верю больше, чем себе. С Богом хоть за море, без Бога – ни до порога! Заутренние и вечерние строки в походном блокноте и есть моя служба Ему, мои молитвы.

Моё крестное распятие!..

Дома, месяц назад, раздумывал: чем бы себя одарить? Хотелось необычного... И вот свершилось! За эти пять суток я стал чуточку другим, сделался богаче. Я получил на день рожденья себя иного.

Да, самый желанный подарок человек делает себе сам.
Хотя нет!.. Не всегда.

Ритмические строки – на появление их не рассчитывал. Какой дар сравнится с этим? Словно щедрая морская волна вынесла и, оставив предо мной россыпь северных жемчужин, отхлынула. Надеюсь, отхлынула не навечно... И ещё кряду можно назвать появление внука.

Так... вну-ка:

Ветер принёс Солнышку
Пуховые облака-подушки,
А я одеялом воздушным
Окутал сладкого Лёвущку.

Солнце закрыло глазки
День ушёл на покой.
Пусть тебе снятся сказки

Махонький внучек мой.

Напоследок, в ожидании карбаса, обошёл по кечкаре свой остров везения. Собрал внуку несколько витиеватых перламутровых ракушек и гладко отшлифованных усердной волной кварцев – нетающих льдинок холодного Белого моря.

Вода **за**прибыла.
Я поднялся на вершину скалы.
Благодать! Сколь одухотворённо сегодняшнее утро.
На каменной террасе повернулся лицом к Солнцу, и...
Раствори-и-ился в при..ро...

Откровение Создателя... Спаси-Бо!..
Изумление... Восторг! Лёгкость невесомая... пере-полня...
Дышать... свободно.

В глазах Моря вспыхнули искорки духовной близости...
– И я вас люблю...

Свинцовую гладь рассекла белая гладко-маслянистая спина белухи. Белизна перетекла ещё раз... ближе.

– Сударыня, желаю Вам здравствовать!

Вместо летящей с Северного полюса ненавистой морянки с материка поддувал душистый южный ветерок, пахло сеном, домом. Ветер ласкал меня, нашёптывал на ушко прощальные слова любви...

– Друзья, спасибо за всё! Пришло время нам расставаться.

Ветер, как и время, в пригоршни не удержишь... Как моря устилают землю-матушку, облака укрывают солнышко, как травы шелковые – луг-луговик, так я нежно обнимаю вас.

На горизонте, среди мерцающих солнечных бликов, появилась перевёрнутая запятая.

Она близилась, превращаясь в парусное судно.

Дабы не нарушить хрупкой гармонии естества, тихохонько развернулся, стал спускаться к избушке. Шажок, второй, третий... Ещё один... Прозрачная, непроницаемая граница, отделяющая мистически-райский храм природы от мира сего, беззвучно замкнулась. Телу вернулась первородная брeнность, тяжесть.

Из всех желаний самым-самым-самым было одно: при встрече с людьми не зайтись безумным, счастливым смехом в перехлёст со слезами отрады...

Перепугаю нахрен!

До острова, по расчётам, оставался примерно час ходу...

Я восстанавливал в памяти отдельные эпизоды рассказа, и получалось, расчёт мой оправдан. Человек, жёстко зажатый обстоятельствами, не только перешёл с казённого, формального языка на живой, народный. Его прорвало на стихи!

Нетерпеливо толкаю Оню в коленку:

– Дальше-то что?

– Когда в журнале исчезли записи второго метеоролога, я подумал: «Всё! Убил Ваню!» Эта мысль пронеслась первой. Аж холодом обдала... Но после прикинул: «Нет». Ровный почерк, буква к буквке. Сомнений быть не могло: автор – человек уравновешенный, даже «флегма». Случись самое ужасное, он так бы в дежурном журнале и написал: «Ваню убил». Затем подробно изложил бы обстоятельства криминального происшествия, последние слова убитого в адрес руководства управления и указал бы точное время. Ничего подобного не было.

Заканчивались записи журнала истерическим воплем. На весь разворот гремела, до звона в ушах! – ором орала надпись:

«В е р т о л ё т !!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!»

– Флегматик, выводя кириллицу, втыкал шариковую ручку на глубину десяти листов и – не писал – вырезал! злосчастные буквы. Я, дурак, не взял тогда журнала! – Она смолк и взглядом устремился вдаль.

Уверенный гул мощного подвесного мотора понемногу завладел моим слухом, сознанием. Белое море прохладной морской водой окропило лицо, помогая собраться, настроиться... Мне свою робинзонаду ещё только предстояло пройти. И чем она закончится, я знать не мог.

Но одно я знал твёрдо...

Есть, непременно есть обстоятельства, при коих человек переходит с казённого на родной, живой, русский язык. И для тех, кто страстно желает, обязательно приходит момент, когда слабые пёрышки обретут крепь. Тогда и возникает небывалая подъёмная сила. Возмужалый птенец становится на крыло.

И... летит к звёздам!

P.S.

Прошёл месяц...

Стоит выпасть свободной минутке, я, как скупой рыцарь, пересчитываю листочки с отпечатанными набело непривычно-ритмическими строками. Поглаживаю их, воркую... Они – настоящее чудо! Хотя, признаться по совести, так думаю я один. (Уповаю, что не агевзия причиной тому [12].) Ряд творений, не откладывая, решил посвятить знакомым и близким, а то, поди знай, соизволит Муза посетить ещё или нет. Дело тёмное! «Слева – обрыв...» – сыну Леониду с припиской: «Сынушка, желаю тебе год от года расти над собой». «Колежма – Белого моря рай» – истым поморам, братья Лёгким: Анатолию, Василию и Сергею. «У самого Белого моря» – Галине, жене (так всё-таки будет пристойней).

*

25 августа 2012 года

Примечания:

[1] Любой сильно нехороший человек ассоциировался у советских людей с немецко-фашистскими захватчиками или попросту «немцами»;

[2] Анкл (uncle англ.) – дядя;

[3] Курень (помор.) – убогая дымная изба, черная изба, ветхий, в одну две комнаты домик без хозяйственных пристроек к нему;

[4] Материк, матерая земля.

[5] Линейка (помор.) – доля в жизни, участь;

[6] **Доспеть** (помор.) – о человеке: окрепнуть, достигнуть совершеннолетнего возраста, возмужать;

[7] Самое теплое время года на Беломорье. В Сорокском и Кемском районах лето определяется по старому стилю периодом времени от Иванова дня (24 июня) и по Ильин день (20 июля). Поморы говорят: первый летний праздник Иван день и последний Ильин день до обеда;

[8] Хэллоуин (англ. Halloween, All Hallows Eve или All Saints Eve) – национальный праздник «нечистой силы» в США;

[9] «Высечь море». В начале похода на Грецию (480 до н.э.) буря снесла построенные персами мосты через Геллеспонт (Дарданеллы). «Узнав об этом, Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударов бича, и затем погрузить в открытое море пару оков» (Геродот, VII, 35). >Геродот, с. 325.

[10] Гомер «Одиссея» (песнь V, ст. 330) Евр – (Эвр) бог восточного ветра, брат ветров Борей (северный ветер), Зефира (западный) и Нота (южный);

[11] Олонецкая поговорка;

[12] Агевзия (а + греч. geusis – вкус). Нарушение восприятия вкусовых ощущений. Может наблюдаться при органических заболеваниях нервной системы с поражением вкусового анализатора, особенно центрального его отдела, либо при истерии. В некоторых случаях сопровождается бредовые переживания, главным образом бред отравления. При депрессиях входит в структуру синдрома отчуждения витальных чувств.

Вешки

*Говорят, что где-то есть острова,
Где четыре не всегда дважды два,
Считай хоть до слепу – одна испарина,
Лишь то, что по сердцу, лишь то и правильно.*

Александр Галич

Назавтра решили свезти на Мягостров и установить там приметный крест.

– Вода в восемь, – сообщил сват Сергей.

Сие в переводе с поморского означало, что максимальный уровень прилива – «больша вода» – в восемь утра. К этому времени «надоть» собраться и выйти. Карбас, конечно, не космический корабль, минутная готовность ни к чему и, разумеется, ничего страшного не произойдёт, ежели чуток задержимся. Но с каждым часом уровень в устье Колежмы станет падать, падать... Морская вода, заглянувшая в гости к пресной, убывая восвосяи, обнажит сперва кромку заболоченного берега, затем постепенно валуны на дне самой речки. А стоит с выходом затянуть, так уж не выйти совсем – обсохнешь. «Вода в восемь» – и добавить к этому нечего.

Однако утром, пока крест в разобранном виде грузили на тракторную тележку (основа креста – могучий шестиметровый брус-стойка), пока везли на пристань, пока ждали всех, время шло. Давно девятый час, девять, десятый, а мы топчемся у браницы [1], всё ещё грузимся. В итоге собрались одиннадцать мужиков: братья Лёгкие – Анатолий, Сергей и Вася, Кочин Алексей, Никонов Иван... Я – двенадцатый. Приготовили всё, что нужно для установки, сборки: деревянные ригеля, заступ, лопату... На лицевой стороне креста – канонические надписи на старославянском, свидетельство Страданий Христовых. Под нижней косой перекладиной восьмиконечного крестараспятия – символическое изображение головы Адама и надписи: «М.Л.Р.Б.» – «место лобное распят бысть», «Г.Г.» – «гора Голгофа», буквы «К» и «Т» означают «копие воина и трость с губкой». Над средней перекладиной – «ІС», «ХС», под ней – «НИКА», стало быть «Победитель»; около – «СНЪ БЖІЙ» («Сын Божий»), «І.Н.Ц.И» – «Иисус Назорей Царь Иудейский»; выше – «ЦРЪ СЛВЫ» («Царь

Славы)), «Г.А.» – «глава Адамова». Извек поморы так и ладили кресты.

Река меж тем обсыхала на глазах: вот наполовину обнажился стояночный якорь соседнего баркаса, показалось серое илистое дно заросшего осокой берега. Вода пару часов назад плескалась вровень с пирсом, тут – ведром не зачерпнуть. Наконец, отчалили. Под деликатный клёкот мощного подвесного мотора карбас послушно отработал задним ходом, плавно развернулся и стал тихохонько пробираться на выход из устья. Временами киль, борта со скрежетом задевали подводные валуны, тогда карбас кряхтел, недовольно бурчал, но везде прошёл сам, шестом подмогать не пришлось.

Я по-родственному сидел на корме рядом с Сергеем, любовался, как мастерски сват управляет судном.

– Ловко у тебя получается!

– По вешкам иду, – череда высоких кольев уходила в открытое море.

– По вешкам?..

– Самая руслина реки, стремнина ими обозначена, иначе разве пройдёшь? В море – по вешкам, в тайге – по зарубкам, затесям на стволах. Зимой на открытых местах как тропку угадаешь, когда позёмкой целые ложбины за ночь переметает. Помечаем прутиками.

Я молча размышлял над сказанным...

Сквозь хмурую воду просматривалось песчаное дно: сначала ярко-оранжевое, затем бурое, цвета торфа, потом вовсе морская воронёная толща взяла верх...

– Сейчас новый парус поднимем. Ты такого ещё не видал, – сват сиял, как именинник.

Рей, обмотанный парусиной – под рукой, вдоль борта. Федя, привыкший управляться с такелажем, рангоутом, достал свёрнутое рулоном полотнище, прицепил к мачте, потянул за капроновый канат... под своим весом парус раскрылся, туго наполнился попутным горным ветром.... Над морем вспылал лик Николая Чудотворца.

– !!!

– Что я говорил!

– Красота...

– Дувань крутая, белю нет нужды вызывать. [2]

Сергей сбавил обороты и взял курс на Боршовец. Он в радостном возбуждении что-то сказывал, я лишь рассеянно кивал... «Вешки» – интересное совпадение. В прошлый раз в одиночестве на

маленьком острове, затерянном в просторах Белого моря, много думал
о них...

Желая вновь испытать столь же острые, но теперь иные, новые чувства, откровения, я решился повторить затворничество [3]. Не хочется жить в длину, писать в длину. Моя мечта: научиться вслушиваться в себя, сердцем вслушиваться... записывать. И может, приблизиться к Истине. Непростая задача... в сутолоке она не решается. Скопом, большинством голосов, её не одолеть. На какое-то время необходимо полное одиночество и воздержание, а потому всё в точности, как год назад: те же пять суток, один-одинёшенек, без куска хлеба, с запасом питьевой воды и чистым блокнотом.

Организм, лишённый холи, отреагировал тогда неожиданно. Меня, страдающего идиосинক্রазией к рифме, вдруг... прорвало на ритмические строки. Высшей благодатью опустились они с небес:

В храме лесном царит полумрак,
Лишь кадит головня да чернеет овраг.
Тенью по небу скользила сова
Облекая мистически в знаки-слова
Волю Вселенной, силу небесную...
Всё принимая – я не бесную.
Сердцем читая судьбы откровение,
Крестным себя осеняя знамением,
Я причастился малиною благостно.
Стихонезнаючто обняло радостно...
Ель, окропив водой пресвятою,
Благословила вестью златою.

...

Белая ночь, мир отдалив,
Тайну незримую сердцу откроет.
Мысли и сны поровну поделив,
Душу томимую светом омоет.

Разве такое забыть?

В этот раз Федя, наблюдая за моими приготовлениями, не утерпел:

– Ты бы хоть Тунгуса взял. Будет с кем словом перемолвиться.

– А как объяснить псу, что «кушать» отменяется?

– ?.. – Федя почесал заскорузлыми пальцами лоб, а кобель обстоятельно помочился на колесо моего Tucson-а и припустил по деревенской улице прочь.

Храбрился я, но ведь для меня, «любителя повеселиться и особенно пожрать», подобный аттракцион – испытание серьёзное (не «комната смеха»). Может случиться ВСЁ. Читал где-то: в древнем Китае с юности задумывались, как бы хотели встретить смерть. Крутые экстремалы хмыкнут: люди голодают по десять-двадцать дней, ночей – чистое здоровье! Классический христианский пост вообще сорок суток. Но ведь я – сублильный рафинированный горожанин, к тому же возраст... Между тем какая-то сила неодолимая влекла в таинственную зону.

И в этот раз меня с нехитрыми пожитками отвезли на безлюдную скалу, оставили. Подхожу к избушке: опп-па! Во «входящих» – письмо с прикреплённым файлом: прямо на пороге веранды свежая медвежья куча черникой! и – лёгкий сизый парок... Ну, разумеется, больше нигде, не в тайге ж гадить. Валяйте! (А я-то размечтался: «один-одинёшенек».) Дверь в избу – нараспашку, будто ждали меня. Низко склонив голову, словно пред тесными воротами в Храм Гроба Господня, захожу в лесную келью:

– Здравствуй, хозяйюшка-изба.

Осматриваюсь... Как оставил год назад, так всё и есть: морские ракушки на подоконнике, кухонная тряпка из дели на полке, упорки [4], охапка дров у печки... только бутылка с сухим прутиком опрокинута. Кроме мишки за год не было ни души. Опасливо оглядываясь, прислушиваясь, шагнул в лесок, срезал веточку рябины с алой гроздью, поставил в бутылку, плеснул на доньшко пресной воды. Теперь полный порядок! Вечером, во время отлива, обходя по кечкаре остров, наткнулся на медвежьи смайлики: огромные, чётко отпечатанные на глине косолапые следы неспешно уходили в сторону материка – два медведя в одной берлоге не живут.

А в Колежме завтра торжество: рыболовецкий колхоз «Заря Севера» отмечает День рыбака, намечены широкие, сытные, хмельные гулянья. «Праздник-то наступат – гора горой», а я... людей сторонюсь. Деревенские мужики исподлобья позыркивали на меня. Что сказать им в своё оправдание? Сослаться на диету?

Моя комплекция – роман,
 Зачем мне эпопеи вес?
 Я отвергаю суп-культуру!..
 Стремиться буду к SMS.

Бессмысленно. Никакие доводы не в силах обелить затворничество в глазах поморов, людей по природе, по духу своему исконно общинных: «Из одной капли море не получится!» Меня на этот раз даже не сильно и отговаривали... Оказывается, загодя меж собой всё перетёрли. Федя, узнав о прожекте (прожект – это такой проект через «ж») поинтересовался у свата:

– Снова поодинки, на цельную неделю?

– Ну.

– Так он чё, левосторонок? [5]

– К нашему берегу путного полена не прибьёт...

Я хорошо понимаю их. Все мы по большому счёту «колхозники». На единоличника у нас тарашься, как на летящего пингвина, как на нэпмана недорезанного. И радости, и горести наши – колхозные. Потому и в войне непобедимы, потому и мечтаем, чтоб у всех примерно одинаково, а тех, кто высовывается, одёргиваем. И во главе – бравый Председатель колхоза (мне он тоже нравится!) Корнями наши колхозно-общинные устои уходят в древнюю Русь (революция лишь обострила их, довела до гротеска). С раннего детства, сколь помню, мы не принадлежали сами себе. Всё решалось поклассно, поотрядно. В крайнем случае – «звёздочкой» (была такая детская партиячка). В отряде, в звёздочке – свои командиры. Как иначе? «Ты тянешь нашу звёздочку назад!» – распекали отстающего за недостойную учёбу, лёгкое поведение. На приём пицци в младших классах ходили исключительно строем.

Учительница задорно командует:

– Ребята, разбились! Разбились по парам, взялись за руки!

Не у всех первоклашек получалось выполнять команды синхронно. Я хотел мчаться в столовку первым, кто-то, открыв рот, мечтал...

– Костюнин, тебе говорю: взя-ааались за руки. Вы сами себя задерживаете.

Мало-помалу руки сплетаются, и мы смиренным гуртом топочем в столовую.

Строем разучивали речёвки. Дрессировали нас после уроков в рекреации. В конце четверти – «смотри строя и песни». Глаз не оторвать! Командир отряда в красной пилотке с замызганным султанчиком звонко:

– Раз! Два!

Мы хором:

– Три! Четыре! Мы шагаем по четыре!

–левой!!! – приказывает командир.

– Правой! – возражает отряд.

–левой!!!

– Правой!

– Сильные! Смелые!

– Ловкие! Умелые!

В оценке себя-любимых разногласий нет, но командиру неймётся:

– Кто шагает дружно в ряд?

– Пионерский наш отряд.

Загляденьё! Классная, если рапортуем громко, чётко, стоит в сторонке – млеет.

Для россиян в строевой подготовке скрыто некое обаяние. Не зря скучал по армии Дубинушка в фильме «Белорусский вокзал»: «Стоишь себе в строю, думаешь о чём-нибудь. Командуют «налево!» – повернулся налево, «шагом марш!» – пошёл. Куда? Зачем? Там знают. Идёшь, главное – в ногу, думаешь о своём». Я бы до сих пор маршировал под речёвку, а то, неровён час, сам командовал, да вот незадача... командиры командиров посрывали с себя звёзды, погоны, покидали знамёна, разбежались... Партия, наш рулевой, завела страну в тупик! И пришлось смекать в одиночку: куда дальше? Стресс для многих неодолимый! Однако обижаться нам грех: жись убористая – день за три, как на войне. Век гения – стремительный росчерк пера.

Да, трудно искать выход. Вот бы гдегодились мудрые вешки!..

Мягостров.

Во-оон он! После Отечественной войны там ещё долго правила Соловецкая командировка: заключённые валили и сплавляли по морю лес. Деревенские называли их «услонцы», уменьшительно-

ласкательно от аббревиатуры СЛОН: Соловецкий лагерь особого назначения. Ныне всё поросло мхом, сравнялось с землёй, лишь кое-где видны стены барачков, рыжая колючая проволока, да гниёт местами уложенный в штабеля деловой лес. Едем дальше... В те времена любое движение в стране (общественно-политическое – в первую очередь) строго регулировалось дорожными знаками – запрещающими, предписывающими: «въезд запрещён», «движение запрещено», «обязательное движение прямо-налево-направо», «перегон скота»... Знаки-указатели приводят на берег легендарного Беломорско-Балтийского канала имени товарища Иосифа Сталина. Мир не знал подобных способов возведения гидротехнических сооружений: до ста тысяч заключённых ежедневно выгоняли на строительство, многих тут же расстреливали. Земля по берегам до сих пор шевелится, стон стоит, а ведь сколько лет прошло! Исполняя предписание указующих знаков, расстреливали священников, переплавляли колокола, иконы строгаи на лучину. В деревне Колежда кирпичную церковь разрушили, у деревянной снесли купол, организовали клуб. Там и сейчас по выходным дискотека (к алтарю, с внешней стороны, пристроен сортир). Едем дальше, не отклоняясь от генеральной линии партии... Деревня Юково на берегу Белого моря. Брошена.

Сколько таких Юковых по России?..

Прилив морской отхлынет,
Корёжа глыбы,
Но, поразмыслив,
Прильнёт обратно,

Забыв о распре.

Деревни остов брошен
На камни века.
Склонив главу, вернём
Жизнь этим храмам!

Да будет... поздно.

В последние годы всё громче хныканье по Советскому Союзу. Россию молодую лягает даже ленивый... Нечестно это! Видно, настало время восстановить в памяти траекторию страны, посетить знаковые

места. Это настоящие жемчужины... только чёрные. Турне: «Ожерелье чёрных жемчужин СССР»!!! Маршруты те нужно держать взавети [6]. И впредь пускай вешки указывают дорогу в обход бесовских чёрных дыр. (Хотя, похоже, через отрицание – и есть самый короткий путь... к Богу.)

А Запад, пока мы плутали, небось, ушёл далеко вперёд...

Буквально перед отъездом наткнулся на информацию в газете «Труд», 12.08.2013: «Московским геям отказали в проведении парада». «Ну что за страна? Даже ж...пой собственной распорядиться нельзя», – возмущалась Фаина Раневская (во времена СССР сурово наказывали за педикюр). Сейчас бы Фаина Георгиевна обалдела... от назойливости Номо anus!

Просвещённая Европа и Большой Белый Вождь прививают нам све-еетлые идеалы. По-человечески их понять можно: каждый пытается своих лобковых насекомых объявить священными коровами. Но где предел толерантности? [7] И куда податься мне? С флажком на Красной площади ликующим возгласом «уау!» встречать сводную колонну этих зоофилов-некрофилов или записываться в штурмовые отряды и громить?.. (Признаться откровенно, ни то, ни другое не по душе.) А между тем подобные нравы – символ эпохи. Сразу приходит на ум Римская империя незадолго до краха, ещё раньше Содом с Гоморрой... Тогда, за миг до уничтожения Господом падших городов Ангел дал Лоту совет: «Спасай душу свою; не оглядывайся назад и нигде не останавливайся в окрестности сей; ...чтобы тебе не погибнуть» [8].

Я же...

Уповаю на Чудо-радар,
При рождении встроенный Богом,
Сирена взвояет: «Антипидор-пидор!» –
Почувяв грязь за порогом.

Даже не грязь это, топь. Мимо таких гиблых мест по вешкам нужно ступать, да ещё со слегой в руках.

За окном беснуется побережник – студёный северо-западный ветер. Слух тревожат резкие шквалистые порывы, рокот, завывание,

шелест багулы, беспорядочный плеск волн, оконное стекло боязливо дребезжит, поскрипывает. Из избы выдувает жилой дух... Сделалось как-то неуютно, зябко, первый раз за время приезда затопил плиту. Перелистываю страничку блокнота. Вот она лежит... нетронутая, чистая... ждёт меня.

А людские выверты – своего рода бунт на планете. Бунт человека против собственной природы, против раз и навсегда установленного миропорядка.

Бунт против... Создателя.

Рассупонилась Земля, расхристалась,
Меридианов сбросила пути.
А ведь раньше бузить не решалась,
Мирилась, колючкой окутана.

Соблазнила тут лукавая доля,
И стала ей тесной авоська.
У людей есть понятие «воля»...
«Раз в космосе смута – авось как...»

«Пуп вселенной я – Бога ухмылка!
Прикажу я Солнцу, и тут же
Оно будет при мне на посылках!...»
Вдруг стянули... удавку... туже.

И не дали «кочану» речь закончить,
Непогашенный бросив окурок
Из далёкого созвездия Гончих –
Преподав вольнодумцам урок.

Попритихла тут Земля, оробела,
Запряглась в ярмо постылое, корчась,
И продолжила, смирясь, бег по кругу,
Всех по-страшному кляня молча...

Тревожно на душе.
Усиливается ощущение близкой непоправимой катастрофы.
И выхода не видать...

Это случилось в Антарктиде (как хватило духу у операторов всё это фиксировать на камеру – ума не приложу!..): океанским течением к традиционному месту обитания пингвинов прибило громадный айсберг высотой до неба. Путь к морю, к пище был отрезан. Над крохотными, едва появившимися на свет птенцами, над жизнью всей колонии нависла смертельная угроза. Медлить нельзя. И тогда один из пингвинов отправился в сторону восходящего солнца искать дорожку к морю. Когда через несколько дней он не вернулся, на поиски спасительного пути пошёл второй – туда, где солнце заходит. Нельзя сидеть, безнадежно опустив крылья, нужно искать выход. Искать и непременно найти. А тот, кто отважней, должен идти первым. Не получится у него, пусть идёт на поиски второй, третий...

И проложит для всех верный путь.

Вот только какой путь считать «верным»?
Где мерило Истины?

Благодаря «Главной палате мер и весов» мы знаем, сколько весит килограмм, сколько вершков в метре, цельсия в фаренгейтах. Всё измеримо. Из новшеств – одно: в качестве денежного эквивалента включили русскую пол-литру. Больше никаких нововведений. На всё – свой безмен... Лишь на Истину мерки нет.

В далёком 1982 году я, как и другие советские студенты, изучал диамат. Курс читал сухопарый высокий доцент с бородой шкипера, Павел Дмитриевич. У него на экзамене первым вопросом мне и достался «Критерий истины в научном мировоззрении». Общепринятых значилось два: научный эксперимент и практика. Меж тем указанные понятия не позволяют заблуждения отличить от Истины. Практика – итог целенаправленной деятельности отдельного человека или целого народа. А народы на планете – разные, векторы их деятельности зачастую взаимоисключающие. Посему в таком критерии истины, как «практика», велика доля субъективности. Проходят десятилетия, эмоции остывают, информация отстает и – нате вам: в долгосрочной перспективе былые завоевания нашей страны уж не кажутся столь очевидными:

олег успел на электричку
и там ему сломали нос
олег лежит не понимает

так он везучий или нет [9]

Я предложил дополнить список критериев «временем». Время висит над всеми народами, над Вселенной, словно Верховный Судия. Время – главный критерий Истины. Надо отдать должное педагогическому такту Пал Дмитрича: он вывел в зачётке «удовл.» и, не переходя ко второму вопросу билета, отпустил с миром.

Истёк один день моего добровольного заточения, второй, третий...

Поначалу-то я намеревался изложить все суждения о внутренней политике государства, подробно остановиться на качестве дорог, медицинском обслуживании, замахнуться на политику внешнюю... вставить и туда свои пять копеек. Но по мере того, как родниковая вода вымывала из организма желчь, мысли становились тоньше, прозрачнее, бестелеснее, пропадало желание сутяжить, осуждать. Мне уже не было никакого дела до пороков чужих... Со своими бы разделаться. То, что там, на большой земле, казалось важным, здесь утрачивало всякий смысл. Такие метаморфозы в себе радовали. Негоже, будто дворняга беспородная, с оголтелым лаем провозжать каждую проезжую колымагу.

А мужики сейчас, небось, наварили ухи из свежей камбалы. По-карельски – в глубокой сковороде: туда пару картофелин, десяток горошин круглого чёрного перца, лавровый лист, когда почти готово, – репчатого лука, накрошенного мелко. На столе дожидается ржаной хлеб со сливочным маслом, заиндевевшая бутылочка водки... (ведь мне, как писателю, спиртное строго показано.)

Может, зря я здесь... один?

Нет, не зря. Метные вешки тоже устанавливают не гурьбой, не пучком втыкают – по одной.

И я знаю точно, ЗАЧЕМ ЗДЕСЬ:

Я хочу сквозь ушко одиночества,
Ужавшись до слова, до мысли,
Несмотря на неверья пророчество,
Перейти за границу смысла.

За черту повседневных суждений
И ширму знаний объятных,

Где живут не фантомы видений...
И маму с батей – в объятья!

За метафизическим горизонтом скрылись мои родители, друзья... Скоро вслед идти мне, таков удел каждого. Но коли роковые обстоятельства не изменить, может, попробовать приблизиться... насколько возможно, к границе небытия... Там... поискать Истину.

И вдруг на пятые сутки я увидел... Нет, неверно... Скорее, почувствовал ту невидимую грань, что крепче ворот кованных отделяет наш видимый мир от мира теней... куда уходим мы невозвратно. По мере таянья тела улечиваются земные желания, кушать (чудное дело!) не хочется, жажды нет. Мозг работает спокойно-спокойно, даже слегка заторможено, словно в анабиозе. Не хочется говорить, двигаться... Заставляю себя сделать несколько глотков воды. Лежу, укрывшись тёплым спальником, рассеянно смотрю то в потолок, то в окошко. Свеча горит ровно, оплывая капля за каплей... Пуповина, связывающая меня с прежним, привычным с детства миром, пересыхает... Обостряется внутренний слух. Предвиденье, предслышанье... Я постепенно превращаюсь в мысль.

Мной овладевает полусон...

Ужас ночи подступает тихо,
Тьма сгущается, выдавливая свет.
За стеклом оконным бродит лихо,
Лихо бесовское терпких лет.

Что за птица?!
Что за баловень изменчивой судьбы?..
Мне не спится.
Ночью я пряду по ниточке мольбы.
Колесницы...
Слышен издали тревожный звон мечей.
Ворон – ниц!
Знак крадущейся беды да дрожь свечей.

...

В эпицентре черноты Вселенной –
Хлад и пустота, ни зги окрест.
Жизнь моя – мерцание нетленной

Слов-лампадки да нательный крест.

Из-под дров выскочила мышка. Замерла. Глазки испуганно блеснули, носиком повела.

– Здравствуй, маленькая. Не обижу. А вот угостить нечем...

Извини.

Разбитое мутное зеркало на стене...

Поначалу не возникало желанья в него смотреться, днесь захотелось.

Что произошло дальше, сказать не могу. Пока не могу...

Одно скажу: Радость Великая.

Осьмиконечный крест установили на Мягострове в расщелине, на самой маковке утёса. Крест православный – духовный остов русского человека, поморский к тому ещё – навигационный ориентир. Массивный величавый символ православия мореходам заметен издали: поднятый конец наклонной перекладки указывает строго на север; основание обложили высокой грудой камней, символизирующей Голгофу; криптограммы, надписи не краской наносили, вырезали в толще бруса. Мягостров выбрали не случайно: в этой точке пересечения широты и долготы испокон веков возвышался приметный крест. Старый крест доньше, из последних сил, стоит назло морянке и лихим временам. В годы Советской власти подобные святыни специально не уничтожали, но разумеется, и не восстанавливали.

На следующий день мне возвращаться домой, а вечером мы с Сергеем разговелись. На острове рядом с деревней у него заимка. Никто не мешал, не дёргал... За год Сергей для меня из близкого приятеля превратился в свата. Ого-го! Совсем иной статус: лей-перелей. Вдоль дома мостки, устроились прямо на них. Когда с материка дохнуло холодком, передвинулись на подветренную сторону, воротники подняли, спиной – к нагретой стене дома, лицом – к заходящему солнцу, к морю. И так стало душевно, что пошли стихи:

Мы сидели вдвоём на крылечке,

Вспоминали прошедшие дни.
Похмельные, в седом колечке,
Чуть оторванные... от земли.

Бело морюшко разомлело,
Ах, как ластится синь в глаза!
Только осень жизни узрела
Раем писанные образа.

Я бы песню сложил об этом:
Сват и я – вот такой дуэт.
Пусть запомнят прилив и мели!
Жаль до горести – не поэт...

А помимо приятности, я был несказанно благодарен свату за наглядный пример с вешками. Ведь и поморский крест, и победный лик Николая Чудотворца на парусе самые что ни на есть настоящие вешки... Точнее – вежи! Судьбоносные вежи в переломной, многострадальной истории нашей православной Руси. Предписывающие знаки не оставляют человеку выбора: «направо!», «прямо!», «налево!» – движение обязательное. Шаг в сторону – побег! расстрел на месте! Как говорится, хошь не хошь... А вешки – не глухой прогон, огороженный колючей проволокой. Вешки – выбор, а не узда, не путы, не кандалы. Вешки обозначают торную стёжку, но не волокут тебя за ухо.

Лично мне так больше по душе. Похоже, у нас короновалось именно такое время. И это здорово!

P.S.

Возвращался домой, и тут на мобильник радостным жаворонком звонок сына:

- Твой внук научился показывать пальчиком, что ему годик!
- Он хоть не средний оттопырил?! – по-стариковски въедливо уточнил я.
- Пап... Какая жизнь, такой и палец.
- Ну, ничего...

А жизнь, дай Бог, наладится. Когда-нибудь с гордостью задерём большой палец и мы. И это здорово.

*

г. Москва, 07 октября 2013 года

Примечания:

[1] **Браница**, (помор.) расчищенное место на лодочной пристани, куда выгружают груз или товар;

[2] **Беля**, (помор.) Выражение, употребляемое поморами во время плавания, когда стоит штиль, для того, чтобы вызвать попутный ветер. Согласно распространённому среди поморов поверью, во время полного штиля на море возможно вызвать легкий ветерок, переходящий в настоящий сильный ветер, позволяющий продолжать путь на парусах. Для этой цели один из находящихся на судне становится на мачте и, царапая её ногтями пальцев рук, с присвистом начинает звать: «Беля, беля, беля, бело лпко!» Это продолжается до тех пор, пока не почувствуется струя легкого дуновения ветра, и парус зарядит;

[3] Итогом моего первого знакомства с этим необитаемым островом Белого моря стали «Пёрышки» (Методика поиска себя);

[4] **Упорки**, (помор.) Рваная обувь; отрезанные от голениц износившихся сапог ступни;

[5] **Левосторонок**, (помор.) Бран. Нелюдимый, угрюмый, необщительный.

[6] **Взавети**, (помор.) В памяти, в мыслях;

[7] **Толерантность** (от лат. *tolerantia* – терпение) иммунологическая, отсутствие или ослабление иммунологического ответа на данный антиген. В токсикологии и фармакологии термин «Т.» обозначает снижение чувствительности к токсичным и фармацевтическим препаратам (например, к наркотикам). (Большая Советская Энциклопедия М.: «Советская энциклопедия», 1969-1978);

[8] «Первая книга Моисеева. Бытие», глава 19;

[9] NN.

Взлёт

*Боги, боги мои! Как грустна
вечерняя земля! Как таинственны
туманы над болотами. Кто блуждал в
этих туманах, кто много страдал
перед смертью, кто летел над этой
землёй, неся на себе непосильный груз,
тот это знает. Это знает уставший.*

*Михаил Булгаков «Мастер и
Маргарита»*

Не стану скрывать: усталость... гнетущая усталость – от мира, от прогнозируемой траектории падения его, от назойливой пиар-пропаганды, от вездесущего гула цивилизации, от людей плохих и особо хороших (их-то уважить нужно «через-не-хочу»), усталость от себя... От всего! Именно усталость гонит человека с обжитого насиженного места в поисках скита, побуждает заползти в крепь, глухую нору, в тень, исчезнуть на время с глаз людских... Уставший не испытывает желания другого, помимо жажды одиночества, тишины, покоя... пусть даже вечного. Уставший человек – не человек... Сам себе делаешься в тягость. Самооценка, покачнувшись, накренилась и, сколь ни укрепляй её, ни сдерживай подпорками, как ни подвязывай скрутками из проволоки – валится набок...

И тут мысль: рецепт-то есть!

Меню опробовано давно: «безлюдный остров в Белом море; на «первое», «второе» и «третье» – исключительно колодезная вода; вокруг на двадцать километров тоже вода, только морская, солёная и свежий ветер, что доносит естественные краски, не синтетические – живые запахи и звуки».

23 мая

Первые сутки одиночества.

Ночь пролетела – не заметил как... Вчера провожатый привёз меня на остров лишь к полуночи, «по вечерней воде» (весь день море, несмотря на весёлое яркое солнышко и южный ветер, закипало, закипало... – нечего даже думать покидать рейд). Шторм, если

перевести на баллы, вроде слаб, но эти невинные белые кокошники, венчающие хмурые свинцовые волны, могли в любую минуту превратиться в злую кипящую пену.

Первая ночь на острове прошла незаметно...

Уже под утро заметил через оконное стекло: ветер с южного сменился на западный, стало прохладнее. Однако поморская изба за две недели небывалой майской жары прогрелась и дышала живым радушным теплом. К тому же спальник – спалось в нём так сладко! Помните, у Глеба Горбовского – гимн... спальному мешку:

Мой мешок – моя колыбель,
мой писательский кабинет.
Беспросветную муть-метель
он сводил для меня на нет.
Он набит клочками поэм,
он прошит узорами строк.

«Узорами строк»... хорошо бы.

Мои новые соседи-жильцы, мыши, всю ночь шуршали, беспрестанно гомонили по какому-то поводу (думал, у них до гармошки дело дойдёт!), но вся эта фонограмма, в которую вплетался спокойный ритмичный плеск волн, лишь способствовала релаксации. Утром вставать не спешил – теперь спешить некуда – беззаботно повалялся на поморском ложе, вместо зарядки – прилежные потягуше-чки, вместо кофе в постель – размышления о высоком... Однако, пора, по заповеди Экзюпери, приводить в порядок себя и свою планету. Сапоги надевать не стал – по-домашнему, в пластиковых галошах – в заимке и на улице. В избе – бардак! На плёсе, перед входом в избушку – следы мамаева попоища: «Юстас – Алексу: разрешаю расслабиться!» (Засланцы современной цивилизации срach после себя оставили знатный!..) Мусор собирал в полиэтиленовые пакеты, набил пять штук – не вместились. Вырыл на опушке яму: пустые бутылки из-под водки, виски, консервные банки, использованные газовые баллончики, полиэтиленовые стаканчики и тарелки, всю срань, весь хлам – туда. А нераспакованную пачку каменной соли, две упаковки горчичного порошка (он-то им зачем... ноги парить, что ли?), банку сахарного песка вперемешку с мышиным пометом (словно зёрна тмина), пачку цейлонского чая, початую бутылку подсолнечного масла, бульонные кубики, перец горошком,

лавровый лист в пластиковом контейнере выбрасывать не стал, сложил аккуратно на полку: вдруг рыбакам пригодится, всяко бывает. (Продукты хранились зиму в нетопленной избе, что им станет). На генеральную уборку с ополаскиванием пола морской водой, будто палубы на корабле, ушёл целый день. Зато изба теперь – картинка! – не бедовка.

Сторожно хожу с веником по горнице, ступаю кромкой леса с лопатой наперевес, а сам всё прислушиваюсь к нутру, словно к яйцам в гнезде: не проклянется ли какая строчка, не подаст ли сигнал свежее слово? Нет. Пока нет... Тишина. Ничего не пишется. Голова, душа – пустые. Это и понятно... Я ещё в себя прийти не могу: не верится, что вырвался-таки из цепких лап цивилизации, разорвал, как Гулливер в стране лилипутов, многочисленные путы, и сбежал, точно пёс, с огрызком верёвки на шею (на сей раз добираться до острова было особенно трудно.) В урбанистическом гетто сам себе не принадлежишь: время, силы до капли уходят на соблюдение традиций, обычаев, на гримасы и ужимки, одним словом – на «протокол». А подзарядка мне требовалась срочно: эмоциональная, энергетическая, смысловая, чувственная... Индикатор давно предупреждал об опасности, тревожно мигая красным огоньком.

Нет, о новых строках пока можно не мечтать...

Для того, чтоб возликовал творческий дух, должен воцарить мир в себе, нужна светлая умиротворённость, сосредоточенность:

Отступи, как отлив, всё дневное, пустое волненье.

Одиночество, стань, словно месяц, над часом моим! [1]

А я пока весь от счастья дрожу, словно вырвался с шабаша нечисти... Вы попробуйте сами добраться на край Карелии к Белому морю, я посмотрю: дороги сюда, в тупик, считай, нет; охотников отвезти на остров тем более не найти – проблема! – мужиков не осталось, вымирает старинное поморское село. А ведь Колежма с церковью Климента папы римского упоминается в летописи ещё в 1548 году! Благо люди у нас с понятием. Больше скажу: местное население с воодушевлением восприняло отмену автобусного сообщения с районным центром и закрытие средней школы. Смирение завидное: библейская притча о пощёчине – не в пример уступает. Федя, мой провожатый, доходчиво объяснил: «Так гуманнее очищать

территории от коренного населения, чем на Востоке Украины». Сравнение показалось мне некорректным, но спорить не стал – дальше начиналась политика: споры-пререкания, распри, возмущение, брожение... Это – не моё. (Помнится, у Михаила Ходорковского проект по управлению Россией на первом этапе предусматривал именно такую дезактивацию провинции). А вообще с ёрничаньем, с критикой власти пора заканчивать: с хозяйской руки кормимся – её же кусаем [2]. Французский писатель Жозеф Жубер признавался: «Если мой друг одноглазый, я смотрю на него в профиль». Не верю, что в такой огромной стране, как наша, нельзя найти привлекательный уголок, фрагмент, родинку... Найди себе и – любуйся, гордись! Даве наткнулся в социальной сети на занятный пост: «Не сри там, где живёшь!» Патриоты Ивановки призвали односельчан вываливать нечистоты в соседнюю деревню. Классный почин! А то ведь ничего святого не осталось: где столуемся – там и гадим. Некрасиво, товарищи. Похоже, у нас некоторые забылись, где находятся.

Под-рас-пус-ти-лись!..

Политика...

Ох уж эта заразная, точно стригущий лишай, навязчивая политика! Как «Свидетели Иеговы»: их – в дверь, они – в окно! Однако я не волнуюсь, по опыту прежних поездок убедился: трое суток в затворе без еды и... – меня абсолютно не узнать. Куда только деваются заведённость, желчь, ненависть к ближнему, дальнему? Остаются за порогом избы. Остров – средство надёжное! Сюда даже отголоски ток-шоу не долетают. Интернета нет, телефон не ловит. Все замечания, претензии к миру сжимаются до собственных масштабов, желания становятся прозрачными, бестелесными, духовными, стоит лишь на завтрак, обед, ужин вместо аппетитных яств принимать регулярно... блаженную тишину. Как там у Вознесенского!..

Тишины хочу, тишины...

Нервы, что ли, обожжены?

Тишины...

чтобы тень от сосны,

щекоча нас, перемещалась,

холодящая словно шалость,

вдоль спины, до мизинца ступни,

тишины...

О!!!

Гуси!.. Целая стая!!! С шумом крыльев, плеском, гоготом – прям курсанты мореходки – опустились в заливчик рядом с избой – из окна хорошо видно. До ближнего гусака метров тридцать, не больше: подплыл к берегу, по-матросски вразвалочку вышел на песчаный мысок – голова настороженно застыла, прислушался, успокоился и, приняв боцманскую осанку старослужащего, хлётко зааплодировал себе крыльями. Гуменник. Красавец... (А топилась бы печь, стая за версту б облетела.) Я неосторожно ослабил затёкшую ногу, доска подо мной предательски скрипнула – идиллия была нарушена: гусь встrepенулся, прижался к земле и, неуклюже разбежавшись по берегу, взлетел досадно матерясь. Сторожевой его клич утонул в пререканиях, гомоне и шуме крыльев.

Таиться в избе не имело смысла, я выбежал...

Тяжёлые гуси подались следом за вожаком, разделяя его досаду и с укором оглядываясь на меня...

А я...

Так хотелось тоже оторваться от земли и лететь, лететь, лететь вместе с ними... Ничего, скоро и я смогу...

24 мая

Не родилось ни одной строки, хотя за плечами две ночи.

В этот раз я как чувствовал: с творчеством будет сложнее и придётся увеличить срок пребывания на острове до десяти суток! Это тоже затруднило поиски провожатого. Из местных никто не соглашался брать деньги «в оба конца», лишь осыпали язвительными усмешками, обращаясь ко мне в третьем лице: «На такой жаре труп разбухнет, кто станет его ворочать, вывезить?..» Мне пришлось оставлять расписку, даты приезда-отъезда обозначать цифрами и прописью – алиби-отмазка для следователя прокуратуры: мол, решение погибшим принималось самостоятельно, осмысленно, не в состоянии аффекта, не под влиянием наркотических или там психотропных веществ... Объяснять мужикам истинную причину поездки бесполезно:

Ибо иго Мое благо,
и бремя Мое легко.

От Матфея, 11, 30.

Да, всё просто!..

Отправляться на остров – не значит подвергать жизнь риску бесцельно, искушать Господа... Наоборот, прочищу канал, заваленный рухлядью, восстановлю духовную связь с Ним. Я не искушаю Создателя – доверяю Ему. Доверяю больше, чем себе.

К тому ж предпочитаю идти путём своим – «the road not taken» («непроторенной тропой») и понимаю: наступило привыкание организма к прежним лишениям, неудобствам, а для творческого поиска надобен стресс! Основательный вздрог, «пограничная» ситуация! Как там, в российской рекламе: «Шок – это по-нашему!» Струны души ослабли, нестройно дребезжат, не выдерживают ритмичный бой – нужно рисковать. Познать скрытое художник может, лишь тет-а-тет пообщавшись с бездной и, не исключено... уплатить за знание жизнью. Великий Ницше учил: только «опасно» проживаемая жизнь считается жизнью.

Внутренний змей-искуситель присоединился к хору скептиков и гнусавил:

– Человеческий век недолог, как рында-булинь – тросик судового колокола. Одно твоё слово, и – карбас повернёт назад, в село, к мирянам. У хозяйки на плите наваристый борщ, яичница шкварчит на сале, сладкий горячий чай... Ну!

– Нет.

– А, ежели твоя поездка только туда... – в один конец?

– Возможно, но ожидаемый результат стоит того.

Когда все «да», подобно кусочкам мозаики, твёрдо встали на свои места, в поддержку родились строки:

Свет постоянно! Зачем?

Свет постоянно... Вопрос.

Свет круглые сутки – взашей!

Свет круглые сутки – допрос.

Око палящее – выжженная земля!

Око палящее – марево, суховей.

Солнце в зените – вымершие поля.
Солнце в зените – сдох соловей...

Ночь – россыпь алмазов!..
Ночью растут мечты...
Ночь – время для сказок.
Ночью дышат цветы.

Солнце и тьма – испокон.
Музыка слов – гармония!
День ясный и ночь – закон...
Инь-янь половинки – симфония!

...

– Пусть всегда будет свет?
– Нет.
– Мир пусть будет всегда?
– Да!
– К поворотам судьбы готов?..
– Яволь!
– Вечной пусть будет жизнь!
– ...Уволь.

А что касается опасности...

Белое море требует к себе отношения уважительного и панибратства, пижонства не прощает. В прошлом году турист пытался с острова перейти на материк по кечкаре, дойти не успел – прилив настиг его...

У-уу... Рукав душегрейки-то у меня на локте совсем истрепался – срочно чинить! Достал ремонтный набор: иголки, нитки, несколько лоскутков фланели для заплат, неспешно принялся за рукоделие. Фуфайку бы давно пора заменить, однако нынче таких не шьют. Может, кто помнит: пограничная ватная поддёвка под бушлат, с цигейковым воротником, плотно облегающим шею, с крючком у ворота и хлястиком на пуговице – никакой ветер шею не продует; запястья окольцованы трикотажными манжетами. А сколь тёплая, мягкая, душевная... – на футболку одеваешь, и в нетопленной избе такая благодать...

Так, на чём я остановился?

«Причины-следствия непопулярного решения».
Сейчас...

Левая рука – внутри рукава, помогает, поддерживает, в правой – игла. И стежок за стежком, стежок за стежком, следом за мыслью...

Зуд приключений начинается обычно со скуки. Тягучая скука-скучища – главная причина вязко-однообразной депрессии... Туманвата – в ней начинаешь задыхаться, как в серой летучей пыли. Сперва дёргаешься туда-сюда – пытаешься найти выход из патовой ситуации. Явственно слышу упрёк мамы: «Всё от безделья!» Пожалуй... Мамочка носила по жизни клеймо «дочь врага народа», была сослана в Сибирь и беды, тягловой работы, хлебнула вдоволь... (Деда записали, вместе с половиной жителей карельской деревни Куккозеро в финские шпионы, маму – в пособники: ей в ту пору минуло ровно три года). Она, родимая, скуки не изведала – надзиратели позаботились.

Однако я своей скуке благодарен:

Боль к эйфории летит через скуку,
И маятником – назад.
Без передышки не выдержать муку –
Счастья-беды перепад.

...

Скука – начало координат и ноль.
Скука – космоса карамболь...
Скука – вынужденный простой «на шару!»
Скука – жди своего шара...

Скука – горячки, сует забвение.
Скука – зреет решение...
Скука – принимай все сигналы. Пойми:
Скука – роздых перед «гони!»

Скука – не по-карману чЕрни.
Скука – её не черни!
Скука – сомненья, строгая схи́ма.
Скука – неоценима-аа.

Бой созерцателям и прожигателям жизни, бой тунеядцам-бездельникам! Да здравствует физический труд! труд, пусть каторжный, пусть с кайлом на урановых рудниках, как у моего деда Андрея, или на лесозаготовках, как у бабы Шуры – до посинения, до голодных обмороков, до смерти! Кто знает, может в этом и есть счастье? (Лекарство от скуки – точно!) Во всяком случае Иосиф Бродский о своей ссылке в Норенскую, об исправительно-трудовых работах, к которым приговорён был решением народного суда за тунеядство, вспоминает с восторгом: «Один из лучших периодов в моей жизни. Бывали и не хуже, но лучше – пожалуй, не было» [3]. А вот истинный сиделец Варлам Шаламов (17 лет лагерей) – мой любимый поэт-прозаик – не согласен: «Физический труд – проклятие человечества, и ничего не вижу привлекательного в усталости от физической работы. Эта усталость мешает думать, мешает жить, отбрасывает в ненужное прожитый день. Поэтизация физического труда ... рассчитана не на людей, которые обречены им заниматься». Томас Гоббс называл досуг «отцом философии».

Меж тем русская литература слагает хвалебные оды не просто стреноженным условиям жизни, даже не подневольному труду, но – Его величеству концлагерю, как стимулу для вдохновения пиита...

Александр Солженицын признаётся: «Лагерь направил меня наилучшим образом к моей главной теме. Благословение тебе, тюрьма! Кто не сидел, тот не познал до конца жизнь! Я душу там взрастил». И опять ему возражает Шаламов, прочитавший повесть «Один день Ивана Денисовича» [4]: «Растлевающая сила лагерей велика и многообразна. Опыт лагерной жизни – весь отрицательный. Даже день, даже час не надо там быть. Я видел много такого, чего человек не должен, не имеет права видеть. Душевные травмы – непоправимы. Душевные «обморожения» – необратимы. Остатки мяса на костях колымских «фитилей» – лишь для злости или безразличия, равнодушия». И, словно восстав из преисподней, вспоминает, поучая наивняка: «Беглец, которого поймали в тайге и застрелили, «оперативники» отрубили ему обе кисти, чтобы не возить труп за несколько верст, а пальцы ведь надо печатать. А беглец поднялся и допелся к утру к нашей избушке. Потом его застрелили окончательно. / Рассказывает плотник, работавший в женском лагере: «За хлеб, конечно. Там, В.Т., было правило – пока я имею удовольствие – она должна «пайку» проглотить, съесть. Чего не доест – отбираю обратно. Я, В.Т., с утра пайку кину в снег, заморожу, суну в пазуху и иду. Не может угрызть – так на трех хватает одной «пайки». / Свитер шерстяной, домашний чай-то лежит на лавке и шевелится – так много в нем вшей. / Состояние истощения, когда несколько раз задень человек возвращается в жизнь и уходит в смерть. / Все это – случайные картинки. Главное не в них, а в растлении ума и сердца, когда огромному большинству выясняется день ото дня все четче, что можно, оказывается, жить без мяса, без сахару, без одежды, без обуви, а также без чести, без совести, без любви, без долга. Все обнажается, и это последнее обнажение страшно».

Подытоживая, Варлам Тихонович бросил неубиенную фразу: «Мы знаем сталинское время – лагеря уничтожения небывалого сверхгитлеровского размаха,

Освенцим без печей, где погибли миллионы людей. Человеческий мозг не в силах вообразить тех преступлений, которые совершались».

Прям, как в русской поговорке: «Будет досуг, когда вон понесут». Три гения (из них двое – нобелевские лауреаты!) по одному вопросу имеют два взаимоисключающих, одно – нейтральное суждение. А нам – «живите, как хотите!» Однако мой случай особый. Хвалят великие писатели опыт заточения либо проклинают – ВЫБОРА у них не было. Моё же затворничество продиктовано решением личным. Отличие кардинальное!.. И ещё один важный момент: «мотив». Мне довелось общаться с организаторами российской робинзонады, так они признавались: «Никто из участников не выразил желания повторно отправиться на необитаемый остров, заново пройти испытание голодовкой!» А у меня вояж... тре-еет-ий по счёту. Причина проста: я отправляюсь на остров не состязаться в выносливости с сеньором Робинзоном, ни тем паче худеть, а... думать. Для активизации мыслительного процесса, для размышлений, остров-голодай – самая что ни на есть тепличная среда. Причём духовные цели не оставляют места чувству обманутости.

Обычно возвращаюсь после такого голодания присмиривший, задумчивый... Количество дерьма на килограмм веса заметно снижается, физические страдания, самоистязание приводят волну в чувство. Помните у сектантов: «Себя хлещу – Христа ищущу!» Даже если бы у моего проекта не было творческой составляющей, то освободиться от врождённой тяги к вандализму-садизму разве мало? «Энергию атома – в мирных целях!» Это ж здорово!.. Не скрою: мой способ обуздания своих разрушительных стихий имеет недостатки: хлопотно, накладно. Он для тех, у кого ничем и никем неограниченное свободное время. А существуют варианты вполне бюджетные: «шило в *gluteus maximus* быстро и надёжно избавит вас на время от всего наносного, неглавного; поможет встряхнуть, выправить мозги». Дёшево и сердито. Советую настоятельно!

Аналоги своей методы я обнаружил и в жизни, и в научных статьях. Жизнь – тут наглядней: Васе, соседу, по пьянке разбили бутылкой голову; не поверите, сразу с законной женой стал общаться нежно, ласково «Валюша!..» В ответ дражайшая супруга окружила Васю заботой, меняла на голове холодные компрессы. Сама не нарадуется: «Господи, всего один раз по башке ...бнули хорошенько, и сразу на человека стал похож!..» Что касается монографий, есть замечательная книга Конрада Лоренца «Агрессия (так называемое

«зло»)). Знаю, у читателя руки не дойдут, потому вкратце перескажу суть: агрессия накапливается в каждом человеке и, не находя выхода, спонтанно обрушивается на «врага» – члена семьи, коллегу, соседа по дому, по стране. Автор предлагает способ, испытанный на себе: он советует, коли руки чешутся нестерпимо, подменить врага на эрзац-объект, дать агрессии выход, добившись катарсиса искусственной разрядкой, «малой кровью», например, вдребезги разбить недорогую тарелку. Наглого скорпиона в собственной душе лучше обуздать самому – не ждать, пока Господь отрядит для этого внешние силы. Вспомнились свои строки... (пока не пишется, духовно подпитываюсь старыми запасами):

Взять бы первую высоту –
 Дальше пойдёт само!
 Пойдёт, коль соседи не тормознут
 И не применят «сумо»...

Фуфаечку подлатал... Всё – чин-чинарём! Теперь ещё послужит. А серая фланелевая заплатка на фоне хлопчато-бумажной ткани защитного цвета, помимо прочего, будет служить приятной весточкой-напоминанием: при каких душевных обстоятельствах приостекало дело.

25 мая

Шли четвёртые сутки...

Скажу по опыту: исход третьей ночи – самое трудное время голодовки. (Вам, дорогой читатель, предлагаю на этом месте сделать рекламную паузу и перекусить. Заметил: обычно сама мысль о суровой диете, недоедании, действуют на людей как апперитивчик...) Внутренний голос предпринимает вторую – решительную попытку образумить:

- Хватит с жиру беситься! суши вёсла!
- Нетушки, с дистанции не сойду.
- Погляди-ка на него...

С одной стороны, вроде бы внутренний голос прав: трое суток я выдержал, впечатление получил, но как же с творчеством?! Да и поститься, говорят, полезно... Давно замечено: ограничение количества калорий благотворно сказывается на состоянии организма в целом – уходят шлаки, токсины, избыточный вес, повышается мозговая активность. Человек становится более собранным, чуть менее ленивым, запоминает, понимает лучше, взгляд становится ясным. «Кстати, йоги считают голод одним из самых действенных лекарств, и предрекают, что мир в будущем будет лечить половину заболеваний не сульфидином, а недельной голодовкой» [5].

Перед отъездом перечитал первые части предполагаемой трилогии – «Пёрышки», «Вешки». Тексты абсолютно разные, как разным бываю я. Не в каждом абзаце можно уловить связь со стихотворчеством, но всё же косвенно она существует. Пути Господни неисповедимы! События ведь не всегда развиваются прямолинейно, по сценарию «Пуля – дура! Штык – молодец!» Иначе на Белом море писалось бы исключительно про «семь футов под килем», ром да «бом-кливер-галс». Сейчас зарождается заключительная, третья глава. А всё произведение, на мой взгляд, объединяет главный лирический герой – Остров. Трилогию так и назову. В тексте, больше похожем на судовой журнал, я честно фиксировал и продолжаю вести стенограмму событий. Изучив её, можно проследить, как докатился до рифмы, ритма – так врачи, разрабатывая вакцину, испытывая действие зелья на себе, скрупулёзно описывают ход болезни... вплоть до смерти. Иосиф Бродский заявлял, что он «ненавидит прозу», писание прозы – «проституция» [6]. Ради справедливости замечу: взгляд свысока на первую древнейшую профессию не мешает пользоваться её услугами... А в целом с нобелевским лауреатом согласен: рифмованные строфы я тоже ценю несоизмеримо выше, и потому мельчайшие подробности их появления для меня дороги.

Возвращаясь к «Пёрышкам», «Вешкам»...

Когда пух у птенцов, обновляясь с ростом, превратится в многослойный перьевой покров; когда перья контурные – маховые, рулевые – нальются силой и крылья получат вселенский размах, когда маршрут, наконец, спланирован, путеводные ориентиры определены, остаётся самое желанное – взлетать!

Мечта «взлететь!» одолевает не только птиц.

Каждый художник лишь об этом грезит...

Взлёт не всегда выглядит завораживающе, как, например, у грациозных журавлей: с курлыканьем, с изящными па, словно в пантомиме. Мальчишки – неутомимые конструкторы, фантазёры – взлетают иногда так:

Есть такой порошок, с ним летать хорошо,
Называется порох» [7].

И сам полёт складывается не всегда однозначно, иногда – как в поморской поговорке: «Если чайка летит жопой вперед, значит ветер очень сильный». Иными словами, гарантий нет и быть не может...

Что же тогда есть?!

Есть риск за гранью здравого смысла. Есть жгучая светлая мечта, перерастающая в навязчивую потребность. И есть мудрые учителя-наставники. Честно признаться, я ведь на острове не один... Со мной любимые поэты, прозаики, философы, учёные-математики... Мне нет-нет, да и вспомнятся строфы Шаламова, Горбовского; я занозисто заспорю с Перельманом, Бродским, Сенекой; войду в раж, восхищаясь гениальными стихами Пастернака, Цветаевой, Рождественского, Вознесенского... Я – homo legem, человек читающий. И главное – я только здесь явственно ощущаю присутствие Создателя. Он, именно Он – главный молчаливый режиссёр всего действия.

Прошло целых два года, прежде чем я смог снова попасть на остров в Белом море: остров – главный лирический герой трилогии; остров, который теперь на полном основании считаю своим; остров, который, точно спасительный маяк, вёл меня, новоявленного Одиссея, от дома – домой:

Душенька – гостя у чрева,
Мало ей зрелищ и хлеба –
Словно корнями вверх древо,
Живёт, лишь вращая в небо...

...

«С каждым шагом всё дальше от Бога!» –
 Знаменно в юности я мечтал,
 Уходя от родного порога,
 Верстовые столбы не считал.

Горько бывало. Бывало больно.
 Советы все помня папины –
 Мне в трудностях становилось вольно.
 Я шёл и шёл – ни царапины!

Может, не прав! Наверно, от лени...
 Шёл я, решив не сворачивать.
 Вдруг уткнулся к Нему в колени...
 «Дома...» – изрёк озадачено.

26 мая

Четвёртые сутки – за спиной! В голове – лёгкое вальсирование, в теле – слабость, в душе – покой.

В «покойном» состоянии я и пустился в обход своих владений... Каждый день – этот торжественный церемониал не отменяется ни при какой погоде – я, как губернатор острова... (так и слышится оспаповский сарказм «острова Борнео»), поднимаюсь на вершину горы и наблюдаю отсюда, сверху, за миром.

Теперь, поднимаясь, нужно быть предельно осторожным. Ломать себе конечности – не время, не место. Дождавшись отлива, в галошах неспешно обогнул остров по кечкаре с юга и стал подниматься на вершину скалистого мыса. Взял чуть левее, краем обрыва и, засмотревшись вдаль, едва не наступил на гнездо чайки. На каменистом пятачке, поросшем мхом, ничем не прикрытые – на самом виду – лежали два яйца, выкрашенные в модную – цвета «милитари» – камуфляжную расцветку: зелёные, усыпанные чёрными бесформенными пятнышками. В метре пройдёшь – не заметишь. Лишь сейчас обратил внимание на чайку, пикирующую в панике в небо, высоко над головой.

– Извиняюсь, извиняюсь... Больше такого не повторится, – я попятился и обошёл гнездо далеко стороной.

А вот и моё кресло. Ещё в самый первый приезд на остров обнаружил трон вырубленный в граните. Мерку, похоже, снимали с меня: пятьдесят восьмой размер. Сижу лицом к югу, там сейчас

солнце. Сижу, расслабив вытянутые ноги, жмурюсь, купаюсь в нежных лучах космической жар-птицы...

Ресницы слегка зашторены.

Глаза – прижмурены...

Солнце чрез веки... что-то едва-оранжевое... Лёгкий бриз ластится... свежит лицо. Мысли утекают... Убаюкивающие колыбельные чаек. Приятная сонливость...

Извините, дальше не помню.

27 мая

Сегодня – День Святой троицы.

Прилежные православные «ходят» в этот день на службу в церковь, наемдни посещают кладбище, поминуют родителей. По утверждённому канонам я не попадаю в число «прилежных» – нужды вспоминать родителей не имею, поскольку ПОМНЮ О НИХ ВСЕГДА – не раз в году на праздник. Общаюсь мысленно, спрашиваю совета, отчитываюсь о своих успехах-неудачах – ежедневно. Об успехах, признаюсь, сообщать приятнее:

– Мама, бать, пять суток покорены.

«Покорены». Я усмехнулся... как у альпинистов. Хотя, пожалуй, так и есть: каждые сутки здесь – экстрим, одоление себя.

Ночью резко похолодало: прибрежный мыс забит льдинами, на окнах иней, изо рта при дыхании – пар... Я давно проснулся и коротал часы до рассвета под вой ветра, зябко укрывшись с головой. Вылезать из спальника не хотелось, но вставать пора – день зовёт... Сегодня печь протоплю, как следует, в холоде особо не помечтаешь. Вспомнилось откровение Шаламова: «Работаю только летом, зимой холод сжимает мозг». У меня, похоже, «мозг сжимает» при любой температуре. Прошло пять с суток, и – тишина. Ни строчки! Стылая вода обожгла лицо, сгоняя остатки сна. Кушать хотелось нестерпимо... В тепле голод переносить легче, не требуется калорий на согревание организма, сейчас положенные «тридцать шесть и шесть» по Цельсию нужно было ещё чем-то обеспечить. Человек существо теплокровное, не земноводное всякое. Это лягушка на зиму вмерзает в лёд – до весны в анабиозе дрыхнет себе, похрапывает, хоть

бы хны. А если её постепенно нагревать в холодной воде, то даже не заметит, как сварится. Нет, у нас по-другому...

Уже хочу не есть – жрать...
«Телефона, телефона! Чукча кушать хочет».

Пока растапливал печь, пока языки пламени заползли на поленья, перебираясь с одной лучины на другую, я нет-нет, да и бросал взгляд на полку с продуктами. Внутренний голос взмолился:

– Ну хоть чайку горяченького?.. А?
«Может, действительно?» – промелькнула мысль.
– Бать, ты как думаешь?

Хотя наставления отца мне по жизни известны: «Держи голову в холоде, живот – в голоде, ноги – в тепле». «Живот в голоде»... Откуда ему было знать, что сын решится голодать неделю...

– Мам?
– Ешь на здоровье, поминай нас.

Довольно! Голодовку заканчиваю. Баста!..

Правду знаешь только ты, дорогой мой Читатель, а друзьям, родственникам доложу: «Стойко терпел, страдал десять суток: от звонка до звонка». Друзьям... им можно напелести чего угодно: один хрен, не поверят, что я способен пропустить хотя бы ужин...

Кастрюльки нет, в глубокую эмалированную сковородку плеснул воды, снял с плиты кружок, поставил на огонь. Уселся напротив, глаз не свожу, не мигаю, поскуливаю, сучу ногами... Вода закипела. Туда – бульонный кубик и три бульки подсолнечного масла (записывайте!), минут пять кипятил. Ложек нет, кружек-стаканов тоже. Как столоваться? Из мусорной ямы выкопал консервную банку – круглая такая, плоская, вскрыта на цивилизованный манер, колечком-ключиком, не то что в советские времена: если консервного ножа под рукой не случилось, то – топором или камнем, а потом куски варёного мяса, желе слизываете с кустов, собираете по траве. Кромка-ободок на банке – помеха! Ни зачерпнуть в плоской сковороде, ни к губам толком приложить... Плоскогубцами – имеется в комплекте перочинного ножа фирмы «LEATHERMAN» – ободок оторвал. Теперь гладко! Вот вам и ложка, и кружка, и миска – в одном. (Лихерман этот, судя по всему – мой земляк! Уж больно хороший нож...)

Где там варево-оо?..
Ну, за родителей!.. Слава тебе, Господи!

Уау!..

Я мысленно провожал каждый глоток горячего бульона по маршруту «рот-гортань-пищевод-желудок». Ребята!.. Вот где счастье-то... Песня! Блажен-ство-оо! Высшая стадия. Ни разу в жизни так смачно, лакомо не трапезничал. Ни в одном ресторане такого изыска ни за какие деньги не подадут. Мамочка, не избалованная излишествами, считала: «Сколь раз поел, столь в раю побывал». В ссылке в Восточной Сибири побывать в раю ей удавалось не каждый день... А помните, о чём мечтал надзиратель Фидель из повести Сергея Довлатова «Зона»: «Наступит дембель, приеду я в родное Запорожье. Зайду в нормальный человеческий сортир. Постелю у ног газету с кроссвордом. Открою полбанки. И закайфую, как эмирский бухар...» Оказывается, не так уж много нужно человеку для счастья – лишить на какое-то время привычных удобств да поморить как следует голодом – всего и делов. Рекомендую – фирменный советский рецепт.

После бульона ополоснул сковороду, в ней же вскипятил чай.

Горячий приторно-сладкий чаёк...

Куда и слабость делась... Опять организм бодрячком!

Ф-ффу...

На-рю-хал-ся.

Питание попало в топку и... – пошёл, покати́л прилив сил...

Мысли, идеи, под стон морянки – напором!..

Стоп!

Стоп... блокнот! ручку!

Белые барашки,
Белые барашки!
Катятся по морю
Волны и ледяшки.

В реальности картинка на море разворачивалась не столь идеалистичная, далеко не лубочная, но какая разница? Творчество без фантазии – мертвечина! К тому же, когда пишутся детские тексты, я сам радуюсь, как ребёнок!.. Значит, не окончательно огрубело сердце,

способно ещё на положительные эмоции и наивный взгляд. Прямо на глазах, под пиратский свист ветра, под плеск задиристых солёных волн рождалась задорная детская песенка про капитанов:

Белые барашки,
Белые барашки!
Катятся по морю
Волны и ледяшки.

Все мы – капитаны!
Все в душе матросы.
Не страшны шторма нам,
Снежные торосы.

...

Белые барашки,
Белые барашки!
Катятся по морю
Волны и ледяшки.

Чайки – наши юнги,
Альбатрос – дозорный!
Мы поднимем парус
Вышитый, узорный.

Слава тебе, Господи! Вот, спасибо!

Это – черновой, первый вариант, понятно, его ещё править и править, и всё же здорово-то как! Выходит, на сытый желудок-таки лучше пишется?! прям готовыми песнями, с куплетами и припевами... а ехал-то дожидаться вдохновения и голодать. Чё-то тут не так. В этот раз всё напутано...

Не терпит творчество шаблонов!

Тепло постепенно заполняло пространство избы и я, прямо в одежде, прилёг поверх спальника, переваривая впечатления, эмоции, мысли... Незаметно для себя заснул. Проснулся от дребезжания: пустую канистру у входной двери ветер опрокинул, покатил по камням... Смеркалось. Я укутался теплее прежнего и отправился в обход вотчины. Отворил дверь, вышел на улицу: моря не узнать –

разгулялось, расвирепело. Пока медитировал на вершине скалы, северный ветер раскалился, распоясая окончательно. Застегнув меховой ворот фуфайки дополнительным хлястиком я стал спускаться, обходя остров по кругу. Ветер на миг то ослабевал, будто море набирало воздух в лёгкие, то со свистом, гулом усиливался, ошутимо упираясь мне в грудь и останавливая невежливым порывом. Ледяные глыбы вылетали из солёной пучины, с грохотом обрушиваясь на скалы, а следом по морю шли и шли на штурм острова новые льдины, большие и малые... Их тьмы и тьмы... Морская пена сбивалась в комья, спрятавшись за валунами от свирепого ветра, и дрожала от холода, страха... Ошмётки её хлопьями летали над островом, дополняя сюрреалистичную картину ужаса в формате 5D.

Луна в полный диск висела над морем, тускло подсвечивая золотым блеском штормовой шабаш.

Сила!

Дух захватывает от дикого восторга.

Я окончательно продрог и вернулся в избушку.

Входную дверь за собой плотно притворил, едва приглушив морской рёв. Ураган свирепствовал вовсю. Треск деревьев, хрипящий шелест прошлогодней травы, скрежет льдин заворачивали меня. Тем временем смеркалось... (В непогодь с чёрными тучами темнеет быстрее.) Я сел за стол, зажёл стеариновую свечу, открыл блокнот, перекрестился на иконку Николая чудотворца и... почувствовал... как несмело... то останавливаясь, то ускоряя движение поодиночке и парочкой стали проклёвываться слова...

Ветер крепчает и стонет морянка,
В раме стекло дребезжит.

Что-то прорывается...

Волны лютуют – воля-гулянка...
Пена за камнем дрожит.

Ну! Ну....

Море всех «на разрыв» проверяет,
Как парус и такелаж.
И штурвал лишь тому доверяет
Кто входит от моря в раж!

А дома, где лишь его не хватает,
Здесь на родном берегу...
Творя молитву, любимая знает:
«Милый, тебя сберегу!»

...

Тут ничего в полсилы
На Белом студёном море.
Кому свой уют милый,
Тому – не радость, а горе.

Лоно моей сказочной избы животворит.
Значит, жив пока и я!

Поймите, ни сейчас, ни раньше не оценивал собственные строки с точки зрения художественной исключительности, эпохальности, весомости для всего человечества... *Sub specie aeternitatis* (лат.) – с точки зрения вечности. Я просто рад щедрому подарку от Бога. В творчестве, как и в любви (если кому повезло испытать это дивное чувство): сам процесс вызывает такую эйфорию, восхищает, манит настолько, что о результате порой забываешь. Свои литературные произведения – прозаические ли, ритмические люблю безотчётно, как собственных детей, никогда не откажусь от них, не брошу. Однако грязно домогаться аплодисментов в их честь, насильничать публику, заниматься сводничеством-сутенёрством – не готов. Нужно иметь гордость. К тому же столь сомнительная активность не поможет признанию моих крошек светом. Мои строки – не такие, как все... Они ждут свою любовь с непорочной невинностью раскинув ноги.

28 мая

Под утро шторм стих. А я-то думал, раз морянка – пиши пропало, неделю лютовать будет. Встану-ка пораньше и встречу восход солнца на скале...

Великий Боже, сколь хорошо здесь!

Как одушевлён чудный остров. Диву даёшься... Наше взаимное чувство привязанности – доверительное, очень искреннее – прошло испытание временем, не выцвело. Природа... лес, море – как всё странно сливается и создаёт зеленое волнение. Высота – крыша девятиэтажки. На флоте есть такое понятие – «дальность видимости», значение вычисляется формулой:

$$D_{п}=2,08(\sqrt{e}+\sqrt{h}).$$

В формуле «e» – высота глаз наблюдателя, «h» – высота наблюдаемого предмета. Так вот, с вершины острова я вижу куда как дальше, зорче. А кроме того, для воображения преград нет. Можно парить наравне с чайками, даже выше – законы гравитации на творческую фантазию не действуют. Кстати, об ограничениях... Недавно меня огорчило сообщение учёных – математики на основе теоремы Пуанкаре рассчитали: наша Вселенная... наша бесконечная Вселенная, в реальности представляет собой замкнутую трёхмерную сферу. В пику им, пользуясь методами познания метафизическими, мистическими, лингвистическими, скорее имеющими отношение к вере, чем к физике, именно на острове открыл я СВОЁ НОВОЕ СЛОВО.

Слово, дерзнувшее преодолеть земное притяжение.

Слово, способное на взлёт.

Бесконечности вместо – сфера,
Трёхмерностью ограничена.
Математика – вместо веры...
И к Земле жёстко воля привинчена.

Блестящие грани сдвигаются,
Кубик Рубика – створки адские.

Судьбы-векторы в нас бодаются
Европейские... азиатские.

Вправо-лево замыслы ринулись,
Кувыркнулись фигуры помпезные,
Будто ножниц лезвием цвыркнули
По мечтам, превратив в обрезные.

Бесконечности вместо – сфера,
Трёхмерностью ограничена.
Математика – вместо веры...
И к Земле жёстко воля привинчена.

Душа задыхается в рамках!..

...

Но безмерно Богоявление,
Человецы суть недопознана.
Свидетельством – сердца биение,
Аналитикою осознанное.

А жизнь не имеет конечности –
Из кокона бабочка вылетит.
Человек – ровесник у вечности,
Если только он в Бога верит.

Вернулся в избушку в каком-то состоянии восторженного блаженства, потянулся на спальном ложе и закемарил... Пробудился от топота на пороге. Глаза продираю – сват.

– Саня, собирайся. Сегодня еду на машине в город, хочешь – поехали вместе. Если нет – оставайся, но приедут за тобой осенью, не раньше, когда охота начнётся.

Я сел на полатях, окидывая рассеянным взглядом избу:

– Нет, до осени мне не дотянуть...

Потянул к себе сапог – тяжёлый... Руку внутрь – пакля, сухая трава... Так вот почему у мышей каждую ночь беготня – гнездо в моём сапоге устроили:

– Соседи, без спросу разве можно... А! Некрасиво получается, как-то по-людски...

Я стал собираться, укладывая пожитки, осмысливая итоги поездки. Остров творчества, вдохновения... ОСТРОВ ОТКРОВЕНИЯ

научил – открыл столь многое в моей собственной жизни, что едва я смог всё понять, принять и, пропустив через поэтическую мясорубку собственной души, превратить в слово. Слово, которому по силам раздвинуть привычные границы. Слово, способное преодолеть их. Остров вселил веру в свои силы, помог осознать, что не только я нуждаюсь в поддержке, но и слова мои, написанные от души, от сердца способны, возможно, кого-то ободрить:

Ты до конца слагай свои руны.
Музыка греет, нежно дыша...
Пальцы черствеют, ложась на струны,
Но ранимой должна быть душа.

Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём.
Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.

Свет в этой жизни открой!

...

И продолжая игру до конца,
Как ни в чём ни бывало – пой!
Чтоб загорелся светляк в оконце
И ёкнуло сердце – «свой».

Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём.
Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.

Свет в этой жизни открой!

..

Пусть будут тебя хулить и терзать,
А всё ж подпевай скворцу.
И сам продолжай молитвой звать...
Взывай!.. Всё зывай к Творцу!

Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём,

Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.

Свет в этой жизни открой!

...

Пусть с небес – железо и пламя...
Стой за истину в тебе
И подними с Его ликом знамя –
Собой подбодри небо.

Мир рушится день за днём –
Найди своё место в нём.
Молитву твори не за упокой –
Свет в этой жизни открой.

Свет в этой жизни открой!

Теперь – домой, по свежим следам, не растеряв ни крупички впечатлений, парадоксальных догадок, находок изложить всё письменно, переведа незримое в формат кириллицы. Я прощался с островом, будто навсегда... было грустно. Всё когда-то случается в последний раз.

Однако,

«Если только жив я буду,
Чудный остров навешу».

*

г. Москва, июнь 2018 года

Примечания:

[1] В. Брюсов «Отступи, как отлив, всё дневное, пустое волнение».

[2] Ещё в 1863 Козьма Прутков разработал и опубликовал Проект: «О введении единомыслия в России». Из этого документа удалось внедрить в жизнь многое, но не всё... А может следует поступить и того радикальней и, как предлагали братья Стругацкие, пороть за «невосторженный образ мыслей»;

[3] Лев Лосев «Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии»;

[4] Письмо: В.Т. Шаламов – А.И. Солженицыну; ноябрь 1962;

[5] Фильм «Семнадцать мгновений весны»;

[6] Бенгт Янгфельдт «Язык есть бог. Заметки об Иосифе Бродском»;

[7] Егоров Вадим «Монолог сына, или детская воздухоплавательная»;

Часть II

композитору Артёму Хиля

«...Человек, сидевший за столом, писал или, вернее, исправлял строчки
неравной длины, отсчитывая слоги по пальцам. Он понял, что перед ним поэт.

Минуту спустя поэт закрыл свою рукопись, на обложке которой было
написано «Мирам, трагедия в пяти актах», и поднял голову. Д'Артаньян узнал
кардинала».

Александр Дюма «Три мушкетера»

К читателю

Итак, я приступаю к созданию второй части поэзатворений. Шутка в деле...

Самому не верится: по моим ритмическим текстам уже написано более ста песен. Более ста!..

В слова вдохнули жизнь.

Признаться, я сам несколько удивлён...

Давно закончился международный литературный конкурс «Купель» по моим произведениям, однако песни по моим стихам всё присылают и присылают... Одних только новых песен «Карелия» семь. Семь!!! Вдумайтесь... Из Красноярска, из Нижнего Новгорода, из Москвы, из Рязани, из Карелии... – как без неё родимой. Как отголоски прежней симфонии жизни. Словно война закончилась, а партизанам никто не сказал, и они, не зная об этом, мосты взрывают и взрывают, взрывают и взрывают... Годами. Не в силах остановиться.

Все песни мне дороги, как дети, хотя объективную оценку можете выставить лишь вы, дорогие читатели-слушатели. И согласитесь: отказывать в праве бесталанным неумехам, людям «глухим» с рождения в занятии поэзией, нарекая графоманами, в увлечении музыкой – некрасиво. Сколько человечество выдумало более постыдных действий, нежели искусство и творчество... К тому же не нужно забывать про развитие интеллектуальное, духовное. Нельзя холить свой примитивизм и навязывать его другим до рвоты. Эйнштейн чудовищно играл на скрипке, но не мог не играть, оправдываясь перед «чайниками»: «Я музыкой думаю!»

Пока написан лишь один раздел: «Песок фантазии» (новые тексты для песен размещаю, по старинке, в части I). Прежде я наивно полагал, что выражение «песок из старика сыплется» отражает лишь преклонный физиологический возраст

мужчины. Увы... Оказывается, у творческих людей тоже наступает пора, когда ПОЧТИ ВСЁ, что суждено, исполнено, крупные литературные формы остались в прошлом – сыплется песок.

Будьте снисходительны, люди!
 Делайте скидку на мой возраст...

В прологе поэтических сборников или в «пердисловии», как величал его Сергей Довлатов, принято в свободной форме излагать концепцию книги, обстоятельства, при которых складывались строки. Например, первая часть появилась исключительно благодаря затворничеству в одинокой избе на Белом море. У второй судьба складывается не столь романтично... Я задумал устроиться-таки на светскую подёнщину поскольку ни Родина-мама, ни дорогая супруга писательство работой не считают (в этом вопросе у них подозрительное единодушие). Решил окунуться в гущу земной жизни: избрать должность, не требующую уникальных знаний, опыта работы и высокой квалификации. Не для того, чтоб сравняться с дворником литинститута Андреем Платоновым. Вовсе нет! Писателю полезно не понаслышке знать жизнь. Да и голод – не тётка. Предлагаемый раздел я не рекомендую читать оптимистам – розовые очки поплывутся...

*

Однако, обо всём по порядку.

Изучил сайт городских вакансий и стал методично обходить организации, благо люди в лицо не знают. (Виндзорская герцогиня Уоллис считала: «Если я должна говорить, кто я, значит, я никто».) Две недели искал... Должность «почтальон», оклад аж пять тыщ! – по десять претендентов на престол. Меня не взяли. Посудомойка на кухне – облом. Идём дальше... Разнорабочий, его обязанности: обмотка вручную теплотрасс минватой на высоте – отметки объектов до «тридцати двух метров» (предупредили сразу «вредно для здоровья»). Но разве это «разнорабочий»? Скорее монтажник-высотник! Побоялся: не справлюсь. Дальше... «Упаковщик». На производстве плит ДСП стоять у печи, готовые неформатные листы выбраковывать, годные стягивать в пакеты лентой. (У приятеля там работает жена, рассказывает: «Бухгалтерия в полном составе уволилась. В конторе душман от вредных смол – не продохнуть!») А тут стоять прямо у топки... Честно скажу: дрогнул. «Ночной сторож» – строго по блату. «Дворник 0,2 ставки в

школе искусств». Ну здесь-то уж точно возьмут. Шнурки выгладил, иду себе на собеседование, волнуясь, подбадриваю сам себя: «Ты ещё крепкий старик, Розенбом!» Как старший лейтенант запаса я понимаю толк в уборке плаца и покраске газонов. Зам. директора по АХЧ инструктирует:

– На руки будете получать три двести, но я люблю, чтоб полный порядок: лёд на ступеньках обколот, дорожки вычищены и подсыпаны песком, – моложавая женщина нервно улыбнулась. – У нас дети! Всё очень строго. Работа днём... Бывает отнести, погрузить. Мужчин – не хватает!

Если кто запамятовал, напомуно: «три тысячи двести руб.» (буханка ржаного хлеба стоит 28 руб.) Зато выполнены майские указы. «А если будем хорошо себя вести – воду в бассейн пустят». Мужчин не хватает... Как будет хватать, ежели их методично отбраковывают репрессиями и междоусобицами, а оставшимся прививают женские нравы? Так, нытьё прекратить! Стал перебирать в голове плюсы: прекрасная замена тренажёрному залу, раз. Причём не ты платишь, а тебе. Экономия затрат плюс к чистому здоровью – чистый доход!

«Есть такое твёрдое правило, – встал поутру, умылся, привел себя в порядок – и сразу же приведи в порядок свою планету». Я стал себя ощущать чуть ли не Маленьким принцем.

Пошёл осматривать территорию...

Большая... Огорожена не везде и видно: потемну стаями выгуливают собак. Смотрю, «во входящих» SMS-ка... кто-то от всей души – раньше даже передача была такая – накакал прямо у забора. (Дело житейское...) Спасибо. И Вам желаю здравствовать! Уважайте труд уборщиц! Ворона на верхушке соседнего дерева скрипуче смеялась надо мной: «Хар-хар-хар». На земле – металлический рубль. Наклонился, поднял – копейка к копейке. Жизнь брезгливо спихнула меня на самое дно, помогая влиться в средний класс россия. Не капризничаю, иду куда Родина пошлёт: на йух, так на йух. Всплыл в памяти спасительный афоризм гения Михаила Жванецкого: «В мусоре копаться не стыдно, стыдно получать от этого удовольствие». А может, всё в наказание? В молодости не всегда кидал бумажки в урну, так хоть за собой убрать. Отдать долг. Да и школа христианского смирения опять же...

Вспомнил тематический анекдот: «Прапорщик приказывает новобранцу: Бери лом и мети плац! / – Я лучше метлой. / – Мне не надо как лучше. Мне надо, чтобы ты зае@ался!» Нет. Какой-то не героический образ рисуется...

Вот другая байка: «Вызывает офицера внешней разведки начальник:

– Предстоит серьёзное задание. Ваша легенда: вы молодой скучающий миллионер, живёте в пригороде Лондона двадцать лет с женой, отдыхаете на курортах, проводите вечера в ресторанах, покупаете яхты, дорогие машины. Через двадцать лет получаете задание.

Офицер успел уже назначение обмыть, как следует, а на утро ему сообщают: «Санкции!.. Денег нет. Финотдел смету не утвердил. Легенда меняется: вы бомжеватый дворник в гетто...»

Ну этот хоть про разведчиков!..

Осмотрел территорию:

– Согласен.

В самом деле, я занимал в стране серьёзные должности, был членом регионального политсовета правящей партии «Единая Россия»... Есть и моя «заслуга», что неведомый, загадочный средний класс в стране имеет такие доходы.

– А у вас медкнижка и справка об отсутствии судимости с собой?

– Оформлю.
 – Извините, мы ждать не можем.
 Не взяли...
 Отчётливо слышу воображаемый голос народа со стороны: «Так вам и надо!»

Где ты, Былое Уважение? Признаться, я почувствовал себя изгоем. По-настоящему понять меня способен лишь Президент.

Однако закончилось у меня всё замечательно, как в русской сказке: нашёл я нормальную организацию с достойными людьми и теперь мету себе территорию – в ус не дую – да сочиняю тексты будущих детских песенок. Не совсем ассенизатор – дворник! Зарплата? Коммерческая тайна. Одно могу сказать: она достойная. Достойная россияня!..

Внук, узнав о моём трудоустройстве, задумался. Глубоко так задумался – не по годам, и глядя на рюкзак, спросил: «Дед, а там у тебя складная метла?»

*

...Ангелы утренней чистоты.
 Из инженеров выходят в дворники –
 кому-то надо страну мести!

Андрей Вознесенский

Да, моя новая Муза – метла.

Слава Богу! Где родился, там и пригодился. Нет нужды в поисках счастливой доли уезжать в заморские края. Да и внукам наглядный пример: будете хорошо учиться, как я, тоже сможете устроиться прилично. Убеждён, Илон Маск, проживай он здесь, подметал бы соседний участок (при счастливом ходе событий...)

И ещё: какое счастье, что есть поэзия!

Согласитесь, рассказать по-простому, в прозе о работе дворника, равно как о нашей нескучной жизни, о перспективах её – приличными словами, оставаясь в рамках правового поля – не-воз-мож-но. Мешает лингвистический барьер. Человек честный, как бы ни ухитрялся, всё одно собьётся со строевого шага и скатится к грязной неструганной матерщине. Однако врождённая деликатность и православные каноны не позволяют мне пасть так низко. Самый резкий задиристый оборот в моём

словарном запасе – «не соблаговолите ли Вы». (Ну, вот!.. произношу и чувствую, как краска стыда залила лицо...)

На ближайшее время мои производственные планы такие: убрать территорию Земли и затем перебираться на другие планеты. (Полечу, оседлав своё помело!) А теперь, предлагаю вашему вниманию новые строки. Подписываясь, отчества не указываю – у дворников отчества нет.

P.S.

На самом деле, всё не так мрачно и безнадежно...

Меня регулярно подкармливает сердобольный дед из соседнего дома: то вынесет горячий пирожок, то конфетку, то краюху хлеба. Я благодарно киваю и не отказываюсь от подаяния. Старик убеждён: я немой батрак с Украины. (Может, таким образом он старается рассчитаться за Крым, а может от природы добрый.) Не разубеждаю: всей правды ему не вынести, а брать грех на душу не хочу. По утрам он ходит за мной по пятам и ворчит:

– Зря вы к нам понаехали. У самих работы нет, зять полгода ищет. Не знаем, что с нами завтра будет...

Врёшь, старик, неправда твоя! Знаем. Мы ещё сложим свою главную песню.

Ваш Александр Костюнин

Песок фантазии

«Хорошо бы называть вещи своими именами,
но кто же опубликует эту нецензурщину?»

Самойленко Александр

ФРИВОЛЬНЫМ ПОЛУГЛАГОЛОМ

Пищевая цепочка

Присказка

Вначале свергли Бога.
Опа, опа, опа-па!

За ним взашей – всех мужиков.
Опа, опа, опа-па!

Вослед мужьям свергают баб.
Опа, опа, опа-па!

Вниз по цепочке пищевой
Казалось, некуда. Ошиблись...

ОНО идёт на смертный бой.
Опа, опа, опа-па!

Во мраке кончен путь земной.
Опа, опа, опа-па!

Червь торжествует земляной.

*

В букварь

Уже сейчас ломаю голову: как рассказать внукам о главных событиях новейшей истории России?

Союзный референдум

Истории правда щербатая,
Щербатые рты и вывески,
Дома, дороги, Союз

Прохрипели надрывно:
– Швободы!

*

СССР

Напиталась власть –
Краснопузый клещ,
Усосался влать
Людской кровушкой.

Поразбухнул впрок,
Стал пунцовее,
Повалился вбок...
Взял и сдох.

*

Не сбылась мечта, твою мать...
Не случилось чудо-явление.
Не успели тогда создать
Счёты пятого поколения.

*

Азербайджан

Кириллицу отменили,
Вместо рублей – «манаты»,
То, что вместе ценили, –
Спеша, собирает манатки...

02.06.2015 год

*

Память о России

Загадочные наши обереги:

Горбыль, обломки кирпича, крапива,
Бурьян, заброшенная нива...
В душе у чужестранца уголок
Займут навязчиво, навечно.
А не берёзки и не хнычущая ива...

*

Грамматика школьная

Во фронт построение,
Дробь барабанная!
И – мундиры, мундиры, мундиры –
Наступление не ради победы.

*

Литерорасизм

Наткнувшись на иной размер,
Мэтр в паранойе так и обмер:
«В поэзии не место «измам»!
Но это ж литерорасизм...

*

Хайку

плохому танцору
дух самурая
в помощь

*

отдавая честь
пальцем крутил у виска
может новый Устав

*

Великая Отечественная

«Прячет история в воду концы.
Спрячут, укроют и тихо ликуют.
Но то, что спрятали в воду отцы,
Дети выуживают и публикуют».

Слуцкий Борис

У нас твердят усердно юным:
«Война разверзлася в июне».
Ввод войск до этого не в счёт –
Визит к соседям в знак почёта.

*

Вовсе не от безделицы
И не ради подобия
Расширяем границы –
Мучит клаустрофобия!

*

На белой скатерти
Блистательной Победы –
Говяшка Пакта.

*

Всё честно рассказать?.. Ой, не!
Зачем нам эти беды?
Заместо правды о войне
Споём про День Победы!

*

Не факты главное – толкователи:
Рунопевцы и зицпредседатели.
История – не наука, а вера,

Пресс-релизы вождя, химера.

*

А ещё война – жизни всполох.
Поперхнулся багряный Молох.
Рабам дал шанс героями вдруг стать,
И выпрямиться, и дышать.

*

Мы делаем, что можем:
воюем и поклоны бьём.

*

Вспоминая победу в Отечественной войне 1812
года

Саграп Кутузов сдал Москву без боя.
А где блокада и десятки миллионов?
Драматургия где!?
Да на хрена победа нам такая.

*

Война двенадцатого года
Уж тем нам не по нраву,
Что ни про Сталина та ода,
Ни партии во славу.

«И этот марксистский подход к старине
Давно применяется в нашей стране...»

Александр Галич

*

Самим ну ничегошеньки не натъ,
Нам в радость поперёшно поступать.
Маме назло отморозим уши!

Буржуям назло заживём лучше!

*

Мы все в душе своей «чучхе»
Погрязнуть лучше нам в грехе,
Болтаться по ветру на рее,
Чем выгнать из себя Корею.

*

Наш уклад

Вперёд! Назад... чуть-чуть левее...
А-аа, стоп! стоп-стоуп... поправее.
Вот так... Ой, нет!.. Ой не, не над...
У-ау! Счастье – от движухи в зад.

Не стенограмма то борделя,
Не полицаев съёмка скрытая,
Не шутки первого апреля –
Страны история избитая,
Руси уклад.

*

Моя комплекция – роман,
Зачем мне эпопеи вес?
Я отвергаю суп-культуру!..
Стремиться буду к SMS.

*

В деревне повесился безработный мужик, молодой совсем.
Назанимал в банке денег под музыкальный центр, а отдать...

Реклама, кредит потреблятский,
Новомодное слово «коллектор»...
А подоплёка старая, как мир –
Чистка арийской расы.

*

наш капитан принёс команде
очко второе
после дристательной игры
уж мало одного...

*

Этимология не врёт!
Наука раздвигает рамки узкие.
Сомнения нет, что Кат-манду
Когда-то основали наши русские.

*

Живите как небесны птицы! –
Призвал соседей дед Матвей.
Все тут же ринулись к помойкам
И с крыши гадить на людей.

*

Весь по уши в песке и глине,
Ил чернозём на лысине.
Небось опять пил без закуски?
Я собиратель земли русской!

*

Вниманье русским эмигрантам!
Для вас открыт элитный клуб –
«Родной подъезд», где можно гадить
И чувствовать себя как дома.

*

Волки сыты, овцы целы –
райская житуха!

Сожрали наконец-то
Гондона-пастуха.

*

Лишь стоит захотеть,
И тут же вам открыты
Широкие пути-дороги,
Обширно-мозговые травмы.

*

Давно бы сдохли тараканы
От экологии такой:
Спасает повар Зинаида –
Устроила на кухне срач.

*

Порадовался объявлению,
Мол, избавляем от запоя,
Нашёл по адресу, волнуясь...
А все врачи упившись в ...опу!

*

Разные разницы

В юности думая, что с каждым шагом удаляюсь от Бога, я, оказывается, шёл по кругу до тех пор, пока не упёрся в Него.

*

Трудно управлять фонограммой, когда солист зевает.

*

Цель жизни человека? Стать им.

*

Женитьба на однокласснице – разновидность однополого брака.

*

Со дня Советской Власти мы завлекаем инвесторов, обсуждаем детали коммерческих сделок, подписываем контракты под кумачом с девизом «Смерть мировому капиталу!» Так может, хоть транспарант простирнём?..

*

Нельзя сужать понятие патриотизма до аксиомы: «Своё дерьмо – не пахнет!»

*

Читая, человек растёт над собой.

*

Бывает и глупость изысканной.

*

Обязательные плод и образование – горькие и бесполезные.

*

Когда одни плюсы, тоже плохо. Минусы нужны, без минуса даже лампочка не горит.

*

Я «жаворонок», который любит дрыхнуть до обеда.

*

Россия – сплошной человеческий фактор.

*

Для генералов война, как для школьников каникулы.

*

Жизнь настолько хороша, что статистику отменили.

*

К власти следует относиться, как в Индии к коровам – подобострастно: она и священная, и бодливая.

*

Бывает, от человека ждут великих свершений, а потолок его способностей – плохие анализы.

*

На лыжи если не «встану», то наступлю.

*

У него и херувим от слова «хер».

*

Гусеница, совершившая суицид, никогда не станет бабочкой.

*

Танец – сурдоперевод ногами.

*

Символ прессы – ущербный месяц, освещённый с одной стороны.

*

Из всех-всех-всех сын выбрал Её. Дальше – Чёрный квадрат...

*

Почётное право выпорхнуть бабочкой достаётся прилежным червям.

*

Две Кореи-близняшки, если глазеть из космоса – «нарядная иллюминация» и «тусклый ночник»

*

Самый человеколюбивый людоед.

*

Антикоррупционная экспертиза включает 2% отката.

*

Объявление: «Ввожу в состояние комы вопросом».

*

Хуже, когда «пидор» лицо юридическое.

*

Особый вид отважности правителя: увидев, что власть ускользает из рук, не открывать стрельбу по своему народу.

*

Из одного учебника истории в другой без изменений переносят только фразу: «Не надо искажать историю!»

*

Утром дверь из спальни на балкон распахивается сама.

*

У России есть спасатели – нет спасённых.

*

Россия – это Япония наоборот.

*

Интересно, способность поразить цель – аргумент, достаточный для запуска ракеты?

*

Договариваться всем нужно на нейтральной полосе – там где кончаются религии и царит нравственность.

*

Для открытия правды нет сроков исторической давности. Правду можно узнать лишь случайно.

*

Кто с умом к нам придёт, от него и погибнет.

*

Патриотизм – это страстное желание и личные усилия, чтоб твоя Отчизна стала лучше. Считать, «лучше не бывает» – диагноз.

*

Да, сущность человека такова: своих проблем нам мало – догребём!

*

Меж «гениально» и «генитально» – стеной до неба буква «Т»

*

– Могу быть с Вами откровенен до конца?
Она кивнула – он разделся.

*

Подряд два понедельника не выдержит никто.

*

Народ без книги – толпа.

*

Оптимизм – это Вера.

*

«Рассеянность – главный признак гениальности!» – сам придумал, а утешает.

*

Телевизор постепенно превращается в «чёрный квадрат».

*

Мне горько, что «салам алейкум» подчас звучит, как «hande hoch!»

*

Русский язык минус Черномырдин – набор бесцветных эрзац-фраз.

*

Где грань между смирением и долгом?

*

Скромность – разновидность снобизма.

*

Силовую операцию руками начал в тайне от головы.

*

Картины Пабло Пикассо – касса взаимопомощи для богатых.

*

Можно сплясать и под чужую дудку, если мелодия родная.

*

Не относитесь к людям говнодушно.

*

Поезд, как удав: у него голова, хвост и живот – вагон-ресторан.

*

Мужики, как дети малые: лишь бы привалиться к женской груди, поиграть в машинки да пострелять.

*

Нужно дозировать общение с людьми.

*

Плохо, когда люди превращаются в движимое имущество государства.

*

Телевизор – это термометр, висящий на солнце: точно никогда не покажет.

*

Все вместе только пашут, а ленится каждый за себя.

*

Атом, распавшись, делается сильнее. Семьи и страны – нет.

*

Улыбаться бесконечноширокозубо умеют и черепа. Для самоиронии нужны мозги.

*

Народная примета: похолодание в мае – к отключению отопления.

*

Когда-нибудь Рождество Христово будет отмечаться одновременно по Фаренгейту и по Цельсию.

*

Упрекать или хвалить Президента – значит не быть православным.

*

Глаза у большинства людей одновременно больше трёх букв не воспринимают.

*

По стране лучше передвигаться приставными шагами.

*

Если бы во время войны русскому солдату запрещали материться – мы б не победили.

*

Беда, коли на планете есть страны с девиантным поведением.

*

Она из тех людей, что и на плахе уверяют: «Всё замечательно!»

*

Судя по цвету России, скоро «пушкиных» будет – завались!

*

Жизнь промелькнула перед глазами, как комод, сброшенный с верхнего этажа.

*

«Газель», за то, что в лихие девяностые вывезла на себе всю страну, нужно поднять на пьедестал, как легендарный танк «Т-34».

*

Вспоминая родной город, он мечтал: «Взять бы хороших людей,
вывезти на велике, а туда – бомбу».

*

Нецензурное сочетание цифр.

*

Писательство – форма богослужения.

*

В Пиндушской мореходке:
– Дневальный, качай стул! Без моря не могу-уу...

*

Любовь – пробоина в груди.

*

Национальной литературы не бывает, как и нот.

*

В статистике нужно вернуть графу «по сравнению с 1913 г.» Зачем
лишать себя радости?

*

Зачем англоязычное «ОК-ей»?
Знак восклицательный весомей и короче – «!»

*

Теперь, чтоб разбираться в спорте, главное – знать химию.

*

Нужно запретить российским чиновникам от спорта носить фамилии, производные от слов «мутить», «кинуть», «на...бать»...

*

Давно назрела потребность в организации коммерческих олимпийских игр, где личным делом спортсмена станут допинг и тайна скрещивания его со страусом.

*

Постоянная аудитория «Первого канала» – шубутная секта.

*

Неслучайно место побоища русичи называли «полем брани»: ядрёная матерщина или, изъясняясь по-научному, «слова-обереги» – густым непроницаемым облаком защищали русских витязей от неприятельских стрел, поднимали в дружине боевой дух, насмерть валили с ног супостата и вражью конницу.

*

То, что Запад никогда нас не догонит – очевидно! Это убедительно продемонстрировали ещё в Древней Греции на примере черепахи и Ахиллеса.

*

На Западе давно поняли: тех, кто не желает работать, дешевле подкармливать.

*

Примета: как с экранов начинают запевать «танки наши быстры...» – враг дойдёт до Москвы.

*

Граждане с лёгким сердцем бросили Советский Союз на дороге, как слепого Пью пираты-подельники – одного, беспомощного, под копыта Времени.

*

Приятный человек не бывает великим писателем.

*

«Никого не трогаем, починаем примусы». Этот девиз – в герб России.

*

Не ласкайте во мне зверя.

*

Лось весной сбрасывает рога, поверив клятве жены «блюсти супружескую верность».

*

Задача кибервойск – растление насильников.

*

Лучше горе от ума, чем с хрюканьем радость.

*

Народный эпос, как внебрачный ребёнок. (Но, даже если мать не помнит всех прихожан – отец-то один.) Пора ставить памятник неизвестному писателю.

*

Росстат раскрыл «белую» зарплату чиновников...

*

Каждый хоть раз обязан стать писателем и создать книгу о своих родителях.

*

Есть актёры – «сигнальные флажки»: там, где они снимаются, фильм – дерьмо.

*

Бытует выражение «правдами и неправдами». Мы добиваемся своего одними неправдами.

*

Каждый прожитый день в России засчитывается за три, как на войне.

*

Перефразируя Михаила Жванецкого: учителю не плати – не уйдёт из школы, неучителю плати – не придёт.

*

Литература или жизнь.

*

Настаивая на своём благородном происхождении, уверял, что у него и задницы нет: спина сразу раздвояцца в ноги.

*

Не бывает «что» без «потому что».

*

Свидетель подтвердил уход банкира из офиса, из окуляра прицела...

*

С читателем повезло. Мне б такого ещё одного.

*

Откреститься от «Солнцедара» – Родину предать.

*

«Сук» – мужского рода сука.

*

Даже в те времена поговаривали: «Блат выше наркомата». Сохраним традиции отцов!

*

– Старая ты б...!

– Чё это старая?

*

Некрасивые – с детства философы.

*

Многоточие – помёт взволнованных слов.

*

Хребты и ущелья – морщины планеты.

*

Стихи не графика – фонетика.

*

При равных обстоятельствах соседи снизу кажутся поприличней.

*

Врагов ждать – состариться. Искать – молодым остаться!

*

Извержения-землетрясения – пуки Земли, перистальтика.

*

Не умеет бык заливаться соловьём.

*

Если чепуху молоть сутками, нет-нет да и обронишь пару умных слов.

*

Ангел-хоронитель всегда на подстраховке.

*

– Помогите, Христа ради, обналить миллион!

*

Парадокс – «бесчеловечная народная власть».

*

Банк разместил на сайте для клиентов очередное объявление.

*

Рассказом можно разродиться, а можно опростаться.

*

Нежелательно переносить методику секты «Свидетели Иеговы» на внешнюю политику.

*

Сидеть «на игле» ор-шоу – страшный диагноз.

*

Грабителя земель выдаёт добыча.

*

Для нас мир – непоседе сидеть.

*

Иван Грозный раз и навсегда решил проблему отцов и детей.

*

С каждым репортажем технические параметры изделия неуклонно улучшались.

*

Сбор мусора по фракциям – этап второй. На первом – население должно (без выдвигания встречных условий!) отказаться писать в подъездах.

*

Купи бутылку и не отказывай себе в любых фантазиях!

*

Нет такого гадкого слова, которое не использовали бы поэты-писатели, характеризуя творчество друг друга.

*

- Президент наш дирижирует оркестром. На его месте мог быть я.
- Здесь мало напиться.

*

В сексе и государстве «большой» ещё не значит завидный, дееспособный.

*

Чем быть никем, лучше никем не быть.

*

Старики сказывали:

- Бывало, робята-новобранцы в армии уже присягу приняли, а в деревне провода – в самом разгаре. Серьёзней относились.

*

Наш вариант воровского сериала: «Прямая трансляция со строительной площадки космодрома “Восточный”». (Суд приступил к рассмотрению дела о хищении при строительстве «Восточного» Rapsinews.ru; 11.05.2016)

*

Пристёганная на живую нитку линия государственной границы – залог от скуки.

*

После заявления: «Берия – эффективный антикризисный менеджер» – смысл в дискуссии теряется.

*

Кто создавать мешает, тот враг.

*

Первый Гагарин – Чкалов.

*

Конные дивизии в Великой Отечественной – индейцы против танков.

*

Возвращают долг и каются – слабаки. Но хвастать, что «гадил и буду гадить» – крайность другая.

*

– Дорогие телезрители, хотим рассказать вам, кто же водрузил знамя над Рейхстагом первым, но уже сами запутались, что можно говорить...

*

Вылетая на красный свет, считал себя не жлобом – джигитом.

*

Мой любимый роман про войну и мир – «Тихий дон».

*

Для нас август – месяц ВДВ.

*

Опыт – это неуклюжая попытка добиться того, что достигается благословением.

*

Декламируя стихотворение сбился... Текст подсказала «прослушка».

*

Анекдот: «Кавказ – песенный край».

*

На филологический идут не потому, что любят литературу – там нет математики.

*

Если бы я знал, что завтра конец света – сегодня сложил бы ещё одну песню.

*

Что такое «гражданин мира»? Это когда каждый народ считает тебя своим земляком.

*

Поминая жертвы ВОВ, акцентировать внимание исключительно на страданиях одной нации – неприлично.

*

– Выпьешь?

– Нет! не... не откажусь.

*

Сходить в народ... по-маленькому.

*

Два блестящих вскрытия равны одной удовлетворительной операции.

*

Принцесса, что ты будешь делать с белым конём в своей хрущёвке?

*

Торжество прогресса: Отечественная война 1812 года – игра в солдатики по сравнению с Отечественной Великой.

*

Скромность – наше всё.

*

– В церковь не ходите, нехристи!
– Христи, но без фанатизма.

*

Поезд – место, где можно тронуться с комфортом, одновременно и массово.

*

Что-то напутано в нашей медицине, если лечение кариеса приводит к раковым заболеваниям.

*

Выписывая рецепт на латинском языке, эскулапы хотят придать весомость туманному диагнозу.

*

С годами скромность нарастает, как древесные кольца.

*

Даже пешком приближаясь к посту ГАИ, начинаешь вспоминать где аптечка, знак аварийной остановки... машина.

*

Когда он сердился на подружку, то угрожал «любить её, как родина».

*

Скандинавы даже сидят медленнее.

*

При выделении участка под застройку у каждого разрешительного ведомства – свои «хотелки». Если использовать спортивные термины, круг увеличивается прямо на дистанции.

*

Город Кунгур Пермского края богат своими традициями – три колонии: 30-я, 40-я и 18-я женская.

*

Заблудился, как пердёж в залатанных кальсонах.

*

Нельзя путать деликатность с покорностью, а смирение с трусостью.

*

Канал «Культура» – наша кислородная подушка. Господь милостив!

*

Любовь к поэзии, как правило, безответна.

*

Раскрашивать чёрно-белые фильмы – всё равно что малевать помадой губы на скульптуре Родине-матери.

*

Лицо у неё красивое, породистое... лошадиного типа.

*

Что важнее в формуле воды: кислород или водород? Вода! Так и в песне: не слова, не музыка – важна гармония.

*

Пока на свои территории мы смотрим в растерянности, как цыган из старого анекдота на ватагу чумазных детей: «Этих помыть или новых сделать?»

*

Возможная перспектива: Москва – размером с Московскую область и до самой границы – бурьян.

*

Постановлением избиркома осеннее обострение в стране перенесено с августа на сентябрь.

*

Псевдопатриотизм – это когда кокошник напялил мужик.

*

Перфекционист – человек, набирающий цифры телефонного номера в строгой последовательности.

*

Грубая лесть приятней грубой силы.

*

Юношеская запальчивость и старческая мнительность идут рука об руку.

*

Наглость – смирение наоборот.

*

Народная примета: напыление асфальта – к выборам.

*

Злобствуя, неприятно обнаружить, что бьёшь по заднице сам себя.

*

Ни одной стране мира не обогнать нас по уровню ВВП на душу населения.

*

Как живём сегодня – сможем оценить завтра.

*

Творчество – стенограмма собственных чувств и мыслей.

*

Запретили выезд и... – нет СССР. Сковарка без клапана взрывается.

*

Легче всего тихориться в правящей партии.

*

Для собаки увещевания хозяина «не бойтесь, собачка не кусает» – звучат командой «фас!»

*

Прогнозы Гидрометцентра стали точнее. Спасибо сайтам погоды.

*

За не откат – к уголовной ответственности!

*

Кто из родителей согласился бы отдать родное дитя в балетную школу им. Льва Толстого!..

*

Не разорваться: стране или быть хорошей, как наша, или заниматься делом.

*

Чтоб с треском провалиться на вступительных в консерваторию, достаточно Фёдора Ивановича назвать «Шляпин».

*

Смирил гордыню, предался послушанию и стал образцовым... террористом.

*

Война в Афгане – счастливый случай и благо... для тех, кто мечтал о развале СССР.

*

Если начал тонуть с приходом капитана, то это капитан милиции.

*

Телись впечатлениями.

*

– Жо... жо... жо!..

– Поняла, не продолжай!

– Жо-тем!*

(*Я люблю тебя! фр.)

*

Сложно маршировать в ногу, когда ведут на убой.

*

Семь раз отмерь – один раз обмерь.

*

У них даже хор камерный!

*

Дух русского языка – в суффиксах.

*

Весь мир до основанья мы научим.

*

Счастье умножается делением.

*

Все мы русские, как Робинзон с Пятницей – англичане.

*

У глубокого человека и отношения ёмкие.

*

Эжопов язык.

*

Почему хронически отстаём? А нам некуда спешить... Россия бессмертна, у неё впереди вечность.

*

Конечно, и мы хотим роста благосостояния, но не до такой степени, чтобы работать.

*

– Если вы будете плохо работать, то у вас не будет никогда..
– Значит, не будет никогда.

*

Умницы есть, а глупниц нет!.. Обидно.

*

Настоящий помор за обедом не пользуется ложкой – припав к тарелке, он ждёт прилива похлёбки.

*

– С наступающим!.. – радушно приветствовали грабли.

*

Легче не дышать, чем не читать.

*

У нас сплошные вводные. Зато все ходим с широко раскрытыми глазами.

*

Музыканты – продвинутые слушатели.

*

Нет гениев – есть гениальные творения.

*

Меня ноты знают, я их – нет.

*

Догадка индусов о переселении душ животных в человека не лишена основания: каждый человек, в большей или меньшей степени, козёл.

*

Фрагментарно-правовое государство.

*

В каждом регионе нужно найти одного-двух талантливых актёров, пусть изображают на публике успешных малых предпринимателей и вселяют в людей надежду.

*

Прекрасно, что созданы все условия для открытия частного бизнеса. Плохо, что ларьку нужна «крыша» в Москве.

*

Пока все ролевые модели бизнесмена в России включают один общий элемент – тюрьму.

*

Обычные люди состоят из воды на 80 процентов. Политики и писатели – на 99%.

*

Интернет и открытая для выезда граница – две паутинки, которые отделяют от Ада.

*

«Всем всё за так» – обещание перед выборами.

*

Населению опасно говорить правду... Ведь неслучайно на госслужбе существует специальная должность ВРИ-О!..

*

Туалетная вода «Труссарди». Сказали бы честно: моча...

*

Прожитая жизнь измеряется не годами – гигабайтами виденного.

*

Врождённая доброта... её не скроешь. У нас даже насилие сентиментальное.

*

Заканчивал он есть, когда на первом пончике сидел, а последний торчал изо рта.

*

Оказывается, на лыжи мало встать – на них ещё нужно идти.

*

Зеркало – любимая картина женщины.

*

Стоматология «Бивень».

*

Частота цитирования Жванецкого сопоставима с Библией.

*

Россия – общий вагон с регулярным шмоном.

*

Даже абсолютно раздетый может быть в форме.

*

Возрастная категория, следующая за «старушенцией» – «страхушенция».

*

Идеи – пробегающая мимо сознания строка: не сохранил мысль – всё потерял.

*

Писательское творчество – это молитва, исповедь и проповедь одновременно.

*

Во всех странах возникают ЧП, но только в СССР, после аварии на Чернобыльской АЭС – чиновники вывели граждан на демонстрацию, дабы показать миру: «Смотрите: у нас всё нормально». Чернобыльская АЭС для меня – символ СССР.

*

«Пейте капли датского короля», – призывает Булат Окуджава. В трагедии Шекспира капли эти – яд, умертвивший короля. А песня, всё одно – шедевр!

*

В толковом словаре академика С.И. Ожегова медведь описывается так: «крупное хищное млекопитающее с длинной шерстью и толстыми НОГАМИ». Сделал я это открытие, когда учился в 9 классе. С этого момента я стал задумываться над точностью и весом каждого слова.

*

Для таких дилетантов в спорте, как я – поражение Алексея Немова вызывает уважку к спортсмену и его родине больше, чем зажиленное золото.

*

Наша внутренняя политика нацелена на то, чтобы хоть как-то залатать бреши политики внешней.

*

Если в России расстрелять всех, кто ворует, останется в итоге единственный председатель трибунала: поседевший, безумный с дымящимся «маузером» в дрожащих руках.

*

Характеризует человека совокупность деяний по итогу всей жизни: в юности Сталин и Гитлер едва не стали служителями церкви.

*

Раньше, описывая белые ночи, уверяли «книгу можно читать». Теперь не читают – придётся искать образ другой.

*

Балет «Лебединое озеро». Опять переворот?..

*

Сигнализация на машине, заигрывая с негодяями, картаво восклицала: «Визю!.. Визю!.. Визю!..»

*

Писатель – Ихтиандр, прикованный на цепь добывать жемчужины.

*

В отряде советских космонавтов существовала традиция: перед полётом смотреть «Белое солнце пустыни». Логично! Фильм ведь не таможенникам перед разводом показывать.

*

Своим посвящаю произведения, если не мешают. Чужим, если помогают в творчестве. (Для своих планка ниже, зато риск у них выше: на них – не на животных испытываю...)

*

Вторя Юлиану Семёнову: «не умею я сочинять, работал бы на них...»

*

Женщины и мужчины глядят на свой разбухающий живот по-разному-стремительно.

*

По фамилии убитого определить страну-заказчика трудно.

*

Россия – страна ручного управления. А «ручное управление» и «правовое государство» – понятия взаимоисключающие.

*

На Руси слова «индивидуальный» и «частный» – ругательные.

*

Нелюбимая работа – разновидность смерти.

*

Советский Союз развалился под собственным весом, когда «зелёные человечки» зашли в Афганистан и цена нефти опустилась ниже тридцати долларов. Мат в два хода! Всё. Я против аналогий, но они напрашиваются сами: «Афганистан» себе мы уже организовали...

*

У нас о важных законах не принято сообщать заблаговременно: вступают в силу «в ночь с такого на такое» и узнаю о них, как о начале войны. (Бывает, задним числом).

*

Российская империя границы расширяла-расширяла – от страны остался огрызок. Советский Союз границы расширял-расширял – распался. Россия наступит на те же грабли или будет жить?

*

Власти и не скрывают, что сейчас идёт информационная война. А первой жертвой любой войны становится правда.

*

Зря на него наговаривают. Не такой уж он и мундиаль...

*

«Есть страны, которые поступают ещё хуже» – гнилой аргумент для политика.

*

Боюсь, Шукшина, Сахарова и Лихачёва сейчас бы первыми зачислили в русофобы.

*

Жалко денег не на оборону – на агрессию.

*

Художник без зрителей – остывшая скороварка.

*

Директор филармонии каждую планёрку начинала с патетики: «Я научу вас, блядей, культуру любить».

*

Дворник с мобильником выглядит искусственно, как нищий с зонтом.

*

Моё искусство спать с открытыми глазами и твоя невозможность вспомнить предмет беседы гармонично дополняют друг друга.

*

Пойду сдам кровь, может и моя борматушка кому сгодится.

*

На льду грибов не ищут.

*

В унитазе не рыбачат.

*

Бравурные, цветастые речи настораживают, как яркая окраска ядовитого мухомора...

*

В магазине, муж и жена:

– Эту помаду за 180 рублей я бы купила...

– Мне проще с тобой развестись.

*

«Сколько бы кобыла не жеребилась в упряжку впрягаться самой» – суровая реальность.

*

Фраза «Нет надо!» произнесённая энергично три раза подряд действует как убедительный аргумент.

*

Каждое Постановление Правительства и кадровое назначение легко перевести в тротилловый эквивалент. Серьёзные разрушительные последствия несомненны. Всё дело в масштабах.

*

«Не могу» и «не хочу» – близнецы-братья.

*

Директор школы про учителей:

– Я их «пронасекомлю!» (прижму к ногтю).

*

Два пацанёнка:

– Вон автобус с лЮдьми поехал.

– Не с «лЮдьми», а с людЯми!

*

В магазине продавец и покупатель перебирают футболки:

– «Эмок» нет, «элек» нет, «целок» нет.

*

У племянницы выпал зуб. Она рассказывает:

– Къивлялся, къивлялся и докъивлялся.

*

Кому в слове «морально» слышится лишь «орально», считают мои рассказы пропагандой секса.

*

В нашей стране нужно памятник поставить пятнице.

*

Соседи играют в домино:

– У меня четыре очка!

– Экий вы, батенька, извращенец...

*

Другого «не разведёшь» – не выживешь.

*

– Если человек в носу ковыряет, он ещё не пьяный.
– Почему?
– Замечал: он думает.

*

Каждый советский знает: настоящая одежда должна быть дешёвой, немаркой и на вырост.

*

Москвичи, как метрополитен: монетку сунул – «Проходи!»

*

Умный человек тот, кто может понять глупого.

*

История талдычит: люди, страны умеют либо прогибаться, либо покорять. Народ Ингушетии проявил достойную середину. А, может, середина и есть Истина?..

04 – 31 октября 2018 г. Магас

*

Вышел из себя в открытый космос.

*

Рядом с красивой девушкой за столом всё время подмывает крикнуть «горько!».

*

Пусть гордыня переродится в гордость.

*

Правда – это то, что правдой считаешь ты. Всё остальное – неправда.

*

Внук раскапризничался ночью:

– К маме хочу!

– Сейчас ночь, как я тебя повезу? Вот утром автобусы начнут ходить...

Чувствуя, что обманывают, разревелся ещё громче:

– Автобусы ездят, а не хо-оодят!..

*

Преодолеть похмелье помогает контрастный душ, бокал горячего бульона из кубика и белогвардейские песни.

*

В любой сказке, по пьесам Шварца, явно слышны оскорбительные намёки в адрес действующей власти.

*

Бывает, что фея приехала к Золушке, когда та стала уже бабушкой.

*

Не знаю «потёмкинские деревни» – вымысел или правда? А вот то, что в родном городе в советские времена белили фасады зданий, в ожидании Предсовмина СССР, по маршруту движения, – факт.

*

В поезде одна дама уверяла другую:

– Ты неправильно живешь! Ты не любишь себя. Я прихожу домой, туго перевязываю платком голову, ложусь на диван и... начинаю умирать. Муж, дети начинают вокруг меня кружить.

*

Каждый день, не осенённый творчеством, – шаг назад, к животному состоянию.

*

Не порицай собачью свадьбу!

*

Сопромат – наука, позволяющая определить задним числом необходимую прочность рухнувшего объекта.

*

Творчество нельзя откладывать на потОм. Когда выпишут утеплённые памперсы, о творчестве тоже можно забыть.

*

Кому что, а дворнику с неба, как манна, нисходит работа.

*

Агрессор – страна, которая вторгается к нам. (Определение для школьного учебника истории).

*

В России пора присвоить статус государственного темперамента холерическому.

*

Трудно верить зажигательной проповеди коменданта публичного дома.

*

Если ответ начинается словами «ну, вы понима-ааете...» значит, не хотят, чтоб понимали.

*

Чем дольше тишина, тем страшнее заходить в комнату к детям.

*

Хрипы в двигателе, натужный гул трансмиссии и буйно-помешанный бипер поворотника безошибочно указывали на застарелую астму ПАЗика XXI века и нашу ментальную особинку.

*

Мы – прямые, искренние – настоящие!..
В Карелии молодой человек пытался добиться любви своей избранницы, используя ручную осколочную гранату Ф-1 (зона поражения 200 м). Без успеха!.. Старухи на остановках осуждающе скрипели: «Вот, дура-то! Довела парня...»

*

Курс на изоляцию: вместо солнца – лампочка, вместо Интернета – тёрки на кухне, вместо денег – расписки, вместо путешествий – диктор, вместо информации – зубрёж речёвки, вместо суда – «тройки», вместо любви – онанизм.

*

Как нужно ненавидеть близких родственников, чтобы желать возврата Советской власти, которая на бис уничтожит оставшихся.

*

Если смотреть телевизор, можно вольтануться.

*

«Принуждение к любви» – пафосное название операции за рубежом, в быту больше известной под уголовно наказуемым деянием «изнасилование».

*

Рост тарифов задней скорости не имеет.

*

Сварщик:

– Всю жизнь другим варю, а сам хожу голодный.

*

Голова нужна не только для вошек.

*

На сытый желудок тонуть приятнее.

*

Владельцы игровых автоматов – те же операторы машинного доения.

*

Петь любят с той же силой, сколь не умею. Это, видно, закономерность.

*

Любой дворник подтвердит: часть населения произошла от свиней.

*

Даже открытый человек должен держать ширинку застёгнутой.

*

Россия: фантастические возможности и физиологические потребности – потому и непобедима.

*

Молчать и слушать можно заставить, петь – нет.

*

Объявление: «Поможем в сафершенсфе афладеть рузким!»

*

Не велика заслуга интернет изобрести – слава тому, кто не отключил!

*

Для большинства любой, «кто «давить на клавиши умеет» – композитор».

*

Сосед-моряк с ностальгией вспоминал «автономку»:
– Команда у нас сплочённая: е...ём друг дружку, деньги – в кружку!

*

При выборе поделщиков следует быть крайне осмотрительным. С Гитлером просчитались... Гитлер оказался вероломным!

*

В гости кто с чем ходит, мы – с войной.

*

Только людям и соловьям кажется, что вороны каркают – они так поют.

*

Лень – Божий дар: холодный расчёт, решимость и стальная выдержка, умело скрытые под личиной порока.

*

Гений – выше этнических, религиозных и национальных прыщиков.
Гений – вровень с солнцем.

*

Из писателей всемирно известных лишь один карел, да и тот Чапек.

*

У иных выражение «Рот фронт!» вызывает лишь скабрзные ассоциации.

*

«Штрафбат» – фильм тяжёлый, но Родину нужно знать в лицо.

*

У нас высшая категория отделки квартиры – «евроремонт». А у них?

*

Хромой вызывает хохот, когда бежит. Так и страны...

*

Если кошелёк у бабушки, она – дедушка!

*

Не бойтесь экскрементировать!

*

Некрасивая правда о ВОВ, как ребёнок-инвалид, от которого родители отказались. Своими мы признаём детей выборочно – лишь пригожих.

*

Верующего человека узнать легко: он не задаёт вопросы.

*

Герб Москвы – модель вертикали власти: взгляд снизу.

*

Россия – СССР без тюнинга.

*

На верных женщин приятно и положиться.

*

Инвалид у нас или не выживет, или... встанет и пойдёт.

*

Если Карабаса не подхваливать, игнорировать его представления, он на театре поставит крест и сорвёт с себя маску приличия.

*

«Фиг Ргісе» – значит, бесплатно...

*

Перечисляя преимущества бывалишной жизни, всегда заходил с козырей:

– Раньше хоть редька с квасом, да пердели басом.

*

Не повезло России с соседями по планете.

*

Ля-бемоль тебе в до-мажор!..

*

Художник с большой буквы «Ху».

*

Когда говорят с акцентом, кажется, что и думают с акцентом.

*

Власть всегда оделяла понравившийся бизнес знаками внимания: «Поставщик двора Его императорского Величества» – при царе-батюшке; «Знак качества» – во времена советские; рейдерские захваты – нынче. Сейчас власть способствует тому, чтобы люди жили по-христиански!

*

Хорошо там, где нас нет. Хорошо всем.

*

Каннибализм – форма политического устройства.

*

Поэт-очевидец Варлам Шаламов так вспоминал Советскую власть: «Мы знаем сталинское время – лагеря уничтожения небывалого сверхгитлеровского размаха, Освенцим без печей, где погибли миллионы людей. Человеческий мозг не в силах вообразить тех преступлений, которые совершались». Однако министр культуры считает: на лицо – грубое искажение фактов. Ему верю больше. Почему? Во-первых, доктор исторических наук. А во-вторых – в очках.

*

А ловко мы обогнали всех в спорте!.. Интересно, как бы это сделал Великий Лесли?!

*

Не «новопреставленный» – «новоиспечённый». Очередной испечённый в земном горниле для жизни небесной.

*

Мы живём строго по Евангелие. Евангелие от Остапа Бендара.

*

В доброй детской сказке власть стоит на страже интересов Карабаса-Барабаса и Лисы Алисы. В жизни Карабас-Барабас – сам власть.

*

Решение ВАДА... Ощущение, как если бы Родину застукали при выносе полотенца с логотипом из номера отеля.

*

Счастье Кутузова, что он разминулся во времени со Сталиным.

*

Расставляя точки над «и» – перевернёшь алфавит.

*

Если человек связывается с раздолбаем второй раз, то раздолбай уже он.

*

Деньги – это газ, поскольку имеют свойство испаряться.

*

*

А вот когда напали на нас, началась Великая Отечественная война.

*

Не обзывайте джамахирию правовым государством.

*

8 марта – День международной солидарности женщин в борьбе с мужчинами.

*

Коронавирус – саечка человечеству.

*

Импортозамещение: Дмитрий Rogozin наш Илон Маск.

*

Бесконечности смыкаются.

*

«Горячей» линия называется потому, что мозг закипает уже на двадцатом вопросе автоответчика.

*

Репутация – это навсегда.

*

Альберт Эйнштейн – предатель Родины?

*

Если в медицинский халат обрядился киллер – медики ни при чём!

*

Врачи убеждены: «доступность операции – не повод для её проведения». ЗдОрово, если б эта мысль коснулась людей в погонах.

*

Восхищение – это когда представление об идеальной красоте скромнее реальности.

*

Слабое место пропаганды: брехуну не верят, даже если он сболтнёт правду.

*

Незавидна судьба у ведущих ток-шоу... Публично испражнятся ртом – не каждый на это пойдёт.

*

Холокост и ГУЛАГ: кто виноват?! Ответ нашёл в Ветхом завете.

*

Понимая, что на всё воля Божия, но где-то ведёшься «у-ував!» – с радостью – а где-то... от безнадёги.

*

У-ха-хатываемся над мачехой из сказки «Золушка», а когда по её заветам начинает жить страна, делается не смешно.

*

«Геополитика» – заумный дипломатический термин, вместо простонародного «искать приключений на ...опу».

*

Заметил, что с возрастом, стал реже употреблять местоимение «я».

*

Свой день рожденья отмечаю традиционно, как принято у нас: и по-старому, и по-новому стилю. Чтоб не промахнуться! – в «вилку» беру.

*

Лысенко – жил, Лысенко – жив, Лысенко – будет жить!

*

«Физиогномика» – вряд ли «наука», но надёжный поделник, охмуряющий собеседника. «Улыбка Гагарина»: невзирая на гендерные пристрастия – покорены все! Его улыбка – надёжное свидетельство, что ЯКОБЫ агрессивные планы государства – плод исключительно вашей маниакальной подозрительности! Однако, что делать, когда держава воистину миролюбивая, но от всего мира это скрывает? Элементарно! Назначить, в качестве «фасада» внешнеполитического ведомства, чиновника с физиономией типа «кто к нам придёт – от меча и погибнет». Сколько мегатонн тротила и боеголовок можно на этом сэкономить... Мамаюдорогая!

Вывод: «физиогномика» пусть и «не-наука», но водиться с ней полезно.

*

Права моя страна или нет – я ей рукоплещу.

*

Дабы населению не было скучно, законы поминутно встряхивают.. как игральные кости в стаканчике.

*

Что является правдой – объявляют по часам, как московское время. И всем удобно.

*

Власть никогда не ошибается! У них «всё на сто пятьдесят раз просчитано». Начало Великой Отечественной, распад Союза...
Значит, надо было так.

*

В тренде – трендеть.

*

Эволюция революционных взглядов Владимира Маяковского

«А Рафаэля забыли? / Забыли Растрелли вы? / Время / пулям / по стенке музеев тенькать. / ... А почему / не атакован Пушкин? / А прочие / генералы классики? / Старье охраняем искусства именем». («Радоваться рано», 1918 г.)

«А мы – / не Корнеля с каким-то Расином – / отца, – / предложи на старье меняться, – / мы / и его / обольем керосином / и в улицы пустим – / для иллюминаций. / Бабушка с дедушкой. / Папа да мама. / Чинопочитанья проклятого тина». («Той стороне», 1918 г.)

«Стар – убивать. На пепельницы черепа!» («150.000.000», 1920 г.)

Пройдёт всего десять лет и Владимир Маяковский – Икона большевиков! – станет их разделочной доской.

Поэзия его начнёт вызывать не всеобщий восторг, а тошноту и отторжение. Вот тогда Маяковский вспомнит в стихах Бога – он пока пишет это слово строчными буквами, но всё же; и будет уверять читателей, что любая тварь – Божественное создание – оказывается! имеет право голоса:

Стихи о разнице вкусов

Лошадь
сказала,
взглянув на верблюда:
«Какая
гигантская
лошадь-ублюдок».
Верблюд же
вскричал:
«Да лошадь ты разве?!
Ты
просто-напросто –
верблюд недоразвитый».
И знал лишь
бог седобородый,
что это –
животные
разной породы.

1928 г.

*

Рекламируя Советский Союз, она всегда заходила с козырей: «Пусть воевали, пусть голодали...»

*

Дальнобойщики бывают трёх видов: «Пристегнись и... молчи!», «...слушай!», «...говори!».

*

Назначить Бабу Ягу пресс-секретарём – это само по себе враждебный шаг.

*

– ...Пока молодой, пока жопой гвозди дёргаешь.

*

Истинный патриот, узнав, что лампочку изобрёл не наш Ильич, а ихний Эдисон – пользоваться светильником не будет.

*

Мы – аниматоры мира!

*

Мандагаскар.

*

Жаль, не повезло нам с соседями по Земле. Эх!.. Нам бы такого соседа, как Россия...

*

Александр Викторович Костюнин,
член союза писателей РФ
Почта личная: A-Kostjunin@yandex.ru;
Авторский сайт: <http://kostjunin.ru>;

